

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ **№1 (163)**

МОСКВА 2026

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2026. № 1 — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
академик НАНУ А.А. Грищенко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); А.А. Козлачков;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); к.ф.н. С.С. Мерзляков;
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; к.э.н. Н.П. Недзвецкая;
д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.и.н. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); Т.С. Сухина;
д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарев (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
И.Г. Морозов, Н.П. Недзвецкая, С.С. Нипа, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина,
О.Б. Лемешонок, В.В. Осипов

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. +7(495)939-4183

e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

сайт: <http://www.phil.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2026

Содержание

О своем насущном! (<i>Главный редактор</i>).....	7
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>С.Г. Ковалев</i>	
Блокадная Россия: созидательное воспроизводство в противоречивом мире. Философско-хозяйственное осмысление.....	11
<i>И.Г. Шевченко, В.А. Меланин</i>	
Православие и суверенитет.....	27
<i>А.В. Марков, О.А. Штайн</i>	
Агональная соборность: русские хозяйственные контексты театра Арианы Мнушкин и философии Жана Боллака.....	34
Раздел II. Экономическая теория	
<i>С.Г. Капканщиков</i>	
Невпечатляющая динамика российской экономики в постсоветский период и структуралистская версия ее причин.....	47
<i>Г.Г. Егоров</i>	
К вопросу использования современных нейронных сетей в экономике России.....	73
<i>А.Ю. Козловский</i>	
Типология социально-экономической модернизации ведущих стран мира конца XIX — начала XX в.	83
<i>С.Н. Сапронов, Е.В. Старовойтова, В.П. Суйц</i>	
Пролегомены к ценности данных системы внутреннего контроля.....	97
Раздел III. Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
В чем состоит humanitas человека?	113
<i>А.Г. Штейнберг</i>	
Еще раз об элите: к проблеме эгалитаризма.....	119
<i>М.М. Евдокимова</i>	
Антропологический вопрос в современном искусстве	127
<i>К.В. Молчанов</i>	
Ревитализация изначальной посылки AI: от Artificial Intelligence обратно к вопросу «Может ли машина мыслить?».....	135

<i>Н.Н. Ростова</i> Образ Христа как антропологическая антитеза в творчестве И. Крамского	146
Раздел IV. Актуальный менеджмент	
<i>К.А. Торопов</i> Эволюция практики управления человеческими ресурсами в экономике	157
<i>И.Н. Селиванов</i> Повышение клиентского сервиса и операционной эффективности на основе операционных плейбуков	177
<i>Д.М. Камари</i> К вопросу о влиянии инноваций на жизненный цикл руководителя	192
Раздел V. Актуальная социология	
<i>О.А. Габриелян, А.А. Зоткин</i> Перспективы использования теории архетипов в конструировании образа героя в медиапространстве России	211
<i>Г.С. Широкалова</i> Историческая память студентов: унификация и разнообразие	232
<i>О.А. Майкова, М.Ф. Фридман</i> От «вертикали власти» к «горизонтали доверия»: правовые и социально-философские аспекты адаптации наукоградов к реформе местного самоуправления	249
Научная жизнь	
<i>Ю.М. Осипов</i> Стоит того!	264
<i>Ю.М. Осипов</i> Актуальная Россия в актуальном мире (дополнение)	269
<i>Т.С. Сухина</i> Особенности формирования российской идентичности	271
<i>Е.С. Зотова</i> Об актуальной гуманитарной мысли (презентация трехтомника Ю.М. Осипова «Иное достояние...»)	278
Анонсы — 2026	294
Наши авторы	296

Contents

About My Essential (Chief Editor)7

Part I. Philosophy of Economy

S.G. Kovalev

Besieged Russia: Creative Reproduction
in a Contradictory World.

Philosophical and Economic Understanding..... 11

I.G. Shevchenko, V.A. Melanin

Orthodoxy and Sovereignty27

A.V. Markov, O.A. Shtayn

Agonal Conciliarity: Russian Contexts of Economy

in Ariane Mnouchkine's Theatre and Jean Bollack's Philosophy 34

Part II. Economic Theory

S.G. Kapkanschikov

The Unimpressive Dynamics of the Russian Economy

in the Post-Soviet Period and the Structuralist Version of Its Causes.....47

G.G. Egorov

On the Issue of Using Modern Neural Networks

in the Russian Economy.....73

A.Yu. Kozlovskiy

The Typology of Social and Economic Modernization

of the World Leading States in the End of XIX —

Beginning of XX Centuries..... 83

S.N. Sapronov, E.V. Starovojtova, V.P. Suyts

Prolegomena to the Value of Internal Control System Data97

Part III. Actual Philosophy

F.I. Girenok

What is the Humanitas of Man?..... 113

A.G. Steinberg

Once Again about the Elite: on the Problem of Egalitarianism 119

M.M. Evdokimova

Theme of Anthropology in Contemporary Art 127

K.V. Molchanov

Revitalizing the Original Premise:

from Artificial Intelligence back to the Question

«Can a machine think?»..... 135

<i>N.N. Rostova</i> The Image of Christ as an Anthropological Antithesis in the Works of I. Kramskoy.....	146
Part IV. Actual Management	
<i>K.A. Toropov</i> The Evolution of Human Resource Management Practices in Economics.....	157
<i>I.N. Selivanov</i> Operational Playbooks as a Tool for Enhancing Customer Service and Operational Efficiency	177
<i>D.M. Kamari</i> On the Impact of Innovations on the Life Cycle of Top Management.....	192
Part V. Actual Sociology	
<i>O.A. Gabrielyan, A.A. Zotkin</i> Perspectives on the Use of Archetype Theory in Constructing the Image of a Hero in the Russian Media Space.....	211
<i>G.S. Shirokalova</i> Historical Memory of Students: Unification and Diversity	232
<i>O.A. Maikova, M.F. Friedman</i> From «Vertical Power» to «Horizontal Trust»: Legal and Socio-Philosophical Aspects of Science Cities' Adaptation to Local Government Reform.....	249
Scientific Life	
<i>Yu.M. Osipov</i> It's Worth It!.....	264
<i>Yu.M. Osipov</i> Actual Russia in the Actual World (addition).....	269
<i>T.S. Sukhina</i> Features of the Formation of Russia's Identity.....	271
<i>E.S. Zotova</i> On Modern Humanitarian Thought: Presentation of Yu.M. Osipov's Three-Volume Book «Other Property...».....	278
Anounce — 2026	294
Our Authors	299

О своём насущном!

Научная школа философии хозяйства, возникшая и развивающаяся в Московском университете (МГУ имени М.В. Ломоносова), уникальна и самодостаточна, она не имеет аналогов ни в Российской Федерации, ни в мире. Реализуясь в идейно-размыслительном плане как особенное смыслообразующее мировоззрение, она вовсе не пренебрегает анализом мировой и отечественной реальности, уделяя много внимания восприятию и оценке происходящих в международном и национальном пространствах знаменательных событий, кардинальных экзистенциальных процессов, судьбоносных перемен.

Что касается текущей современности, то, с одной стороны, многое в ней происходящее весьма отвечает ранее — от нескольких лет до десятилетий — уже представленным философско-хозяйственной школой разработкам и заключениям, а с другой — прямо соответствует в части актуальных и практических действий российского государства и соответствующих перемен в социохозяйственной реальности предвидениям и рекомендациям школы, из чего следует вывод о высокой идео-практической эффективности такой отрасли фундаментального гуманитарного знания, как философия хозяйства. Что же касается расхождений между научными рекомендациями и происходящей в РФ реальностью, включая и действия или недействия властных кругов, то при всей дискуссионности вопроса ученое сообщество, которое может в своих рекомендациях, конечно, допускать ошибки, которые, правда, еще надо поискать, все-таки более склоняется к подтвержденному ученой практикой заключению об известной вольной или невольной инерционности, если по тем или иным причинам не иной ориентации или попросту недееспособности властной управленческой системы, что способствует сохранению, а то и усилению, как и замедленному преодолению, критической проблемности в состоянии и в стратегической перспективе национальной социохозяйственной экзистенции как на внутреннем, так и на внешнем контурах.

Главный редактор

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

С.Г. КОВАЛЕВ

**Блокадная Россия: созидательное воспроизводство
в противоречивом мире.
Философско-хозяйственное осмысление***

Аннотация. Дано понимание новейшего противоречивого дуального американоцентричного и китаеццентричного миропорядка, раскрыто понимание категорий странового воспроизводствогенеза, реальной и фиктивной экономики. Дан подход к рассмотрению РФ как державы, находящейся в блокадном окружении, необходимости осуществления созидательного развития на основе поколенческой солидарности.

Ключевые слова: блокадное воспроизводство, страновая устойчивость, созидательное развитие, реальная экономика, фиктивная экономика, поколенческая солидарность.

Abstract. An understanding of the latest contradictory duality of the American-centric and Chinese-centric world order is provided, along with a clear understanding of the categories of national reproduction and the real and fictitious economies. An approach is presented for viewing the Russian Federation as a power under siege, and the need for creative development based on intergenerational solidarity.

Keywords: blockade reproduction, country sustainability, creative development, real economy, fictitious economy, generational solidarity.

УДК 330

ББК. 65.в

Введение в проблему

Любое страновое развитие происходит во внешней среде, которая либо его ускоряет, ему благоприятствует, либо его сдерживает, затрудняет, причем и сама среда постоянно изменяется, усложняется.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ковалев С.Г. Блокадная Россия: созидательное воспроизводство в противоречивом мире. Философско-хозяйственное осмысление // Философия хозяйства. 2026. № 1. С. 11—26. DOI: 10.5281/zenodo.18722803.

Слово «блокада» имеет латинские корни: *blossus* — «западня», «ловушка», и укоренилось в других языках: нидерландском (голландском), французском, немецком. Современный смысл — действия изолирующие объект путем перекрытия внешних связей, система политических, экономических, информационных, военных мероприятий нарушающих процессы его жизнеобеспечения, функционирования и нормального воспроизводства, сбой, сужение из-за разрыва внешних связей (нехватка ресурсов, технологий, перепроизводство экспортных товаров и т. д.) с целью принуждения выполнения навязываемых извне требований. В мировой практике групповая блокада многих стран в отношении другой страны — достаточно редкое явление, хотя применение мер изоляции в отношении городов, перерезание путей их обеспечения применялось уже в Древнем мире. В истории известны масштабные групповые блокады. 1. Континентальная блокада — экономическая война, организованная, с одной стороны, Георгом III против нейтральных стран и их судов, заходящих в порты Франции, а с другой стороны, Наполеоном, его союзниками и сателлитами в отношении Англии в 1806—1814 гг. (попытка ее сокрушения через подрыв торговли — как экспорта, так и импорта) и ее ответные меры. 2. Военная интервенция и экономические меры Антанты по отношению к Советской России в 1920-е гг. и блокада Ленинграда в 1941—1944 гг. 3. Военная и экономическая изоляция, проводимая США в отношении Кубы. Исторически показательна, перекликается с настоящим временем, в какой-то степени является аналогом — это континентальная блокада. В нее были втянуты страны как со стороны Франции: Италия, Российская империя и др., так и со стороны Англии: Португалия, Испания и др. В целом она оказалась провальным для обеих сторон: потеряли больше, чем приобрели, однако отдельные отрасли получили развитие. Например, в России, участвовавшей в блокаде с 1806 по 1812 г., после ее отказа от импорта английских товаров ускорилось развитие отечественного производства. В отношении РФ фактически применен блокадный инструментарий гибридной войны как оружие принуждения к подчинению, подавления поступательного воспроизводства.

Противоречивый мир как внешне-внутренняя среда российского блокадного воспроизводства

Страновые блокады делятся на декларируемые и реальные, полные и частичные, точечные (отдельные воспроизводственные направления) и тотальные. Безусловно, российская блокада нетотальна. В точном, классическом понимании слова, возможно, не тянет на блокаду (относительно мягкая, избранная по сферами и персоналиям), но ее основные черты присутствуют, и она долговременна. Любая блокада направлена на нарушение хода естественного воспроизводства, разбалансировки и обнуления его факторов. Блокада в отношении РФ осуществляется путем скоординированного санкционного давления США, ЕС, других западных стран, давления через международные организации, затруднения внешних коммуникаций, движения факторов и технологий производства, торговых, логистических, платежных операций, передвижения людей (не имеющих двойного гражданства: въезд, выезд), обрушения рынков и цен, угрозы применения и применения санкций в отношении третьих стран, идеологического, пропагандистского давления, военных действий и угроз развязывания новой войны, выдавливания из постсоветского пространства, втягивания в гонку новых вооружений для истощения гражданского потенциала.

В конце 1980-х гг. М.С. Горбачев, не проиграв реально холодной войны, сдал и разрушил СССР, породив процесс «переваривания», дележа кусков постсоветского пространства, их неокOLONиального освоения. Характерный пример — игра в многовекторность бывших республик, а ныне стран Средней Азии и Азербайджана (между Китаем, США, РФ, ЕС, Турцией, Великобританией). В лице РФ, крупнейшего и сильнейшего осколка советской сверхдержавы, Запад видит субъекта, сохранившего потенциальные возможности державного воспроизводства и своего геополитического и геоэкономического конкурента. Соответственно, от РФ требуют признать капитуляцию в пользу Запада, умерить гордыню, сократить военный потенциал, а в идеале и «самодезинтегрироваться» на отдельные части. Наглядный аналог — Югославия и поведение Запада по отношению к Сербии. Сложность для РФ состоит в том, что она весьма взаимосвязана с миром, погружена в мировую среду, а внешний мир

присутствует в ней. У нее недостаточная экономическая и технологическая самодостаточность, а как следствие, устойчивость к внешним воздействиям. Понятно, что в эпоху планетарного подетального разделения труда одной стране практически невозможно развивать все товарные позиции, но в критических технологиях важно быть лидером. В таблице 1 выделены страновые и планетарные факторы воспроизводства и выделены области потенциального воздействия, возможности давления извне на факторы воспроизводства, чтобы тормозить и затруднить развитие страны.

Таблица 1

**Общественное воспроизводство как процесс:
факторы, результат**

Факторы воспроизводства благ для жизни — организация и слагаемые природных и социальных производительных сил	Уровневые факторы воспроизводства планетарной жизни социума	
	Глобальные	Суверенные
1. Материальные факторы реального производства: а) земля и естественные ресурсы природы; б) производительный капитал формирующий технологические уклады, их структуру; в) труд; г) производственная инфраструктура: энергия, транспортная и информационная коммуникация; д) инфраструктура производственных связей: рыночная, административная, институциональная	Природная и социальная планетарная среда, неподконтрольная суверенным странам; планетарные институты нестрановой юрисдикции, осуществляющие глобальное управление, контроль за ресурсами, их перемещением, окружающей средой, информацией	Семьи, общественные организации, институты страновой юрисдикции
2. Духовные факторы: сила духа, образование, наука. 3. Деньги и их обращение, курсы валют, ценности фиктивного производства	Институты, осуществляющие глобальное управление культурой	Суверенное государство, его потенциал и институты

Продолжение табл. 1

4. Факторы воспроизводства производственных и социальных отношений: мировоззрение, ценности, формы присвоения (распределение, потребление), поколенческая преемственность	Политико-страновая структура, зоны и центры силы, рынки мира; формы присвоения планетарной ренты; общепланетарные духовные ценности	Социальная структура страны; формы присвоения недр, недвижимости, прибавочной стоимости (рента, прибыль, заработная плата), суверенные духовные ценности
Результат воспроизводства: благо (индивидуальное, коллективное), прибавочный продукт, ВВП, ВНД, национальное богатство	Результат планетарного воспроизводства Сохранение (растрачивание) планетарной среды, ее экологии для потомков	Благодеяние (деградация) отдельной страны

Источник: составлено автором.

Преодоление блокадной ловушки требует досконального знания тенденций современного мира и волевых усилий собственного общества. Блокады снимаются и изнутри — путем мобилизации общества, создания самодостаточной экономики, и извне — на основе усилий сторонних сил. Реальных внешних сил, заинтересованных и явно готовых помогать РФ в ущерб себе, собственным интересам, пока что в мире наблюдается мало, отчасти только Северная Корея. Наиболее действенно — пытаться задействовать оба пути.

Современный, новейший мир — это быстро меняющийся мир. Важно выявлять, идентифицировать, анализировать изменения и оценивать их воздействие на РФ. Понимать внешние желания и возможности ее глобального блокирования и собственные возможности деблокирования. Просматривается много тенденций по изменению мира, но следует обратить внимание на три: 1) глобальная новая многополюсная (двухполюсная?) поляризация на основе витка военной напряженности во всех континентах; 2) глобальная цифровизация на

основе отрыва и концентрации лидерства крупнейших транснациональных корпораций, работающих в области электронных коммуникаций, искусственного интеллекта и компаний, создающих электронные деньги; 3) глобальный мировоззренческий межпоколенческий разрыв на основе «расползания» ценностей гуманитарной старой европейской культуры (присущ людям всех континентов, приобщенных к американо-европеизированному начальному, среднему, высшему образованию и межконтинентальной миграции).

Конкретными атрибутивными составляющими современного процесса глобализации являются две складывающиеся ее новейшие страновые формы — американоцентричная и китаеццентричная, шесть современных направлений (смысловые срезы): цифровизация (информатизация на основе форсированного насаждения ИИ); финансовизация; социальная пролетаризация (обнуление среднего класса); депопуляция (сокращение коренного населения отдельных стран); общественная атомизация (разрывание прочных социальных связей; модификация семьи — дробление: дети и родители отдельно, преобладание малодетной семьи, людей без семей, детей и появление суррогатных семей: родитель 1 и родитель 2); вытеснение человека за пределы процесса производства: автоматизация, роботизация. Это лишь наиболее явные черты. А в целом многомерность субъектности — державные государства, мировые семьи (держатели прав страновых активов), надгосударственные властные структуры (международные организации, фонды, институты, ложи, клубы), структурированные теологические религиозные общности (буддистские, индуистские, исламские, иудейские, сатанистские, христианские и др. их разновидности) [4]. Все это на фоне быстрого роста планетарного населения, преимущественно Юга, истощения планетарной природной емкости: ресурсной базы и экологической планетарной перенатруженности (реальной и мнимой). То есть того, что в своих докладах на протяжении последних пятидесяти лет постоянно констатирует Римский клуб. Также следует выделить такую трудноформализуемую, но интуитивно улавливаемую черту, как размывание структурированности мира, сложившегося после Второй мировой войны, его современное «расползание», расплывчатость образа ожидаемого будущего.

Вышеназванные процессы определяют и выражают будущий миропорядок и переформируют существующий, втягивая в свою орбиту все страны, включая РФ. Дуализм формирующегося мира делает РФ объективно зажатой между двумя жерновами — США и Китаем, а также ЕС, вынуждают искать баланс в стратегических отношениях, приемлемый для всех сторон. Неустойчивость миропорядка порождает желания отдельных игроков получить в мутной воде противоречивого глобализма глобальные дивиденды за счет идущего переструктурирования, переформатирования, «потянув одеяло на себя». Использование инструментов гибридных войн (и холодных, и горячих), как видим, налицо (см. табл. 2). В целом глобализм продолжает формироваться, но возможны несколько сценариев формирования.

Таблица 2

Атрибуты и черты новейшего миропорядка

Атрибуты глобализации и миропорядка	Черты и содержание миропорядка	
Ранжирование стран в миропорядке	По уровню лидерства: а) глобальное: США, Китай; б) промежуточное: ЕС, РФ, Индия, Великобритания; в) ориентация на лидеров: иные страны Севера, Юга, Запада, Востока	
Формирующаяся новая центричность мира	Американоцентризм	Китаецентризм
Приоритетные проектируемые направления глобализации миропорядка	Урбанизация, финансовомизация, цифровизация, унификация, деиндустриализация и роботизация, поляризация, деструктуризация, дестабилизация, милитаризация, «десемьятизация», контролирование добычи стратегических ресурсов (редких и редкоземельных руд), логистики мира	

Продолжение табл. 2

<p>Концептуальные субъекты:</p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ миропорядка в целом; ▪ державной ориентации на мировое лидерство 	<p>Планетарные элиты</p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ глубинные надстрановые структуры и организации; ▪ часть национальных элит крупнейших стран
<p>Основные декларируемые черты глоболизирующегося миропорядка</p>	<p>Планетарное устойчивое развитие на основе снижения выбросов и отходов (циркулярная экономика), потребления ресурсов, энергии, численности среднего класса и населения, мирового надстранового и цифрового управления, новый глобальный передел социального устройства</p>

Источник: составлено автором.

В таблице 2 приведены общие черты глобализма как планетарного явления, но при этом глобализм неоднороден, имеет разные формы проявления — так можно говорить об американоцентричном и китаеццентричном глобализме [3]. Действия Д. Трампа на посту президента США ломают сложившийся стереотип в международных отношениях и подтверждают уже видимый новый социальный феномен, новую нерыночную доминантность США. Борьба идет не за модификацию рыночного механизма, а за передел мира и мировой власти. Это новая модель и мирового порядка, и места США в нем — сочетание новой индустриализации, повышения экономической суверенности, самодостаточности США с новым механизмом макрозон и глобального технологического и цифрового доминирования. Задача США — не отдать мировое товарное, технологическое, военное доминирование Китаю, сохраняя денежно-финансовое и восстанавливая производственно-технологическое доминирование. Ее решение опирается на традиции и подходе старой американской школы политической экономии, которая базировалась на уходе от идей А. Смита, уходе от английской империалистической политической и экономической зависимости и переходе к развитию на основе выстраивания американской системы: своя американская индустрия, банковская система, инвестиции в новые предприятия, производ-

ственную и социальную инфраструктуру, создание собственных правовых и социальных институтов, политика протекционизма, формирование собственной модели промышленного преуспевания — синтеза свободы деятельности, сглаживания противоречивости классовых конфликтов, гармонизации интересов под лозунгом равных возможностей, справедливости и новых факторов технического прогресса (взгляды Г. Кэри (1793—1879), Г. Клея (1777—1852)). Ретроспективно развитие экономики США в названном русле рассмотрено в работах современного американского исследователя М. Хадсона.

Заметим, что данные взгляды также присутствовали и в Германии, и в России в конце XIX и начале XX в. В какой-то мере новая стратегия Д. Трампа — это придание старым идеям новой жизни на основе их модернизации и вписывания в новую фазу глобализации. Современные идеологи такой жесткой политики — П. Наварро, С. Миран. США желают исправить ошибку Г. Киссинджера — поощрения стратегии развития Китая как противовеса СССР, которая проводилась на основе американских инвестиций, переноса производств, передачи технологий, открытия для китайских товаров американского рынка. Разрушение СССР, усиливающаяся мощь Китая, претензии Европы в лице ЕС, падение роли США в мире меняют у американской элиты вектор восприятия, осознания мира и стратегию собственного развития, ведут к поиску нового вектора архитектуры мира. А для достижения цели используются все цели, в том числе раскалывание Европы, развязывание в ней конфликтов, ослабляющих и РФ, и ЕС, ставящих их и все европейское и североевразийское пространство под новый американский контроль. Вполне грамотная политика, но не в интересах РФ.

Созидательное развитие как путь суверенного воспроизводства

Слово «созидательное» делает акцент при воспроизводстве общества на реальную экономику и на солидарность поколений, образуя своеобразный мост, вектор, ориентирующий воспроизводство на собственное страновое развитие, на сохранение собственного населения, на суверенный воспроизводствогенез. Рассмотрим ключевые категории, обуславливающие страновой воспроизводствогенез.

Категория воспроизводствогенеза суверенности РФ. В начале XXI в. Российская Федерация, оставаясь локальной, остаточной от СССР мир-системой, столкнулась с множеством вызовов

и трудностей, которые можно выразить словосочетанием «проблема сохранения воспроизводственной суверенности в глобализирующемся мире».

Воспроизводственные процессы и взаимодействия в системе Природа (П) \longleftrightarrow Общество (О) \longleftrightarrow Человек (Ч) порождают природосоциоантропогенез — непрерывные взаимообусловленные изменения во всех трех компонентах системы. В этой единой триаде все компоненты одинаково важны и образуют непрерывный кругооборот взаимодействия, взаимопроникновения — П—Ч—О либо Ч—О—П, О—П—Ч. Развертывая, конкретизируя данную формулу, нужно дезагрегировать абстрактное понятие «общество» — выделить из него суверенное государство и планетарное общество (планетарный миропорядок, планетарная власть) как целостности, т. е. произвести разбиение общества: на Гс — суверенное государство (существующее наряду и параллельно с гражданским страновым обществом) и на Оп — земное планетарное общество, существующее и как совокупность суверенных стран и их правительств, и как формирующееся иное по отношению к ним целое.

Гс — организованная часть общества внутри общества, выражающая его интересы, обладающая властными полномочиями, аппаратом принуждения по регулированию целостности, воспроизводству, правопорядку и внешней безопасности в пределах суверенного пространства. Взаимодействие власти и общества регламентируется конституцией и ее соблюдением. В приведенной констатации акцент можно сделать либо на суверенном государстве, либо на планетарном миропорядке. Тогда имеем:

1) Гс — Ч — Ос — Пс .

2) Оп $\approx \rightarrow$ { Гс¹⁺ +Гс_i } + МВ, где МВ — мировая власть, координирующая природное и социальное планетарное воспроизводство.

В любом случае имеем многогранник: Г—О—Ч—П \leftarrow МВ (Оп). Причем суверенное государство выступает цементирующей силой внутри страны, своеобразным обручем, скрепляющим целостность странового человеческого бытия, а планетарная власть — внешней координирующей силой, стабилизирующей планетарное воспроизводство в целом. Соответственно, вышеприведенную формулу можно разбить на два уровня социального воспроизводства:

1) планетарный: $O—П—Ч \approx Op \longleftrightarrow MP$, где MP — природно- социальный порядок, выступающий средой для Gc и HE ;

2) страновой: $Gc—Oc—Ч—Pc \approx CC$, где CC — суверенная страна -----> внутренняя обособленная природно-социальная среда для HE (национальной экономики) [2, 110—111].

Резюмируем вышеизложенное с позиции странового, российского экономического восприятия мира и его исследования: мир можно представить в трех измерениях как своеобразный картинный триптих, троица, состоящая из: 1) дихотомии: планетарный природный мир \longleftrightarrow планетарный социальный мир + 2) разделение на суверенные страновые миры (обособленные сегменты пространств отдельных стран). Соответственно в отношении РФ выделяются внешняя среда ее воспроизводства и внутренняя среда ее воспроизводства в аспектах: 1) признанное суверенное ограниченное пространство; 2) российский социум в целом; 3) государственная власть; 4) экономика; 5) выделенные критические проблемы; 6) механизм решения проблем. Все аспекты корреспондируют с внешней средой. Например, российские внутренние критические проблемы воспроизводства частично обусловлены, связаны с глобальными планетарными проблемами, а механизм их решения зависит и от механизма решения глобальных проблем. Соответственно, субъект(ы), контролирующей(ие) внешнюю среду, в состоянии оказывать огромное воздействие на участников воспроизводства планетарной жизни и на их экономики.

Современная экономика как минимум двойственна: это и единая, и двойственная категория: *реальная экономика и фиктивная экономика*. Реальная экономика ($\mathcal{E}p$) — не воображаемая, а осязаемая, продуктовая экономика, создающая конкретные вещественные блага и действительные, воздействующие и изменяющие предмет услуги. Слово «реальный» в современном значении происходит от немецкого «*res*» — «вещь, дело», а в немецком от латинского «*realis*», что означает «действительный, относящийся к вещам». То есть экономика — это то, что на самом деле связано с воспроизводством жизни.

Фиктивная экономика ($\mathcal{E}f$) — мнимая, сконструированная экономика, сформированная в процессе социальной эволюции самим обществом, где реальные блага заменяют их социальные узаконенные суррогаты, образы, знаки-тителы, существующие одновременно

и параллельно реальному производству, его «зеркалье» и «зазеркалье», искаженное отражение. Происходит от латинского «fictio» — «формирование, выдумка, вымысел» и французского глагола «fingere» — «формировать, лепить». То есть это то, что на самом деле непосредственно не связано с воспроизводством жизни, а порождено самим обществом, его устройством. Одновременно и настоящая, и ненастоящая, придуманная, искусственная, социально созданная экономика. С позиции «поля» хозяйственной деятельности грани между реальной экономической деятельностью и фиктивной экономической деятельностью размыты, взаимосвязаны, одновременно деятельность и действия одного и того же субъекта с одним и тем же благом может простекать и в поле реальной, и в поле фиктивной экономики.

Начиная с середины XX в. поле фиктивной экономики расширяется. Условно к реальной экономике можно отнести производство товарных и нетоварных благ и нефинансовых услуг, обращение благ, производство металлических денег. К фиктивной экономике — создание бумажных денег, титулов на права собственности и доход, их обращение, финансовые услуги и инструменты, т. е. движение ценных бумаг, их производных, валют, операции с перепродажей имущества. Сложнее с цифровыми деньгами: производство «биткоинов» (майнинг) — это разновидность реальной экономики, выполняющей социальную, а не потребительскую функцию, а движение «биткоинов» — это разновидность мнимой, фиктивной экономики, в случае если они не обслуживают сделки по движению благ реальной экономики. Природа реальной и фиктивной экономик разная: первая — порождение естественных потребностей людей, включая созидательное предпринимательство, работает на удовлетворение всего их спектра — от физического до творческого самоутверждения; во втором случае — порождение социального и экономического устройства общества на определенной стадии рыночного развития и работает на обогащение за счет проведения операций на финансовом рынке, в том числе спекулятивных.

Деятельность в сфере реальной экономики оценивается и измеряется и в физических, и в стоимостных единицах учета, а в сфере фиктивной экономики, прежде всего, в стоимостных единицах. Проблема не в наличии фиктивной экономики, а в том, что в процессе

своего расширения она оторвалась от реальной экономики, подавляет ее, втягивает в свою орбиту наиболее способных молодых людей, сдерживая развитие, и хаотизирует реальную экономику. Фактически сложилась ситуация «двух жидкостей в одном флаконе» — наличие и существование, переплетение разных по своей природе экономик. Соответственно, можно констатировать: экономическая деятельность расширяется и усложняется (прежде всего, за счет Эф), и возможны три ситуации сочетания объемов Эр и Эф, а именно: Эр > Эф, Эр = Эф, Эр < Эф. Историческая тенденция от Эф = 0, к Эф —> больше Эр.

Категория «созидательное развитие» — творческие и жизнедеятельностные процессы по созданию и воспроизводству новых и существующих реальных благ, духовных ценностей, производственного и социального потенциала, условий жизни живущих и будущих поколений людей и новых форм социального бытия в обществе.

Условием созидательного развития является *устойчивость страны* — способность ее социально-экономической системы в определенной степени нивелировать внутренние и внешние негативные и дестабилизирующие воздействия, порождаемые деструктивными и конфликтными ситуациями, за счет поддержания и трансформирования социального и хозяйственного порядка, адаптируя его к новым условиям и новой среде. Ключевые моменты устойчивости — сохранение возможностей субъектов осуществлять целевое поведение, направленное на поддержание целостности институтов социального воспроизводства и порядка, хозяйственной структуры, социальных и хозяйственных взаимосвязей (старых и возникающих новых) и поддержание потенциала.

Созидательная экономика возможна в виде нескольких моделей: традиционная (социалистическая, капиталистическая), прорывная, устойчивая. В настоящее время РФ усиленно навязывают концепцию и модель устойчивого планетарного развития, «зеленой» экономики, разрабатываемые под эгидой ООН. Плюсы и минусы подходов устойчивого и прорывного развития РФ рассмотрены нами в работе [2]. Однако при любой модели блокада — это нарушение устойчивости страновой системы, при этом устойчивость — понятие очень широкое, не только экологическое, экономическое, а и ментальное, политическое, социальное, что означает многогранность

при трактовке и рассмотрении. Например, американский специалист по экологической устойчивости, Э. Гринфилд выделяет через призму равенства возможностей для людей три аспекта устойчивости, важные для любого общества: а) равенство при реализации своего потенциала и получении средств к существованию; б) равенство при взаимодействии с природой; в) равенство при взаимодействии между собой [1]. Можно добавить еще два аспекта: соблюдение права на равенство и свободу во взаимодействии суверенных обществ, в том числе отсутствие дискриминации в экономических отношениях и соблюдение права общества на реализацию имеющегося потенциала для своего ускоренного развития. Сочетание этих принципов гарантирует обществу (уже живущим поколениями и еще не рожденным членам) будущее. Соответственно, нужно выделять внешнеполитическую, экономическую, экологическую, социальную страновые устойчивости.

Категория «солидарность поколений». Для РФ важно обеспечить репродукцию общества во времени, в природно-социальном пространстве, в субъекте (в этносоциогенезе), в суверенности (независимость общества и государства), в обеспечении основных социальных прав, а также в физической и мировоззренческой преемственности поколений. Поколение — это: 1) социологически — духовно-культурная общность людей по критерию времени рождения, по крупному историческому событию; 2) генетически — общность по предкам, принадлежность к определенной родственной группе. А это означает наличие и требование сохранения поколенческого подобию и по физическому масштабу (не допустить вырождения), и по преобладающей ментальности (преемственность системы ценностей) в обществе. Воспроизводство общества — это непрерывный процесс воспроизводства его поколений как в целостности, так и в отдельных системных частях. Испанский философ Ортега-и-Гассет считал поколение единицей мировых исторических перемен. В обществе сосуществуют одновременно несколько поколений, традиционно их рассматривают в разрезе возрастных категорий: старые, зрелые, молодые, и в разрезе социального поведения. В РФ наблюдается усиливающийся поколенческий разрыв (раскол). В настоящее время поколения также разбивают на группы: X (1966—1979), Y (1980—1994, были вовлечены в цифровые технологии); Z (1995—2009, выросли в

мире, где цифровые технологии уже стали неотъемлемой частью повседневной жизни); Альфа (с 2010—2024, полностью рожденное в XXI в.).

Можно выделить две линии поколенческого разрыва и преемственности. Первая, внешняя — замещение традиционных российских ценностей экспортируемыми в нее ценностями новейшего мирового порядка — сдвиг преобладающих культурных ценностей в пользу универсальных мировых, преимущественно у молодежи. Вторая, внутренняя — раскол в отдельных группах населения, причем не по критерию «молодежь — не молодежь», а по примату базовых ценностей — традиционные либо иные, в том числе и по линии технологического прогресса, социально-экономического устройства страны, места ее в мире — сдвиг, раскол по важности исторических базовых традиций и ценностей страны, обусловленный трансформацией российского общества. По своей сути, преимущественно поколенческий раскол, но не только.

Мировоззренческий разрыв — вещь, исторически неновая. Закономерен для эволюции любого общества. Молодое поколение вырабатывает свой взгляд и свой путь. Отличие современного разрыва — его иная, более сложная природа: одновременно проистекает и из-за усложнения технологического развития, и из-за социального конструирования. Сложности в цепи поколенческой ментальности: прадеды (прабабушки) — деды (бабушки) — отцы (матери) — дети — всегда возрастают, когда ведущую роль начинают играть внешние силы, а также тогда, когда активны внутренние силы, действующие в собственных интересах для реализации своих целей. Причем это может быть не только воздействие на молодежь, например, через систему образования, но и путь нейтрализации прошлого поколения, сохраняющего собственный взгляд восприятия будущего. Мировоззренческий мировой поколенческий раскол для РФ означает, что в планетарной памяти стирается вклад СССР в послевоенное планетарное устройство, вклад в победу над фашизмом, а выходит поверхностный взгляд на нее как новую, формирующуюся, молодую страну, одну из многих стран.

В заключение краткий вывод: для самосохранения страны, соблюдения ее интересов требуется обеспечение воспроизводственной целостности, технологической и информационной самодостаточности, поколенческой солидарности, а значит, усилия всего общества и

людей всех поколенческих возрастов. Страновая блокада не вечна, преодолевается политической волей и грамотной экономической стратегией.

Литература

1. *Гринфилд Э.* Социальная устойчивость: ценность устойчивости сообщества: URL: <https://sigmaearth.com/social-sustainability-value-of-community-resilience/> (дата обращения 20.11.2025).
2. *Ковалев С.Г.* Державный воспроизводствогенез России в будущее // Экономика созидания: Монография. Ч. 1. СПб., 2024. 280 с.
3. *Ковалев С.Г.* Философско-хозяйственное осмысление дуализма новейшего миропорядка сквозь призму интересов РФ // Философия хозяйства. 2025. № 6. С. 28—43. DOI: 10.5281/zenodo.17780424.
4. Экономист Сергей Ковалев — об экономической суверенизации России // Аргументы недели. Интервью. 2025. № 32 (980).

References

1. *Grinfeld E.* Social'naya ustojchivost': cennost' ustojchivosti soobshchestva: URL: <https://sigmaearth.com/social-sustainability-value-of-community-resilience/> (data obrashcheniya 20.11.2025).
2. *Kovalev S.G.* Derzhavnyj vosproizvodstvogenez Rossii v budushchee // Ekonomika sozidaniya: Monografiya. CH. 1. SPb., 2024. 280 s.
3. *Kovalev S.G.* Filosofsko-hozyajstvennoe osmyslenie dualizma novejshego miroporyadka skvoz' prizmu interesov RF // Fi-losofiya hozyajstva. 2025. № 6. S. 28—43. DOI: 10.5281/zenodo.17780424.
4. Ekonomist Sergej Kovalev — ob ekonomicheskoy suverenizacii Rossii // Argumenty nedeli. Interv'yu. 2025. № 32 (980).

И.Г. ШЕВЧЕНКО, В.А. МЕЛАНИН

Православие и суверенитет*

Аннотация. Возрождение страны из небытия, попытки освободиться от удушливой опеки глобализма натолкнулись на яростное сопротивление. Существование России воспринимается Западом как экзистенциальная угроза: метафизика антихристианской цивилизации предполагает конфликт с русским православным миром.

Победить в схватке невозможно без возврата к традиционным основам русской цивилизации, возникновения общественных институтов, имплементирующих православные ценности в практику хозяйственного строительства, формирующих на основе христианской морали идеологию воспитания нового человека и возрождения страны.

Ключевые слова: Древнерусское государство, резонанс метафизического поля, империя, метафизический суверенитет, православие, экзистенциальная угроза, общественные институты.

Abstract. The revival of the country from non-existence, attempts to free themselves from the suffocating guardianship of globalism, have encountered fierce resistance. The existence of Russia is perceived by the West as an existential threat: the metaphysics of an anti-Christian civilization implies a conflict with the Russian Orthodox world. It is impossible to win the battle without returning to the traditional foundations of Russian civilization, without the emergence of social institutions that implement Orthodox values in the practice of economic construction, and without forming an ideology of educating a new person and reviving the country based on Christian morality.

Keywords: Old Russian state, resonance of the metaphysical field, empire, metaphysical sovereignty, Orthodoxy, existential threat, social institutions

УДК 304
ББК 65в

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шевченко И.Г., Меланин В.А. Православие и суверенитет // Философия хозяйства. 2026. № 1. С. 27—33. DOI: 10.5281/zenodo.18722825.

Формирование древнерусского государства на пути «из варяг в греки» требовало не только военной силы, но и особой идеологической парадигмы, способной объяснить, что и зачем защищают воины. В чем заключается ценность государства? Как превратить шайку разбойников в регулярное войско?

Низкий уровень развития производительных сил не предполагал формирования особых идеологических институтов. Интеллектуальная, а тем более идеологическая деятельность была лишь незначительным эпизодом в постоянной борьбе за физическое выживание. Предполагалось, что понимание происходящих в обществе процессов дается человеку свыше в виде религиозных откровений могущественных нечеловеческих сил.

Могли ли деревянные идолы язычников быть достойным воплощением небесных покровителей Руси? Когда славяне представляли собой конгломерат племен, вырезанный из дерева истукан символизировал отделение человека от мира природы, его противопоставление внешней среде и признание факта, что над миром властвуют более могущественные, нечеловеческие силы.

Для существования рода, племени, такого рода осознание иномирной, метафизической сущности было вполне достаточно. Но, когда речь идет о создании государства, тут работает метафизика иного уровня. Требовалось покровительство более могущественных сил, наглядная, понятная для любого проекция на физическую, земную реальность.

Едва ли такого рода вопросы волновали киевского князя Владимира. Для того чтобы выжить и преуспеть в то жестокое время, требовалась способность принимать быстрые и интуитивно правильные решения. Те, у кого отсутствовал этот навык, в лучшем случае влачили жалкое существование.

Князь и его дружина пришли к выводу, что стране нужен сильный небесный защитник, который уже показал свою мощь у других стран и народов. Выстраивание иерархии земной неизбежно требовало и своего небесного завершения.

К этому подталкивало и географическое положение страны, на стыке западной цивилизации и Востока. С одной стороны, это предполагало более широкий выбор вариантов, с другой стороны, создавало сильное геополитическое давление на молодое древнерусское государство. Военная мощь неизбежно должна была подкрепляться

силой духа, в противном случае все могло закончиться ассимиляцией или вовсе физическим уничтожением.

С высот современной цивилизации мы часто недооцениваем опыт и мудрость ушедших времен. В то время формирование общностей происходило по идеологическому, религиозному признаку, принадлежность к тому или иному племени, особенности быта играли второстепенную роль. В этом контексте привлечь в орбиту влияния молодое, но сильное древнерусское государство являлось существенным геополитическим призом.

Князя убеждали принять веру мусульмане, иудаизированные хазары. Владимир отправил посольства с целью «испытать веру» «в греки», «в немцы», «в болгары». Могущество Византийской империи и удивительная красота богослужения подтолкнули князя к выбору византийского варианта христианской веры.

Следует отметить, что выбор не был до конца предопределен. Существовала вероятность пойти по пути Польши, принять христианство западного образца. Русь того времени была окраиной европейской цивилизации. К власти князя Владимира привели варяжские воины. Купцы Пскова и Новгорода активно торговали с немцами и скандинавами. В этих условиях восприятие идеологического влияния Рима вполне укладывалось в логику исторического процесса: бабка Владимира, княгиня Ольга, принявшая крещение в Царьграде, просила императора Германии прислать миссионеров. Однако ее сын Святослав был ярким сторонником язычества, и дальше переговоров дело не пошло. Старший сын Святослава Ярополк собирался заключить брак с родственницей германского императора. Одним из условий было крещение князя посланцами из Германии. В 978 г. Ярополк был убит воинами младшего брата Владимира Святославича.

Таким образом, принятие христианской веры Русью было длительным и противоречивым процессом. Историки спорят над точной датой признания христианства государственной религией Руси, но наиболее распространенной и официально признанной датой является 988 г.

В 1054 г. произошел раскол между Римской и Константинопольской церквами. Русь стала частью отличного от Запада православного мира. Несмотря на теснейшее взаимодействие западных земель страны с Европой, на духовном, идеологическом уровне страна перестала быть периферией западной цивилизации.

Стала ли она при этом периферией Византийской империи? На экономическом, военном, геополитическом уровне — нет: торговые связи с Европой были более тесные, в военном отношении молодое русское государство часто превосходило дряхлеющую империю. Скорее, это был симбиоз, в известном смысле союз равных, подкрепленный в том числе и династическими браками.

С принятием христианской, православной веры открылся своеобразный мостик передачи накопленного в течение тысячелетий опыта Руси, преодоление отставания русской государственности от наследников Римской империи.

В духовном, метафизическом смысле, Русь из периферии Запада превратилась в периферию Византии. Это породило и известное сопротивление носителей языческих культов, волхвов, по преданию проклявших русскую землю, и в более поздние времена попытки возрождения языческих культов и представление христианства как формы верований еврейского народа, чуждых природе славян.

Такого рода взгляды абсолютно противоречат историческим фактам. В первый день крещения Руси в Киеве народ плакал над поверженными идолами, но уже на следующее утро радовался новой вере.

Христианство впервые появилось у евреев, но поддержки не получило, было гонимым вероучением. В мировую религию оно начало превращаться благодаря распространению прежде всего на землях славян — в Македонии и Болгарии.

Широкое принятие вероучения, охватывающее умы и сердца, возможно при резонансе метафизического поля народа, обусловленного культурными, социальными, геополитическими, природными условиями его формирования, и метафизики религиозного учения. Укоренение православия на русской земле, с одной стороны, показало, что такого рода резонанс был, с другой стороны, данный процесс имел далеко идущие последствия как для формирования нации, так и для исторической судьбы самого русского государства.

С крещением Руси начался медленный геополитический дрейф от западноевропейского цивилизационного центра.

Этот процесс ускорился после покорения Руси монголами. Произошло переформатирование уклада русской жизни. Насильственный отрыв от Европы породил культуру, причудливо и органично сочетавшую европейские и азиатские черты. В то далекое

время стихийно начали формироваться идеи сильного централизованного государства, объединяющего народы и культуры, массовой армии, беспрекословного служения верховной власти.

При этом русские занимали среди покоренных Ордой народов привилегированное положение. Князь Александр Невский был назван братом ордынского хана Сартака. Его внук, князь Юрий Московский, был женат на сестре хана Золотой Орды Узбека.

Утратив суверенитет политический, Русь сумела сохранить суверенитет метафизический. Источником этого парадокса был не только осознанный выбор Александра Невского, который пошел на союз с монголами и отказался от принятия католической веры, но и традиции веротерпимости Орды.

Ордынский свод законов «Яса» Чингисхана требовал уважения ко всем религиям. За оскорбление православия предписывалась смертная казнь. Ханы освободили церковь от дани. Ярлык Менгу-Темира (1267 г.) ставил в иерархии главу русской православной церкви выше князей. Привилегированное положение церкви превратило ее в значительную экономическую силу. К XIV в. церкви принадлежала треть сельскохозяйственных земель Северо-Восточной Руси.

Опираясь на мощную экономическую и идеологическую основу, церковь стала центром консолидации русского общества. В конечном счете это привело к обретению независимости и появлению на карте нового, могущественного государства, унаследовавшего силу двух империй: византийской и монгольской.

Возникшая из небытия Русь испугала Запад. Начались тайные и явные попытки ослабления Московского царства, само название которого оскорбляло чувства правящей элиты Европы. Выжить в условиях геополитического давления могло только консолидированное общество. И если первоначально центром такой консолидации была церковь, со временем эту функцию стало брать на себя набирающее силу государство.

По мере осознания имперской роли России церковь начала рассматриваться властями как нежелательный конкурент, начались попытки подчинения религиозных институтов задачам государственного строительства, гонения на церковных иерархов.

Этот печальный процесс начался при царе Иване Грозном, считавшем себя потомком Юлия Цезаря. Он погубил митрополита мос-

ковского Филиппа, игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия, новгородского архиепископа Пимена, казанского архиепископа Германа, признанную впоследствии святой монахиню Ефросинью Старицкую.

Провозгласивший себя императором Петр Первый ликвидировал институт патриаршества, церковь стала управляться Синодом, высшим церковно-государственным органом, была нарушена тайна исповеди.

Десакрализация церкви, ее полное подчинение государству привели к десакрализации власти и моральной деградации элиты. Страна оказалась беззащитной перед идеологическим влиянием Запада, что привело к крушению империи и гонениям на православную церковь.

Вынужденный возврат к православию произошел в годы Великой Отечественной войны. В ночь с 4 на 5 сентября 1943 г. трех митрополитов вызвали к Сталину. В результате встречи произошли избрание патриарха и амнистия осужденных священнослужителей.

Во времена правления Хрущева нападки на церковь возобновились, несмотря на возмущение верующих, стали закрываться храмы. Это ускорило моральное разложение общества и самоликвидацию страны.

После развала Советского Союза начались консолидация патриотических сил, осмысление исторического пути и роли России как многонациональной империи, для которой тесны западные лекала устройства общественной жизни.

Возврат к имперской идее во многом был связан с возрождением влияния православной церкви, усилением ее авторитета в обществе.

Массовость религиозных настроений в известной степени была обусловлена глубокой психологической, социальной и экономической травмой начала 1990-х. Люди утратили казавшиеся незыблемыми общественные ориентиры, массово закрывались предприятия, резко упал уровень жизни. Народ жаждал ЧУДА, и оно состоялось: вопреки обстоятельствам Россия выжила.

Православная идея доминирования духовного над материальным, оказавшая беспрецедентное влияние на менталитет русского человека, возродила гордость за свою страну, позволила отделить

фальшивые ценности апологетов вселили рынка от присущих России исторических императивов.

Возрождение из небытия, настойчивые попытки освободиться от душливой опеки глобализма натолкнулись на яростное сопротивление Запада. За пятьсот лет ничего не изменилось: факт существования России воспринимается западной цивилизацией как вызов и экзистенциальная угроза.

Это печальное положение вещей не смогли изменить ни династические браки с европейскими правителями, ни массовое заимствование западной культуры и технологий, ни теснейшие экономические и политические связи, ни даже полная капитуляция отечественной элиты и отчаянные попытки попасть в клуб западных держав. В чем причина отторжения России? Чем обусловлены повторяющиеся из века в век попытки ее унижения и уничтожения?

Корень происходящего находится прежде всего в метафизической плоскости. С точки зрения здравого смысла Западу была бы выгодна дружба с сильной в военном отношении и богатой ресурсами Россией. Но метафизика западной, по своей сути антихристианской цивилизации предполагает конфликт с русским православным миром. Выстоять и победить в этой схватке можно лишь опираясь на силу русского духа и русского оружия.

Противостояние могущественному, многочисленному и коварному противнику предполагает особую структуру национального хозяйства, рачительное и стратегически выверенное расходование ресурсов, опережающее развитие военно-промышленного комплекса, отказ от навязанной Западом модели гедонизма и сверхпотребления.

Решение такого рода задач невозможно без возврата к традиционным основам русской цивилизации, возникновения общественных институтов, имплементирующих православные ценности в практику хозяйственного строительства, формирующих на основе христианской морали идеологию воспитания нового человека и возрождения страны.

А.В. МАРКОВ, О.А. ШТАЙН

Агональная соборность: русские хозяйственные контексты театра Арианы Мнушкин и философии Жана Боллака*

Аннотация. В контексте философии хозяйства как учения об имманентных законах устроения совместного бытия опыт «Театра дю Солей» Арианы Мнушкин осмысливается не как частный театральный эксперимент, а как целостная модель альтернативного культурного производства. Такая модель синтезирует экономическую кооперацию, коллективное творчество и глубинную философскую рефлексию, источником которой выступает интерпретация античности философом-филологом Жаном Боллаком. В статье проводится детальный анализ методологии Боллака, понимаемой как «перформативная герменевтика», и ее практической реализации Мнушкин в логике «хозяйства агона». Через диалог континентальной (Хайдеггер, Нанси, Рансьер) и аналитической (Сёрль, Скэнлон) философских традиций раскрывается концепт «агональной соборности». Особое внимание уделяется возможности и условиям русской рецепции данного синтеза, что предполагает, во-первых, анализ изначальной связи театра Мнушкин с русским материалом (спектакль «Мещане» М. Горького как генетическое начало), а во-вторых, содержательное философское сопоставление подхода Боллака с фундаментальной онтологией античности А.Ф. Лосева. В заключении предлагается развернутый категориальный проект «агональной соборности» как основы для нового типа культурного хозяйствования, преодолевающего разрыв между символическим и материальным, индивидуальным и коллективным, наследием и актуальным действием.

Ключевые слова: кооперация, агональная соборность, перформативная герменевтика, Жан Боллак, Ариана Мнушкин, Алексей Лосев, античный театр, коллективная интенциональность, культурное производство, «Театр дю Солей», Максим Горький.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Марков А.В., Штайн О.А. Агональная соборность: русские хозяйственные контексты театра Арианы Мнушкин и философии Жана Боллака // Философия хозяйства. 2026. № 1. С. 34—44. DOI: 10.5281/zenodo.1872311.

Abstract. Within the framework of the philosophy of economy as a doctrine of the immanent laws governing shared existence, the experience of Ariane Mnouchkine's *Théâtre du Soleil* is conceptualized not as a singular theatrical experiment but as an integral model of alternative cultural production. This model synthesizes economic cooperation, collective creation, and profound philosophical reflection, the source of which is the interpretation of antiquity by the philosopher-philologist Jean Bollack. The article provides a detailed analysis of Bollack's methodology, understood as «performative hermeneutics», and its practical implementation by Mnouchkine within the logic of an «agonal economy». Through a dialogue between continental (Heidegger, Nancy, Rancière) and analytical (Searle, Scanlon) philosophical traditions, the concept of «agonal sobornost» (conciliarity) is developed. Particular attention is paid to the possibility and conditions for the Russian reception of this synthesis, which involves, firstly, an analysis of Mnouchkine's theatre's initial connection with Russian material (the production of Maxim Gorky's *The Petty Bourgeois* as a genetic starting point) and, secondly, a substantive philosophical comparison of Bollack's approach with Alexei F. Losev's fundamental ontology of antiquity. In conclusion, an extended categorical project of «agonal sobornost» is proposed as a foundation for a new type of cultural economy that overcomes the rift between the symbolic and the material, the individual and the collective, heritage and actual praxis.

Keywords: cooperation, agonal conciliarity, performative hermeneutics, Jean Bollack, Ariane Mnouchkine, Alexei Losev, ancient theatre, collective intentionality, cultural production, *Théâtre du Soleil*, Maxim Gorky.

УДК 87.712.2:792(44+470)

ББК Ю3(0)6 + Щ334.0г(4Фра) + Щ334.0г(2Рос)1

Понятие хозяйства всегда балансировало на грани конкретности экономического устройства и универсальности миропорядка. Οίκονομία — одновременно искусство управления домом (οίκοςом) и имманентный логос, пронизывающий все сущее, принцип его организации и становления. «Конечно, человек ведет захват мира, жадно, страшно; это его главное дело на земле. Но другой, встречный, неожиданный смысл этого “человек захвачен, занят миром” отбрасывает нас назад в раннюю загадку безысходного отношения к миру, когда человек как будто бы свободен выбирать, но до всякого

выбора уже относится к миру в нераспутываемом, тревожном, сбивающем с толку смысле» [1, 51]. Современное состояние культурной сферы с предельной остротой демонстрирует глубокий кризис этого двуединого принципа. Хозяйствование в культуре редуцировалось либо к рыночной логике, где художественный продукт отчуждается от своего создателя и превращается в товар, либо к логике патернализма, где культура становится инструментом легитимации, а художник — поставщиком нарратива. В обоих случаях распадается триада, составляющая суть любого полноценного хозяйства: связь между трудом (целенаправленным усилием), смыслом (производимой ценностью) и сообществом (тем кругом, для которого и внутри которого эта ценность существует).

Именно на преодоление этого распада, на восстановление хозяйства как целостного делания направлен уникальный опыт «Театра дю Солей» [10] под руководством Арианы Мнушкин (р. 1938) — французского режиссера русско-еврейского происхождения. Однако этот опыт невозможно осмыслить лишь в категориях театральной режиссуры или социальной утопии; его сердцевина — философская. Философско-филологическая интерпретация античности, предложенная Жаном Боллаком (1923—2012), который и был главным философским вдохновителем многих решений Мнушкин, связанных с постановками античной драматургии, стала тем катализатором, который превратил коллективный поиск в онтологическую практику. Таким образом, задача данной статьи — осуществить многоуровневый анализ: выявить философские основания метода Боллака [9], проследить их воплощение в хозяйственной и творческой модели Мнушкин, а затем подвергнуть эту модель испытанию на возможность и условия ее адаптации в российском контексте. Последнее требует не только институционального анализа, но и глубинного философско-филологического диалога, в котором позиция Боллака будет спроецирована на богатейшую русскую традицию осмысления античности, олицетворенную А.Ф. Лосевым. Только через такой диалог можно наметить контуры подлинной «агональной соборности» — формы совместного бытия и творчества, отвечающей вызовам современной эпохи.

Пристальное внимание к русским истокам творчества Мнушкин отнюдь не является данью национальной гордости или второстепенным биографическим фактом. Выбор пьесы Максима Горького

«Мещане» для первой постановки коллектива в ноябре 1964 г. носит характер программного жеста, закладывающего ДНК будущего театра. Почему Горький? Почему именно эта пьеса, изображающая конфликт поколений в семье старшины малярного цеха Бессемёнова на фоне надвигающихся социальных бурь? Во-первых, Горький для молодых французских интеллектуалов 1960-х был фигурой, связующей идею социальной революции с мощной, плакатной, почти библейской силой художественного слова. Его драматургия — это не психологическая механика, а столкновение мировоззрений, воплощенных в ярких, типажных персонажах. Во-вторых, «Мещане» (1901) — пьеса не о героях, а о сообществе, о доме-ойкосе, переживающем раскол. Бессемёнов-старший пытается удержать патриархальный уклад, его дети и постояльцы становятся носителями иных, бродящих в обществе идей. Это идеальный материал для театра, ищущего не камерности, а эпического размаха; не индивидуальной психологии, но коллективного портрета эпохи.

Само название коллектива — «Театр Солнца» — отсылало к мечте о новом, ясном, коллективном искусстве, и Горький с его пафосом и социальным темпераментом стал для этой мечты первым проводником. В постановке уже прочитывались будущие черты стиля Мнушкин: физическая экспрессия, работа с хором (здесь — хором семьи и ее окружения), поиск не бытового, а обобщенно-символического жеста. Таким образом, русская литература в лице Горького предоставила Мнушкин первичный язык для разговора о конфликте как силе, структурирующей сообщество. Это был опыт работы с материалом, где личное растворено в социальном, где *драма идей предшествует драме чувств*. Этот горизонт, заданный в 1964 г., стал необходимым предисловием к встрече с трагедией Эсхила и Софокла, которую позже организует Боллак. Русский опыт был не экзотикой, а фундаментальной школой, приучившей коллектив мыслить категориями общих страстей, исторических сил и хорового высказывания. С точки зрения аналитической философии действия (например, Томас М. Скэнлон), моральная мотивация участников такого кооператива основана не на внешних стимулах, а на разделяемых основаниях коллективной ответственности [14] — вере в ценность совместного поиска истины и восстановления коллективной памяти. Их «хозяйственный договор» — это, по сути, договор о взаимном признании и общем деле.

Сотрудничество с Жаном Боллаком, начавшееся в 1990-х гг. в ходе работы над тетралогией «Les Atrides» (объединившей трилогию «Орестея» Эсхила и «Ифигению» Еврипида), стало для Мнушкин моментом качественного философского углубления уже сложившегося метода. Через физический тренинг, импровизацию, совместное чтение и обсуждение текста с Боллаком рождалось то, что Жан-Люк Нанси назвал бы «сообществом разомкнутости» (*communauté désœuvrée*) [12] — сообществом, существующим не ради продукта (спектакля), но в самом процессе совместного делания. Цель — не «поставить пьесу», а стать на время хором, обрести коллективное тело и голос. Это хозяйство агона: ресурсы (время, силы, внимание) вкладываются не в создание товара, а в *рост* особого типа коммуникации и солидарности.

Боллак, наследник традиций Мартина Хайдеггера, Эмиля Бенвениста и французской деконструкции (при всей его дистанцированности от нее), предложил не просто новое прочтение греческих трагедий, а радикальную методологию встречи с текстом как с событием. Его подход можно определить как перформативную герменевтику. Для Боллака античный текст — это не объект историко-филологического исследования, стремящегося восстановить некий исходный, раз и навсегда заданный смысл. Напротив, текст есть потенциал, энергетический сгусток, который актуализируется только в акте коллективного исполнения. Филология превращается из науки о прошлом в аскетическую практику настоящего: практику вслушивания в то, как в языке резонируют его собственные предельные основания. В трагедии, утверждал Боллак, говорит не индивидуальный автор-демиург, а сам Язык, доведенный до состояния *агона* — борьбы противоположных смысловых начал (право Зевса и право земли в «Орестее», закон полиса и закон рода в «Антигоне»). Задача интерпретатора и в дальнейшем исполнителя — не проиллюстрировать этот конфликт, а воплотить его, сделать слышимым и видимым в пространстве общего.

Ключевым для Боллака является понятие голоса. Трагический текст — это партитура для голоса, которая требует не декламации, но полноценного фонетического и телесного воплощения. Слово (*λόγος*) здесь неотделимо от звучания (*φωνή*) и жеста (*σχήμα*). Хор в этой системе координат — не комментирующий наблюдатель, а материализация этого коллективного голоса, «плоть полиса», в которой

конфликт проживается на уровне ритма, движения, совместного *дыхания*. Театр, таким образом, перестает быть местом репрезентации некоего заранее известного мифа. Он становится лабораторией по производству алетей (*ἀλήθεια*) — истины как акта раскрытия, снятия покрыва. Это раскрытие возможно только совместно. Отсюда центральное для Боллака понятие «общего» (*le commun*). Античное наследие — это не частная собственность филологов, а общее достояние, которое требует от современного сообщества не потребления, а ответного дара — дара совместного, ответственного исполнения. Философия Боллака дает онтологическое обоснование кооперативу Мнушкин: их совместный труд — это не подготовка спектакля, а способ бытия-вместе, основанный на разделяемом обязательстве перед словом.

Для того чтобы оценить потенциал рецепции идей Боллака в России, необходимо поместить их в поле напряженного диалога с отечественной философско-филологической традицией, вершиной которой по праву считается Алексей Федорович Лосев. Сравнение подходов Боллака и Лосева к античности выявляет не противоречие, а взаимодополняющие перспективы, синтез каковых мог бы быть чрезвычайно плодотворным. Лосев в своей грандиозной «Истории античной эстетики» [6] подходит к античности как к завершённому, диалектически развернутому космосу. Его интерес — в системной реконструкции античного мировоззрения во всей его целостности, от досократиков до неоплатоников. Античная трагедия для Лосева — высшее выражение мифа, понимаемого не как сказка, а как «в словах данная чудесная личностная история», как конкретно-жизненное, чувственно-материальное восприятие мира и человека. Лосев мыслит категориями эйдоса (идеи как живого лика вещи), мифа и символа [5]. Хор в его интерпретации — это «общинно-родовое сознание», непосредственное выражение судьбы (мойры), голос коллективного эйдоса происходящего. Лосев выстраивает онтологию античного мифа, диалектику единого и иного, сущности и явления, находя в трагедии отражение космических закономерностей. Его метод — системно-диалектический, направленный на постижение целого. Боллак, напротив, антисистематичен. Его интересует не целостный космос, а событие разрыва, катастрофы, момента предельного напряжения, в котором смысл вспыхивает и гаснет. Если Лосев дает нам диалектику сущностей, то Боллак предлагает феноменологию

события смысла. Его метод — это микроскопическое вслушивание в текст, выявление в нем не явных смыслов, а скрытых фонетических, ритмических, этимологических связей. Для Лосева текст — окно в мир античного сознания; для Боллака текст — это мир, и наша задача — войти в него и зазвучать вместе с ним.

Несмотря на радикальное различие методологий, их объединяет фундаментальный пункт: оба видят в античном театре не «искусство» в новоевропейском, автономном смысле, а орган коллективного самопознания и бытия, форму жизни полиса. Оба отвергают психологизирующие и эстетизирующие интерпретации. Оба понимают обращение к античности как радикальный жест, ставящий под вопрос современность. Синтез этих подходов для русской рецепции представляется ключевым: от Лосева мы берем масштаб, системное понимание трагедии как космологической и социальной драмы, глубинную связь с православно-платонической традицией мысли. От Боллака — конкретный метод работы, «перформативную герменевтику», установку на то, что смысл рождается не в умозрении, а в совместном телесном действии. Это синтез эйдоса и перформанса, системы и события.

Опираясь на синтез практики Мнушкин, философии Боллака и с учетом лосевской онтологии, можно сформулировать развернутый проект «агональной соборности» как модели для философии хозяйства в сфере культуры. Его ядро составляют несколько взаимосвязанных категорий, образующих концептуальный каркас.

Категория 1. Перформативная герменевтика как совместный труд понимания. Это методология, преодолевающая разрыв между теорией и практикой, интерпретацией и исполнением. Текст (античный, классический, современный) понимается не как объект для анализа, а как поле для совместного вопрошания и телесного освоения. Процесс работы напоминает лабораторию, где филолог, философ, актер, драматург, музыкант равноправно участвуют в разборе, произнесении, пропевании, протанцовывании текста. Смысл рождается не до репетиции, а в ее процессе, в столкновении разных прочтений, в поиске адекватного жеста для слова. Это особый тип хозяйства, где основной затрачиваемый ресурс — время совместного внимания, а продуктом является не внешний артефакт, а внутреннее преобразование самого сообщества, обретающего общий язык и общее тело.

Здесь находит свое применение теория коллективной интенциональности Джона Сёрля [15]: группа вырабатывает общее интенциональное состояние, направленное на «разыгрывание понимания».

Категория 2. Кооператив как форма жизни симфонической личности. Юридическая и экономическая форма производственного кооператива в этой модели — не просто справедливый способ распределения доходов, а материальное условие для конституирования нового типа субъекта. Это не совокупность атомизированных индивидов (либеральная модель) и не безличный организм (тоталитарная модель), а то, что Лосев называл симфонической личностью. В симфонической личности целое существует не помимо и не над частями, а через их живое, внутренне согласованное взаимодействие, где каждая часть сохраняет свою специфику, но подчинена общему замыслу. Кооператив «Театра дю Солей» — практическое воплощение этой идеи: плотник, актер, бухгалтер, режиссер являются соавторами общего дела, их профессиональные функции подчинены единой интенции — производству события встречи сообщества с самим собой. Труд здесь всегда двойственен: это труд по материальному обеспечению жизни коллектива и одновременно труд по символическому производству общего смысла.

Категория 3. Агон как структурный принцип общности. Это центральная категория, отличающая предложенную модель от ностальгических представлений о гармонической, патриархальной соборности. Агональная соборность собирается не вокруг единой и неизменной истины, а вокруг признанного и выдерживаемого конфликта (агона). Задача сообщества — не снять противоречие (между законом и справедливостью, традицией и новизной, личным и общественным), а инсценировать его, дать ему голос, сделать его предметом публичного проживания. Как у Боллака в трагедии, конфликт не устраним, он — двигатель смысла. В этом пункте модель перекликается с политической философией Шанталь Муфф [11] и Жака Рансьера [13], настаивающих на конфликте как основе политического. Театр в таком понимании становится не местом примирения, а *агорой* — пространством, где выявляется и проживается раскол, конститутивный для любого живого сообщества. Русская соборность, таким образом, получает необходимую диалектическую поправку в реальных хозяйственных ситуациях: единство не дано изначально, оно

возможно лишь как временный и хрупкий результат прохождения через общий конфликт.

Категория 4. Экономика дара и долга как этическое основание. Хозяйство агональной соборности функционирует по логике, описанной Марселем Моссом [2] и развитой Жоржем Батаем [3], Жаком Деррида [7] и Полем Рикёром [8], — логике дара. Культурное наследие (текст, миф, историческое событие) воспринимается не как «наше имущество», а как дар, полученный от прошлого. Этот дар налагает безусловный долг [4] — долг ответить, актуализировать, передать дальше. Этот долг нельзя оплатить деньгами или простым воспроизведением; он требует ответного дара равной экзистенциальной силы — совместного творческого акта. Коммерческий успех или государственное финансирование в этой парадигме — не цель, а возможные (и не всегда желательные) условия для исполнения этого фундаментального этического обязательства. Это хозяйство, где ценность измеряется не прибылью, а глубиной ответа на полученный дар.

Прямая трансплантация модели «Театра дю Солей» невозможна в силу иных институциональных, экономических и ментальных условий. Однако философское и методологическое ядро этого опыта, пропущенное через двойной фильтр русской традиции (от русского космизма и Горького до Лосева и Бибихина) и современных социально-философских вызовов, содержит в себе мощный преобразующий потенциал. Главное условие — не финансирование (хотя и оно важно), а готовность к долгой, не обеспеченной результатом работе пестования сообщества. Это требует отказа от нарциссизма авторского жеста в пользу коллективного поиска; от стремления к быстрому продукту в пользу процесса; от тоски по гармоническому единству в пользу принятия агона как нормы. Российский культурный контекст, с его богатейшим, но часто непростым наследием, предоставляет неисчерпаемый материал для такой работы. Лаборатории агональной соборности могли бы возникать вокруг текстов, где конфликт выявлен с предельной силой: не только вокруг античности, но и вокруг Достоевского, Платонова, Шаламова, вокруг документов советской эпохи, вокруг современных социальных споров. Фигура философа-филолога (после Боллака и вслед за Лосевым)

в таком процессе становится ключевой — не как верховного интерпретатора, а как мастера по работе со смыслом, провокатора и катализатора коллективной мысли.

Основное препятствие — не внешнее, а внутреннее: подпитываемый историческим опытом страх перед публичным конфликтом как созидательной силой. Этот страх приводит либо к его подавлению в пользу мнимого единства, либо к его вытеснению в формы агрессии и маргинального протеста. Преодоление этого страха, обучение искусству выдерживания агона и есть центральная культурно-хозяйственная задача на сегодня. Проект агональной соборности, основанный на синтезе западного (Боллак—Мнушкин) и русского (Лосев и Бибахин) философского опыта, предлагает не готовый рецепт, а путь, метод и категориальный язык для этой работы. Это путь восстановления подлинного хозяйства культуры — хозяйства, в котором совместный труд по производству смысла становится способом бытия-вместе в разделяемом, ответственном и неизбежно конфликтном мире.

Литература

1. Бибахин В.В. Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012. 536 с.
2. Вайзер Т.В. Воображая интерсубъективность в трансгрессивном сообществе Ж. Батая // Артикульт. 2013. № 2 (10). С. 63—74.
3. Вайзер Т.В. Принцип сообщения в «негативном сообществе» Ж. Батая: Communion и Communication // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2008. № 7. С. 226—240.
4. Кочеконская Н.А. Литература как экономика у Жоржа Батая и Вальтера Беньямина // Экономика. Литература. Язык: Сборник тезисов VII Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 04—06 июня 2018 г. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2018. С. 54—55.
5. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
6. Лосев А.Ф. История античной эстетики: В 8 т. М.: Мысль; Фолио, 2000.
7. Ямпольская А.В. За пределами события: Поль Рикёр о даре и прощении // Поль Рикёр: Человек—общество—цивилизация / Под ред. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация». 2015. С. 302—314.

8. Ямпольская А.В. Жан-Люк Марион и редукция к данности // *Философские науки*. 2013. № 2. С. 100—114.
9. *Bollack J.* La Grâce de personne: Les mots sous le mythe. Paris: Éditions du Seuil, 1997. 512 p.
10. *Kiernander A.* Ariane Mnouchkine and the Théâtre du Soleil. N. Y.: Cambridge UP, 1993. 186 p.
11. *Mouffe Ch.* For an Agonistic Pluralism // *The Return of the Political*. L.: Verso, 1993. P. 1—8.
12. *Nancy J.L.* La communauté désœuvrée. P.: Christian Bourgois éditeur, 1990. 292 p.
13. *Rancière J.* La Méésentente: Politique et philosophie. P.: Galilée, 1995. 188 p.
14. *Scanlon T.M.* What We Owe to Each Other. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1998. 432 p.
15. *Searle J.R.* The Construction of Social Reality. N. Y.: Free Press, 1995. 216 p.

References

1. *Bibihin V.V.* Sobstvennost'. *Filosofiya svoego*. SPb.: Nauka, 2012. 536 s.
2. *Vajzer T.V.* Voobrazhaya intersub'ektivnost' v transgressivnom soobshchestve ZH. *Bataya // Artikul't*. 2013. № 2 (10). S. 63—74.
3. *Vajzer T.V.* Princip soobshcheniya v «negativnom soobshchestve» ZH. *Bataya: Communion i Communication // Vestnik RGGU. Ser. Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie*. 2008. № 7. S. 226—240.
4. *Kochekovskaya N.A.* Literatura kak ekonomika u ZHorzha Bataya i Val'tera Ben'yamina // *Ekonomika. Literatura. YAzyk: Sbornik tezisev VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Sankt-Peterburg, 04—06 iyunya 2018 g.* SPb.: Centr nauchno-informacionnyh tekhnologij «Asterion», 2018. S. 54—55.
5. *Losev A.F.* *Dialektika mifa*. M.: Mysl', 2001. 558 c.
6. *Losev A.F.* *Istoriya antichnoj estetiki: V 8 t.* M.: Mysl'; Folio, 2000.
7. *Yampol'skaya A.V.* Za predelami sobytiya: Pol' Rikyor o dare i proshchenii // *Pol' Rikyor: CHelovek—obshchestvo—civilizaciya / Pod red. I.I. Blauberg, I.S. Vdovinoj*. M.: Kanon+, ROOI «Reabilitaciya. 2015. S. 302—314.
8. *Yampol'skaya A.V.* ZHan-Lyuk Marion i redukcija k dannosti // *Filosofskie nauki*. 2013. № 2. S. 100—114.

||

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

ТЕОРИЯ

С.Г. КАПКАНЩИКОВ

**Невпечатляющая динамика российской экономики
в постсоветский период и структуралистская версия
ее причин***

Аннотация. В статье проводится детальный анализ индикаторов конъюнктуры, характеризующих социально-экономическое развитие России в постсоветский период с акцентом на пять обозначившихся в эти годы хозяйственных спадов. В ходе объяснения причин невыразительной динамики ВВП противопоставляются взгляды отечественных неолибералов и государственников, делающих акцент на доминирование, соответственно, экзогенных и эндогенных факторов цикличности. При обосновании внутренних факторов торможения долгосрочного экономического роста автор отчетливо придерживается структуралистского подхода, связывая его с несовершенством секторальной структуры российского ВВП и стратегическими дефектами структурного регулирования экономики. Раскрываются принципиальные отличия содержания и инструментов государственной структурной политики в трактовке неоклассиков и кейнсианцев, приводящие к терминологической путанице и препятствующие разумной диверсификации отечественной экономики в условиях антироссийских санкций.

Ключевые слова: структура ВВП, экономический кризис, экзогенные и эндогенные факторы экономического роста, неолибералы, государственники, структурализм, структурная политика государства.

Abstract. The article provides a detailed analysis of the indicators of economic conditions that characterize Russia's socio economic development in the post Soviet period, with a focus on the five economic downturns that emerged during these years. In explaining the causes of the lack-luster GDP dynamics, the views of domestic neoliberals and statisticians are

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Капканщikov С.Г. Невпечатляющая динамика российской экономики в постсоветский период и структуралистская версия ее причин // *Философия хозяйства*. 2026. № 1. С. 47—73. DOI: 10.5281/zenodo.18723139.

contrasted — each emphasizing, respectively, the dominance of exogenous and endogenous factors of cyclical fluctuations. In substantiating the internal factors that hinder long term economic growth, the author clearly adheres to a structuralist approach, linking the issue to imperfections in the sectoral structure of Russia's GDP and to strategic shortcomings in the country's structural economic regulation. The article reveals the fundamental differences in the content and instruments of state structural policy as interpreted by neoclassicists and Keynesians — differences that lead to terminological confusion and hinder the reasonable diversification of the Russian economy under anti Russian sanctions.

Keywords: GDP structure, economic crisis, exogenous and endogenous factors of economic growth, neoliberals, statist, structuralism, state structural policy.

УДК 330
ББК 65

Начало перехода России от плановой к рыночной экономике сопровождалось весьма оптимистическими социальными ожиданиями, которые выразились в предвкушении успешной нейтрализации угрозы хозяйственного «застоя» и глубокого структурного кризиса, в той или иной степени обозначившихся в последние полтора десятилетия существования Советского Союза. Предполагалось, что череда давно назревших радикальных рыночных реформ позволит сформировать в обществе мощные импульсы количественного роста и качественного улучшения структуры ВВП и вернуть страну в когорту мировых лидеров социально-экономической динамики. Между тем среднегодовые темпы роста отечественной экономики за минувшие три с половиной десятилетия рыночной трансформации оказались крайне не впечатляющими. В первую очередь, невыразительная хозяйственная динамика обусловлена девятилетним трансформационным спадом 1990-х гг., масштабы которого превзошли как крупнейшие кризисы в странах с рыночной экономикой, так и советский военный кризис 1941 г. С позиции второй супердержавы в мире, каковой в предкризисный период являлась наша страна, это позволяет утверждать о случившейся в постсоветской России величайшей в новейшей мировой истории экономической катастрофе. Лишь за первые четыре года рыночных перемен кумулятивный спад

ВВП составил 36% на фоне 30%-го снижения уровня жизни населения. Причем сокращение объема производства в станкостроении, авиационной промышленности протекало опережающим образом — на 60—80% [3, 24—25], что предвосхищало резкий переход страны от прежней инновационной к экспортно-сырьевой модели экономического роста. Однако на этом сжатие выпуска в рамках Великой трансформационной депрессии не завершилось, и негативная производственная динамика проявлялась вплоть до 1998 г. включительно. В ходе ее развертывания оказалась утраченной треть национального богатства, разрушена немалая часть созданного в Советском Союзе экономического потенциала, из страны эмигрировали миллионы высококвалифицированных специалистов. В 1990—1998 гг., по сути, прекратилось производство на десятках тысяч промышленных предприятиях, что спровоцировало скачок напроочь отсутствовавшей ранее вынужденной безработицы до высокой отметки в 14,6% от экономически активного населения страны и ввело отечественную экономику в состояние деиндустриализации. Из реального сектора в финансово-спекулятивный перетекли поистине колоссальные объемы производственных ресурсов, а чистый отток капитала из России, превратившейся в одного из крупнейших финансовых доноров всемирного хозяйства, уже превысил отметку в 1 трлн долл. при его резкой активизации даже не в конце XX в., а в начале XXI в. Если же сравнить объем ВВП в 1998 г., когда отечественная экономика достигла наконец долгожданного «дна», с 1990 г., то он сократился в 1,8 раза. Реальные инвестиции упали в стоимостном выражении в 4,8 раза (а в физическом объеме примерно в 10 раз), опустившись до отметки 1960-х гг., и даже в 2025 г. не достигли уровня РСФСР 35-летней давности. И хотя последовавший в 1999—2008 гг. восстановительный рост позволил в целом компенсировать случившийся спад производственной деятельности, в макроэкономическом отношении страна фактически потеряла целых два десятилетия.

Конечно, с проблемой торможения экономического роста столкнулась в последние 15 лет далеко не только Российская Федерация. В условиях, когда по закономерностям развертывания кондратьевских длинных волн в мире наблюдается смена пятого технологического уклада шестым, в подавляющем большинстве стран темпы расширения выпуска откровенно не блещут, вплоть до их регулярного ухода в отрицательную зону. Последнее наблюдалось во время

общемировой Великой рецессии 2008—2009 гг. Но даже в этот драматический период наша страна в плане хозяйственной динамики выглядела в сравнении со своими конкурентами весьма неубедительно, вступив в значительно более глубокий производный, т. е. зависимый от состояния глобального хозяйства, кризис. Находясь вместе со многими странами Евросоюза (особенно восточноевропейскими) на полупериферии американоцентричной финансовой системы, Россия была попросту обречена на масштабные хозяйственные утраты в результате кризиса в США. Во всяком случае она оказалась явным аутсайдером в группе G20 по глубине сокращения национального производства. И это притом, что в условиях падения мирового реального ВВП в 2009 г. на 1,7%, страны с уровнем дохода ниже среднего (а Россия недалеко от них ушла) пострадали в заметно меньшей степени, чем страны с высоким уровнем дохода, и даже серьезно добавили к своему потенциалу [5, 25].

В посткризисные 2010 и 2011 гг. восходящая экономическая динамика протекала в России заметно медленнее, чем в период восстановительного роста (4,5 и 4,3% соответственно). А со второй половины 2012 г., несмотря на продолжение стимулирующей в целом политики государства, сохранение высоких мировых цен на нефть и отсутствие пока еще антироссийских санкций, обозначилось резкое ухудшение многих ведущих макроэкономических индикаторов — динамики инвестиций в основной капитал, объема промышленного производства, экспорта, сальдо торгового и платежного баланса, курса национальной валюты. В 2012 г. национальный продукт РФ возрос на 3,5%, в 2013 г. — всего на 1,3%, а к концу 2014 г. его наращивание полностью прекратилось. Так что в 2015 и 2016 гг. проявилась вполне предсказуемая рецессия, выразившаяся в сжатии национальной экономики (2,8 и 0,2% падения национального производства). После того как в 2017 г. уходившая в очередной кризис российская экономика «нащупала дно» и оттолкнулась от него, реальный ВВП вернулся на уровень 2012 г., но его фиксируемый Росстатом прирост оказался крайне неубедительным — всего 1,5% (это 166-е место в мире). Если в «тучные годы» (1999—2007 гг.) средний темп роста составлял 6,9%, то в турбулентные 2009—2017 гг. он опустился ниже порогового значения экономической безопасности, составив всего 0,7% [14, 6], что в несколько раз медленнее восходящей

динамики мирового хозяйства. Отчетливо обозначился воспроизводственный феномен «околонуля», являющийся проявлением реально законсервированной стагнации. Как отмечал В.Е. Фальцман, «экономика России оказалась в зоне малых приращений, когда прогнозы оказываются в интервале ошибки измерения» [18, 10]. В то время как глобальная экономика за десятилетие 2008—2017 гг. расширилась на 35% (развивающиеся страны — на 55%, а развитые — на 13%), экономика России — всего на 6%. Как следствие, ее доля во всемирном ВВП по ППС сократилась с 3,95% в 2008 г. до 3,16% в 2017 г. И только для преодоления разрыва в темпах роста, возникшего в 2008—2017 гг., России, по расчетам А.А. Широ́ва, требовался среднегодовой рост около 5% ВВП в течение 10 предстоящих лет [21, 38].

Однако сколько-нибудь существенного хозяйственного взлета не случилось и в 2018 г., когда ВВП возрос на 2,3% (при росте мировой экономики на 3,7%). В 2019 г. российский национальный продукт увеличился лишь на 1,3%, причем при немалых сомнениях российского общества в достоверности этой цифры и в обстановке многолетнего сокращения реальных доходов населения. Как результат перехода к затяжной стагнации и даже рецессии Россия, по данным Всемирного банка, по темпам прироста ВВП за 2000—2019 гг. (85%) заняла предпоследнее место среди всех постсоветских республик, серьезно отстав от Азербайджана (341%), Туркменистана (318%), Таджикистана (305%), Узбекистана (242%), Армении (225%), Казахстана (219%) и опередив одну только Украину (52%). В коронавирусном 2020 г. российский ВВП, по уточненной оценке, сократился на 2,7%, а в 2021 г. увеличение его физического объема составило 5,6%, что, впрочем, оказалось во многом обусловленным действием эффекта низкой базы. Но стартовавший постпандемийный восстановительный рост резко прервали случившиеся вскоре радикальные геополитические обстоятельства, связанные с интенсификацией гибридной войны коллективного Запада против нашей страны. В 2022 г. после запуска множества новых пакетов антироссийских рестрикций наблюдалось вступление экономики в 2022 г. в адаптационный кризис, следствием чего явилось падение ВВП на 1,2%. Правда, в 2023 г. российский ВВП вырос на 3,6%, а в 2024 г. — даже на 4,1% за счет расширения внутреннего спроса, спровоцированного специальной военной операцией на Украине. Однако за 33 года рыночной трансформации ВВП России увеличился всего примерно на 25%, в то

время как в странах Европейского союза — более чем в 1,5 раза, в США — в 2 раза, в постсоциалистических странах Европы — в 2,5 раза, в Индии — в 8,5 раза, в КНР — в 13,7 раза [17, 348-349]. Такие темпы экономического роста ставят под сомнение возможность финансирования в обозримой перспективе повышенных расходов на оборону и безопасность страны параллельно с восстановлением новых российских регионов (как минимум, Донбасса и Приазовья). Тем более что рассчитывать на дальнейшее расширение российского национального продукта приемлемыми темпами в 2026—2028 гг. не приходится, в том числе из-за известных среднесрочных дефектов реализуемой в стране концепции «военного кейнсианства», а также проведения, по утверждению министра финансов А. Силуанова, «планового охлаждения экономики» в интересах торможения инфляционных процессов, усиленного повышением ставки НДС до 22% и острой нехваткой рабочих и технических специалистов (1,3 млн человек по оценке Минтруда). Уже в 2025 г. объем выпуска в обрабатывающих гражданских отраслях продемонстрировал отрицательную динамику, которая, во всяком случае, превысила масштабы сокращения в ковидном 2020 г. Не выше, чем в обстановке глобального коронакризиса, оказалась и рентабельность всего несырьевого сектора, сталкивающегося с экстремальным удорожанием банковских кредитов и вынужденным снижением его бюджетной поддержки. Особо негативной выглядит ситуация с производством транспортных средств, электрического оборудования, стройматериалов, мебели, в которых темпы падения производства по самым различным причинам (от длительного поддержания ипотечных кредитов на запретительном уровне до нехватки персонала и привычных импортных компонентов) варьировались в диапазоне от 7 до 35%. И совокупный, явно недостаточный прирост ВВП в объеме около 1% был достигнут исключительно за счет гособоронзаказа, а также сырьевого сектора, где, впрочем, уже во втором полугодии 2025 г. тоже начал фиксироваться спад добычи нефти, природного газа и угля из-за еще более усиливающегося санкционного давления и утраты целого ряда зарубежных рынков сбыта. Особо негативную роль сыграло существенное укрепление реального обменного курса рубля, а также длительное поддержание реальной ключевой ставки Банка России на сверхвысокой отметке свыше 10%. Параллельно с этим снизился до 60–70% средний коэффициент загрузки оборудования в

отраслях обрабатывающей промышленности (приборостроении, фармацевтике, легкой промышленности и др.), спровоцировав тем самым неуклонное нарастание скрытой безработицы. Как результат, в современной России обозначается все более четкое раздвоение национальной экономики на военную и гражданскую. И если первая продолжает наращивать обороты в ответ на вызовы СВО и санкционной войны, то вторая отчетливо вступила в депрессивное состояние, напоминающее чем-то негативную ситуацию 1990-х гг. И это неслучайно, коль скоро проблему ограниченности производственных ресурсов не способна преодолеть ни одна страна.

Нельзя не заметить, что проблема невпечатляющего роста отечественной экономики активно обсуждается в научной литературе, и ученые, относящиеся к самым различным научным школам, уже не первый год выстраивают многообразные причудливые комбинации как конъюнктурных, так и фундаментальных факторов ее торможения. «Подобно тому как врач намечает тактику лечения, поставив вначале диагноз, — подчеркивает В.М. Холодков, — цели реформ и методы их достижения можно определить только после выяснения причин нынешней ситуации в отечественной экономике» [19, 162]. Однако по сей день в науке сохраняется неопределенность в ответе на принципиальный вопрос, какие из этих факторов — внешние, связанные с объективным воздействием разнородных геополитических обстоятельств и состояния всемирного хозяйства на экономику России как неотъемлемой его части, или же внутренние, обусловленные несовершенством сложившейся разновидности смешанной экономики и субъективными просчетами в механизме ее государственного регулирования — доминируют в своем влиянии на социально-экономическое развитие как в кризисные годы, так и в периоды последующего восстановительного роста. Сегодня, в обстановке санкционного спада, перерастающего после временного двухлетнего оживления, вызванного бюджетным импульсом в виде нарастающего гособоронзаказа, в закономерную хозяйственную стагнацию 2025—2026 гг. [8, 129—163], столь принципиальный вопрос не утратил своей актуальности.

Позиция отечественных неолибералов относительно причин торможения экономического роста и развертывания российских кризисов заключается в отстаивании их жесткой детерминированности комплексом факторов внешней среды, к формированию которых

правительство и Центральный банк по понятным причинам отношения не имеют. Развивая представления о линейности, а вовсе не цикличности хозяйственного развития, они, как и их зарубежные коллеги, полагают, что явно не следует ожидать наступления хозяйственного спада в определенной стране по той лишь причине, что он не наблюдался здесь уже восемь или даже десять лет. Отчетливо нерегулярное наступление рецессий и депрессий связывается, скорее, не с внутренними экономическими закономерностями, а со стечением целого ряда привходящих извне обстоятельств. В подобной трактовке кризисы выступают в качестве неестественного состояния национального хозяйства, его некоего «заболевания», а вовсе не закономерной фазы того или иного экономического цикла. Так, в соответствии с экзогенной концепцией У. Джевонса, выдвинутой им еще в 1875 г., экономические спады обусловлены колебаниями солнечной активности, которые оказывают непосредственное воздействие на сельское хозяйство и тесно связанные с ним отрасли. Внешними триггерами кризисных потрясений в экономике в дальнейшем признавались, например, различные революции (в последние годы цветные) и государственные перевороты (включая случившийся на киевском майдане); горячие, холодные и гибридные войны; крушения международных союзов (например, выход США из Транстихоокеанского партнерства или Великобритании из ЕС); иные геополитические потрясения (избирательные кампании, предвыборные обещания политиков и их конкретные действия, смены политических партий, находящихся у власти, санкционные противостояния государств). В то же время неоклассики убеждены, что любое подобное воздействие на национальную экономику заведомо не является сколько-нибудь продолжительным, будучи быстро нейтрализованным гибкими рыночными механизмами. Поэтому сколько-нибудь существенное, выходящее за рамки некоего минимума, вмешательство государства в социально-экономическую жизнь заведомо окажется дополнительным кризогенным фактором, а вовсе не действенным способом устранения циклических потрясений национального хозяйства и ускорения долгосрочного экономического роста.

В неолиберальной трактовке само по себе государственное регулирование экономики зачастую выступает еще одной из внешних по отношению к саморегулируемому рынку угроз хозяйственных спадов, поскольку вносит крупные деформации в функционирование

рыночного механизма. Например, в представлении монетаристов рецессия становится периодом ликвидации субъективных ошибок, вызванных предшествующей, излишне жесткой политикой центрального банка. Именно в некомпетентных действиях Федеральной резервной системы США, спровоцировавшей «кризис доверия» и не оказавшей банкротящимся банкам своевременной помощи, М. Фридмен находил первопричину перерастания обычно циклического спада в Великую депрессию.

Продолжая неоклассическую традицию и подчеркивая неспособность фискальных и монетарных властей сколько-нибудь убедительно противодействовать глобальному «цунами», Э.Ф. Баранов и В.А. Бессонов полагают, что не только российские спады 1998 г. и 2008—2009 гг., но и кризис, развернувшийся в конце 2014 г., вызваны в основном экзогенными шоками [2, 143]. Ю.Н. Найденова и В.В. Леонтьева тоже склонны тесно увязывать их с «мировым снижением цены на нефть и экономическими санкциями» [10, 141]. Причем при всей значимости антироссийских рестрикций важнейшим среди внешних кризисных триггеров (включая последующее распространение пандемии коронавируса по всей планете) признается именно падение нефтяных цен, которые под влиянием многообразной совокупности объективных и субъективных обстоятельств покидали в 2009 г. и 2015 г. временно образовавшуюся на мировом энергетическом рынке неравновесную зону.

И действительно, влияние всех кризисных обстоятельств, имеющих экзогенную природу, нельзя недооценивать. Не секрет, что российский дефолт августа 1998 г. в качестве «кризиса внутри кризиса», некоей финальной точки девятилетнего трансформационного спада, оказался в немалой степени обусловленным азиатскими потрясениями 1997 г. Случившийся тогда финансовый кризис в странах Южной и Восточной Азии спровоцировал масштабный отток спекулятивных капиталов из нашей страны, который повлек за собой и спад производства, и отказ от обслуживания государственного долга, и кратную девальвацию рубля. Мировые хозяйственные эксцессы XXI в. тоже не могли не ухудшить хозяйственную динамику в России. Так, экзогенной причиной глобальной рецессии 2008—2009 гг. явилась комбинация двух факторов — наступления очередного кризиса в рамках циклов Жюглара, который был вполне ожидаемым по-

сле затяжного хозяйственного подъема, с пребыванием мировой экономики на нисходящей волне кондратьевского длинноволнового цикла, когда все более назревает острая необходимость очередной смены господствующего технологического уклада в ходе научно-технического прогресса.

Тем не менее, неолиберальный тезис о решающем вкладе внешних факторов, особенно неблагоприятного изменения цен на рынке энергоносителей, глобальной задолженности, а затем и западных санкций вкупе с другими орудиями гибридной войны, в развертывание российских кризисных процессов и торможение экономического роста не выглядит вполне убедительным, хотя большинство официальных средств массовой информации всячески стремятся посеять в общественном сознании россиян это крайне выгодное для властей представление. Характерно, что, как резонно замечают И.С. Букина и В.Е. Маневич, «существование такой непосредственной зависимости принимается как нечто очевидное и само собой разумеющееся, а механизм такой зависимости фактически не рассматривается» [4, 10]. Главный методологический аргумент против любых экзогенных концепций кризисов состоит в регулярности наступления последних, и это сложно объяснить, если полагать, что их первопричины приходят в экономическую систему откуда-то извне. Настойчиво связывая нынешние проблемы отечественного хозяйства с отчетливо негативными особенностями внешней среды, в которых ему приходится функционировать, отечественные неоклассики сознательно уводят теоретический анализ от раскрытия серьезных внутренних дефектов российской разновидности смешанной экономики, воспроизводство которых как раз и предопределяет, действительно, немалые трудности экономического развития.

Известно, что появление еще в конце XIX в. целого ряда эндогенных теорий кризисов сопровождалось переходом науки к их рассмотрению как вполне нормальной ситуации в национальной экономике, столь же неизбежной, как и всех остальных состояний конъюнктуры. В кейнсианской трактовке циклы и кризисы вовсе не выступают ни неким форс-мажором, ни следствием стратегических просчетов в государственном регулировании экономики (которые, впрочем, признаются способными при определенных условиях еще более усиливать хозяйственный спад). Причины неизбежных кризисных потрясений и инфляционных бумов, по их мнению, обусловлены

не столько ошибочными действиями властей, сколько тем обстоятельством, что экономические циклы объективно присущи рыночной системе, становясь закономерными результатами перемен в соотношении совокупного спроса и совокупного предложения, потребления, сбережений и инвестиций. Государственная экономическая политика расценивается ими вовсе не как некая внешняя угроза национальной безопасности, а, напротив, в качестве потенциально ведущего фактора, способного в тесном взаимодействии с рыночным механизмом в конструкции современной смешанной экономики успешно противодействовать всему комплексу этих опасностей. Однако это вовсе не исключает возможности крупных дефектов в макроуправленческой деятельности, неотвратимо сказывающихся на долгосрочной хозяйственной динамике страны. При такой постановке вопроса объяснять падение российского национального продукта, например, нисходящей динамикой цен на нефть методологически неправомерно, поскольку имеется немало стран, чья экономика еще более зависима от нефтяного экспорта, но в то же время демонстрирует куда большие успехи сравнительно с нашей. Думается, что категоричное утверждение И.И. Сечина, что стремительное сокращение российского ВВП в 2009 г. «было связано с резким снижением мировых цен на нефть» [13, 93], выглядит излишне упрощенным и не учитывает мощного влияния на этот экономический спад крупных дефектов экономической политики государства, обозначившихся еще в докризисный период. Сходную диагностику можно провести и в последующие постсанкционные годы, так как масштабные антироссийские ограничения, формально будучи внешними угрозами экономической безопасности, вводились коллективным Западом далеко не произвольно, а предварялись тщательным сканированием отечественной экономики на предмет выявления в ней крупных внутренних слабостей и изъянов.

При раскрытии эндогенных причин невпечатляющей динамики в последние полтора десятилетия высказывается, в частности, довольно спорное мнение, что она обусловлена всего лишь завершением процесса перехода России от планового хозяйства к рыночному. Так, Н.В. Акиндинова, В.А. Бессонов, Е.Г. Ясин в 2018 г. выделяли в российском переходном процессе три основных стадии — ухудшение, случившееся в период трансформационного спада; улуч-

шение, свершившееся на этапе восстановительного подъема; затухание, наблюдаемое в последующее десятилетие [1, 7—9]. Утверждалось, что к началу 2010-х гг. немалый потенциал посткризисного роста и полученных национальной экономикой трансформационных бонусов оказался, по сути, исчерпанным. Незадействованные производственные мощности и неиспользуемая рабочая сила как ведущие резервы наращивания национального продукта и малоинвестиционного «легкого роста» производительности труда остались в прошлом, ожидать волны притока капитала извне на российский рынок в современных геополитических реалиях не приходится, сколько-нибудь заметного скачка мировых цен на нефть в условиях «сланцевой революции», скорее всего, не случится, эффект девальвации рубля в нынешней ситуации если и возможен, то лишь небольшой (прежде всего, из-за отчетливо «подсевшей» на импорт инвестиционной сферы), и кратковременный рост потребительского спроса за счет кратного расширения кредитования сменился стадией избыточного накопления долгов населения коммерческим банкам. Между тем, отмечал Е.Т. Гурвич, «власти в свое время не смогли правильно распознать причины успешного роста в годы большого рывка. Они необоснованно решили, что хорошие показатели этих лет — не следствие временной удачи, а признак того, что в российской экономике уже созданы основные условия для устойчивого развития» [6, 38]. Поэтому прекращение воздействия позитивной внешней и внутренней конъюнктуры вкупе с благоприятными разовыми факторами предопределяет устойчиво невысокие темпы прироста ВВП, которые рассматриваются не как отклонение от нормального развития событий в российской экономике, связанного с реализацией имеющегося в ней значительного потенциала развития, а в качестве некоей «новой нормальности» и признаются закономерным возвратом к некоему естественному состоянию, отклонением от которого ранее была высокая трансформационная динамика. И если в национальном хозяйстве наблюдается «отсутствие V-образного отскока», который происходил в ней в период до Великой рецессии, то подобное торможение посткризисной динамики связывается вовсе не со стратегическими дефектами проводившейся российскими либеральными властями (в рамках модернизированной версии «шоковой терапии») экономической политики, а всего лишь с градуалистским блокированием

«созидательного разрушения» как негативного побочного эффекта успешной антикризисной политики [9, 14].

Дискуссия относительно наиболее значимых эндогенных причин откровенно вялого среднегодового роста экономики России, перемежаемого регулярными ее кризисными спадами, еще далека от своего завершения. Включаясь в нее, мы полагаем, что невпечатляющая динамика российской экономики в постсоветский период объясняется, главным образом, не внешними, а внутренними причинами. Причем причины эти начали проявляться еще с далеких 1990-х гг., когда одним из ведущих факторов глубокого трансформационного спада явилась отечественная разновидность структурной перестройки национальной экономики. Воспроизводственная структура, как известно, представляет собой пропорции и функциональные взаимосвязи между отдельными элементами народного хозяйства (отраслями, секторами, сферами, регионами), которые характеризуют эволюцию экономической системы во времени и пространстве в ходе изменения общественного разделения труда. И трансформация ее советского варианта, соответствующего реалиям планово-регулируемой системы, в рамках принятой концепции рыночных реформ должна была проходить, как минимум, в три этапа. На первом из них открытие национального хозяйства внешнему миру, неизбежное в ходе его рыночной трансформации, закономерно усиливало конкуренцию отечественных производителей с зарубежными, когда неизбежным становилось вытеснение наименее эффективных среди них с внутреннего рынка. После такой пассивной структурной перестройки должен был начинаться этап адаптации, на котором интенсивно происходит перераспределение производственных ресурсов в пользу более эффективных производств. И только затем, на этапе реконструкции, связанном с наращиванием инвестиций и объема производства в обозначившихся «точках роста», можно было всерьез ожидать преодоления переходного кризиса и восстановления позитивной динамики национального продукта. Однако подобная ломка воспроизводственной структуры, будучи детерминированной необходимостью серьезного изменения состава ВВП под воздействием формирования в ней специфической разновидности рыночного хозяйства, протекала в нашей стране в крайне неблагоприятном направлении из-за крупных субъективных просчетов в структурной поли-

тике государства. Они выразились в еще большем удалении структуры народнохозяйственных пропорций от некоего состояния оптимума даже по сравнению со структурно перекошенной советской экономикой.

В сложившейся ситуации крайне актуальным стало использование в отечественной практике теоретических выводов такого направления экономической науки, как структурализм, который настойчиво подчеркивает необходимость обеспечения не просто быстрого, а именно сбалансированного расширения национального хозяйства. В качестве некоего ответвления теории экономического развития эта авторитетная научная школа обосновывает тезис о непосредственном влиянии структурных сдвигов на долгосрочную хозяйственную динамику общества. В отличие от традиционного советского подхода, когда экономический рост напрямую связывался с накоплением факторов производства (с безусловным акцентом на основные фонды), в центре внимания структуралистов находится секторальная структура совокупного выпуска, так что ключевая роль в долгосрочной хозяйственной динамике отводится ведущим пропорциям, которые сформировались в народнохозяйственном организме. Считается, что высоких темпов увеличения благосостояния в принципе невозможно достичь без целенаправленного воздействия властей на соотношение тех или иных секторов национального хозяйства. Конечно, факт детерминации структурой выпуска темпов экономического роста в той или иной степени признается всеми учеными. Однако позиция структуралистов заключается не просто в констатации важности своевременных структурных, а в признании поистине ключевой роли данного фактора. В связи с этим отстаивают решающий вклад в торможение роста ВВП негативных перемен в соотношении различных видов хозяйственной деятельности, а также пространственных диспропорций воспроизводства. По их мнению, подобные нарушения народнохозяйственной сбалансированности способны надолго замедлить экономическое развитие, вызывая регулярные кризисные сокращения объема производства.

Хотя в среде структуралистов, начиная с середины XX в., представлены сторонники самых разнообразных теоретических концепций (неоклассики, марксисты, институционалисты и др.), ведущее место в ней по праву принадлежит представителям кейнсианской доктрины. В понимании сторонников данного направления экономической науки

(Р. Пребиша, Г. Мюрдаля, С. Кузнеца, Ф. Перру, И. Валлерстайна, Ф. Броделя а в отечественной науке — А. Анчишкина, В. Ивантера, А. Широа, М. Узякова, П. Ореховского, О. Сухарева и др.), гарантией устойчивого расширения ВВП выступает вовсе не значительная норма сбережений и, соответственно, инвестиций, как полагают многие неоклассики, тем более что капиталовложения расцениваются не в качестве фактора экономического роста, а самого этого роста, неотъемлемого компонента ВВП, рассчитанного по методу потока расходов. Особо подчеркивается то обстоятельство, что «классические модели экономического роста агрегатного типа не принимают во внимание структурно-инвестиционные параметры экономической динамики, распределение вклада в темп роста между видами деятельности и секторами экономики, а также элементами ВВП» [15, 51]. В рамках упрощенного неоклассического подхода, где темпы хозяйственного прогресса страны жестко детерминируются достигнутой в ней инвестиционной активностью компаний, экономическая система фактически рассматривается в качестве некоего «черного ящика», и протекающие в ней внутренние глубинные процессы, общие и специфические закономерности, складывающиеся здесь тесные взаимосвязи фактически выводятся из рассмотрения. В противовес этому именно данные взаимосвязи представляют наибольший познавательный интерес для структуралистов, настаивающих на том, что отнюдь не величина трудовых, природных, финансовых ресурсов, которыми располагает та или иная страна, не объем направляемых в сферу производства реальных инвестиций предопределяют, в конечном счете, темпы социально-экономического развития, а сложившаяся (точнее, сознательно сформированная) в ней отраслевая и региональная структура, те соотношения в системе воспроизводства, которые выстраиваются под целенаправленным воздействием государственных институтов, призванных обеспечивать пропорциональность [12, 110].

Структуралистская концепция экономического роста опирается на анализ механизма взаимодействия не отдельных, пусть даже чрезвычайно крупных компаний, а различных отраслей и регионов страны. Причем под отраслью здесь понимается, скорее, не совокупность производственных ячеек, занимающихся сходной экономической деятельностью, а некая комплексная технология (как совокупность взаимосвязанных микротехнологий), обеспечивающих создание опреде-

ленного набора однородных видов продукции. Считается, что всесторонний учет объективно существующих структурных закономерностей в практике государственного регулирования позволяет поддерживать сбалансированность воспроизводственного процесса и тем самым ускорять экономическое развитие страны. Но если регулирующая деятельность властей по межсекторальному перераспределению ресурсов, как это и случилось в постсоветской России, оказывается крайне далекой от оптимальных характеристик, по сути безуспешной, то даже факт наличия бескрайних природных богатств не в состоянии подкрепить долгосрочную хозяйственную динамику страны, нередко даже обрекая немалую часть ее населения на состояние хронической бедности, которая тоже в немалой степени становится сугубо структурным явлением.

Отставание развивающихся стран (стран «периферийного капитализма», по Р. Пребишу) по уровню жизни населения структуралисты склонны связывать прежде всего с низким удельным весом обрабатывающей промышленности в структуре производства, отчетливым перекосом в составе ВВП и занятости в сторону добывающей промышленности, сельского хозяйства, а также низкопродуктивных отраслей сферы услуг. Подчеркивая первостепенную значимость продуктового состава совокупного выпуска, они усматривают тесную положительную связь между разнообразием, а также сложностью выпускаемых в стране товаров и услуг и уровнем достигнутого здесь благосостояния населения вкупе с соответствующей квалификацией работников. Не секрет, что в отличие от горнодобывающего и аграрного секторов, где обычно наблюдается убывающая отдача, а с нарастанием выпуска средние издержки демонстрируют острое нежелание сокращаться, и к тому же подавляющая часть низкотехнологичных товаров реализуются на конкурентных рынках (а потому крайне редко дорожает на длительном временном интервале), продукция обрабатывающей индустрии, напротив, продается в основном на рынках несовершенной конкуренции, характеризуется возрастающей отдачей, в том числе из-за наличия здесь значительного потенциала для совершенствования применяемых технологий. К тому же в сырьевом секторе регулярно ухудшаются условия добычи, что вследствие нарастания затрат в расчете на единицу продукции влечет за собой сокращение валовой прибыли добывающих компаний. Что же касается аграрного сектора, то здесь в той или иной

степени сложилась относительно конкурентная структура мелких производителей, что закономерно препятствует их сговору против потребителей, тогда как в промышленности доминирование крупных фирм и государства позволяет им успешно ограничивать отраслевой выпуск, воспроизводя эффект храповика. Поскольку же с ростом доходов жителей стран «третьего мира» они начинают предъявлять повышенный спрос на неуклонно дорожающую импортную продукцию обрабатывающей промышленности, постольку здесь начинает нарастать угроза перехода торгового баланса, выступающего компонентом ВВП, в состояние устойчивого дефицита и, как результат, замедления хозяйственной динамики. В странах с преимущественно сырьевым типом экономического роста максимум доли обрабатывающей промышленности достигается на значительно более низкой (сравнительно с представителями его инновационного типа) ступени достигнутого общественного благосостояния, а затем начинает опять неотвратимо сокращаться за счет опережающего развертывания низкопроизводительных звеньев сервисного сектора.

В соответствии с гипотезой Пребиша—Зингера, цены на товары, создаваемые в добывающей промышленности и сельском хозяйстве, в долгосрочном периоде, однако существенно отстают от ценовой динамики продукции, выпускаемой обрабатывающей индустрией [17, 18]. Еще в середине XX в. Р. Пребиш и К. Зингер стремились доказать, что по мере расширения международной торговли наблюдается удешевление сырьевых товаров относительно продукции переработки, что обрекает страны, избравшие экспортно-сырьевую специализацию, на нарастающее отставание и закономерный уход на периферию глобального развития. Конечно, в краткосрочном периоде цены на топливо и сырье вполне могут взвинчиваться по целому ряду объективных и субъективных обстоятельств, однако недавние исследования МВФ, опирающиеся на данные с 1650 г., показали, что на длительном временном интервале цены на промежуточные товары, действительно, существенно отстают в своей динамике от цен на продукцию конечного спроса [11, 12]. И это обстоятельство, помимо уплаты интеллектуальной ренты, неминуемо создает ситуацию острого дефицита конвертируемой валюты в странах, избравших экспортно-сырьевую модель своего экономического роста, что не может кардинальным образом не затруднять их технологическую модернизацию за счет зарубежных машин и оборудования.

А поскольку в межстрановой торговле связь между издержками и ценами явно не выглядит сколько-нибудь жесткой, постольку здесь открываются широкие возможности для неэквивалентного обмена и присвоения индустриально развитыми странами интеллектуальной ренты. Ведь не секрет, что рывок государств центра мировой экономики всегда сопровождается и обеспечивается хозяйственной деградацией периферийных государств, которые через эксплуататорские, по сути, отношения несправедливого международного обмена неотвратимо расстаются с немалой долей создаваемой на их территории добавленной стоимости. К тому же среднегодовые темпы макроэкономической динамики в рамках экспортно-сырьевой модели заведомо не могут быть высокими, находясь в предельно узком диапазоне 1—2%, в связи с принципиальной технологической затрудненностью сколько-нибудь стремительного наращивания добычи и, соответственно, вывоза сырья. Так что интенсивный тип экономического роста, достигаемый за счет эффективности производства, может быть обеспечен только при постепенном повышении в структуре ВВП доли обрабатывающей промышленности, которая, в отличие от промышленности добывающей, наглядно демонстрирует способность неуклонно наращивать производительность труда за относительно небольшой временной отрезок.

При этом если ранние структуралисты были склонны к заметному преувеличению возможностей государственных институтов, нейтрализуя соответствующие проявления фиаско рынка, обеспечивать сбалансированность народного хозяйства, то в дальнейшем вынужденное признание факта наличия в механизме диверсификации сверху многочисленных вне рыночных провалов (ущемления в ходе формирования отраслевых приоритетов общественных интересов интересами крупных корпораций, проявившихся крупных изъянов политики импортозамещения, ухода целого ряда государств, занимающихся активной структурной перестройкой, в состояние тупика внешнего долга и др.) повлекло за собой временное разочарование в структуралистских подходах. Действительно, серьезные дефекты начального латиноамериканского варианта структурализма (выход государственных расходов на обеспечение диверсификации за пороговые значения финансовой безопасности; излишний отход структурных приоритетов властей от объективно существующих сравнительных преимуществ тех или иных стран; чрезмерно тепличные

условия для отечественных производителей, которые в отсутствие подлинно конкурентной среды не могли воспользоваться своим доминирующим положением на рынке; искусственное завышение курсов национальных валют для удешевления поступающих по импорту машин и оборудования в ущерб позициям национальных экспортеров) привели в 1980-е гг. к утрате многими из находящихся здесь стран хозяйственной динамики. Набравшие на этом критическом фоне политический вес неолибералы стали расценивать государство не в качестве неотъемлемого фактора роста, а напротив, как главное структурное препятствие на его пути, всемерно продвигая тем самым ценности тотальной либерализации хозяйственной жизни.

И, к сожалению, именно на неолиберальном теоретическом фундаменте так называемых структурных реформ, сопряженных с тотальным вытеснением дирижистско настроенных федеральных властей из процесса управления динамикой ключевых воспроизводственных пропорций и решительным отказом от подлинной структурной политики, и протекал, начиная с 1990-х гг., процесс рыночной трансформации экономики постсоциалистических стран, включая Россию, в строгом соответствии с принципами «вашингтонского консенсуса». И хотя эти разрушительные принципы и неоклассические модельные конструкции изначально были разработаны для весьма своеобразных государств Латинской Америки, причем по состоянию их экономики на конец 1980-х гг., однако «структурная перестройка», суть которой легкомысленно сводилась к форсированному выведению государства из механизма регулирования структурных сдвигов (становящихся после этого стихийными), протекала в нашей стране, явившись главной причиной последовавшей вскоре деиндустриализации отечественной экономики. В связи с тем, что после запуска либеральных рыночных реформ в нашей стране из-за отчетливого несовершенства механизма государственного регулирования четко обозначились столь очевидные межотраслевые и межрегиональные перекосы, которые, с позиции представителей структурализма, не могли не затормозить ее хозяйственную динамику, без их устранения трудно всерьез рассчитывать на преодоление случившихся здесь автономной рецессии и санкционного спада. В результате сугубо негативных перемен пропорции российской экономики в значительной степени приблизились к воспроизводственной структуре не развитых стран центра, а развивающихся периферийных государств.

И именно данное обстоятельство следует, на наш взгляд, рассматривать в качестве ведущего ограничителя как ее предшествующего, так и предстоящего роста.

Как видим, хотя структурные исследования в той или иной степени представлены в исследованиях как отечественных неолибералов, так и государственников, однако они склонны вкладывать в содержание насущных преобразований в структуре экономики далеко не однозначный, а порой и вовсе противоположный смысл. Лучшей структурной политикой в неолиберальной трактовке считается ее полное отсутствие. Целесообразность проведения региональной политики государства, тесно пересекающейся с политикой структурной и обеспечивающей пространственную пропорциональность в стране, тоже ставится под сомнение. Всерьез полагается, что открытость региональных экономик и конкуренция между ними за привлечение производственных ресурсов усиливают мобильность последних, сближают цены факторов производства и тем самым способствуют стихийному устранению диспропорций в уровне развития различных территорий. Связывая хозяйственное отставание развивающихся стран с их функционированием на периферии глобального развития, неолибералы, осознанно допускающие терминологическую путаницу, усматривают перспективы преодоления подобного отставания вовсе не с трансформацией структуры национальных экономик и, прежде всего, с устранением сугубо сырьевой направленности производства, а также экспорта при активном участии государства в подобной диверсификации, а, напротив, с всеобщей либерализацией хозяйственной жизни, в частности, с всемерным открытием их экономики внешнему миру. Расценивая государственные институты в качестве ведущего ограничителя на пути к устойчивому экономическому росту, неолибералы тем самым освобождают себя от необходимости выработки практически значимых предложений по действительно структурным преобразованиям в национальном хозяйстве, сознательно иницилируемым из федерального центра. При рассмотрении структурной перестройки всего лишь как процесса освобождения экономики от пут государственного регулирования в своем стремлении в максимальной степени нейтрализовать вне рыночные провалы в регулирующей деятельности власти они обрекают страну на интенсификацию такого фиаско рынка, как острое нежелание частных корпораций развивать чрезмерно наукоемкие, рисковые,

крупномасштабные и имеющие длительный срок окупаемости инвестиционные проекты. Это означало бы эволюцию структуры отечественной экономики «с ориентацией на продолжение сложившихся тенденций по деградации научно-производственного и интеллектуального потенциалов страны и ее окончательного превращения в сырьевую периферию мирового рынка с дезинтегрированной и контролируемой извне экономикой, деморализованным населением и распавшимся на антагонистические группы обществом» [20, 54].

Между тем подобные рыночные осечки оказываются ничуть не менее опасными и имеющими долгосрочные негативные последствия, чем присущие ранним структуралистам стратегические просчеты в централизованном распределении предпринимательской активности по видам экономической деятельности. Во всяком случае, наивысшие за последнее столетие показатели прироста ВВП в расчете на душу населения, производительности труда, продолжительности жизни и грамотности, по оценкам оксфордских экономистов, пришлось в Латинской Америке именно на период реализации структуралистских подходов, а вовсе не на более позднюю эпоху хозяйственной либерализации и стремления к сугубо финансовой стабильности [17, 22]. Конечно, импортозамещающая неоиндустриализация, разворачивающаяся сегодня в неуклонно диверсифицируемой российской экономике под непосредственным воздействием западных санкций, призвана, не отвергая ценностей крайне плодотворного структуралистского подхода, в максимальной степени учитывать ее «детские ошибки», допущенные более чем полвека тому назад в латиноамериканских государствах. Так, одним из современных проявлений подобной «работы над ошибками» является стремление правительств стран с догоняющим типом развития ориентироваться на неуклонное сближение структуры их пропорций не с передовыми государствами непосредственно, а прежде всего с теми, в которых уровень жизни несколько выше и где выпускается существенно больше продукции с высокой добавленной стоимостью. При этом учитывается тот факт, что приоритизация структурных сдвигов становится особо значимой именно в подобных странах, поскольку их власти объективно значительно более ограничены в своих производственных ресурсах из-за крайне высоких инвестиционных рисков,

препятствующих частным и иностранным вложениям, затрудненности получения внутренних и международных займов, далекой от совершенства структуры человеческого капитала.

В отличие от либералистской трактовки позитивных структурных преобразований как результата стихийного процесса перманентной адаптации рыночной экономики к динамично изменяющимся общественным потребностям структуралисты не видят возможности подобных преобразований вне сознательного вторжения государства в систему сложившихся макроэкономических пропорций. И подобное вторжение, проявляющееся прежде всего в разумной протекционистской защите наукоемких отраслей на стадии их формирования или возрождения и нацеленное не просто на перестройку производственной структуры (которая может, как известно, пойти в любом, в том числе наиболее разрушительном направлении), а именно на ее модернизацию, воспринимается вовсе не в качестве ведущего «структурного» ограничения на пути к устойчивому экономическому росту, а, напротив, в виде неременного условия для предстоящего вхождения страны в когорту лидеров мировой хозяйственной динамики. Подобно тому как преодоление острого товарного дефицита в советской экономике как формы подавленной инфляции связывалось далеко не только с ужесточением бюджетных ограничений, но и с устранением ее хронической диспропорциональности (прежде всего, в части избыточной милитаризации и безусловного доминирования тяжелой промышленности над легкой), так и сегодня искоренение хронической инфляционности экономики России тесно увязывается с обеспечением прогрессивных структурно-технологических сдвигов в национальном хозяйстве.

Нельзя не заметить, что неуклонное возрождение интереса к структуралистским исследованиям вплоть до настоящего времени протекало пропорционально масштабам разочарования многих ученых и политиков в результативности неолиберальных подходов, воплощенных в человеконенавистнической идеологии «вашингтонского консенсуса». В понимании ученых, опирающихся на дирижистскую кейнсианскую концепцию и широко использующих тождества национальных счетов для критического анализа сложившейся воспроизводственных пропорций, только активная структурная политика, которая обеспечивает опережающее развитие конечных об-

рабатывающих отраслей сравнительно с промежуточными добывающими, способна содействовать структурно-технологической перестройке отечественной экономики. Ускорение роста современной российской экономики расценивается ими как попросту немислимое без проведения ее радикальной структурной модернизации, масштаб которой вполне сопоставим с той, которая осуществлялась здесь почти столетие тому назад в период предвоенной индустриализации, коль скоро в трагические годы рыночной трансформации оказались, по сути, утраченными многие инновационные достижения советской эпохи, и технологическое отставание от наиболее передовых стран начало принимать поистине угрожающие размеры. И надо признать, что сценарные прогнозы отечественных государственныхников были плодотворно использованы при обосновании конкретных направлений государственного инвестирования в крупные национальные проекты, имеющие отчетливо структурный характер и последовательно приближающие страну к достижению желанного технологического суверенитета. Поскольку воспроизводственная структура как некое целое категорически не сводится к совокупности составляющих ее элементов и функциональных связей между ними, а представляет из себя нечто большее, развивающееся по своеобразным закономерностям, постольку позитивные преобразования в структуре российской экономики, инициируемые государством, способны привести в экономический рост не только сугубо количественное ускорение, но и кардинально новое качество.

Литература

1. *Акиндинова Н.В., Бессонов В.А., Ясин Е.Г.* Российская экономика: от трансформации к развитию. М.: Издат. дом Высшей школы экономики. 2018. 55 с.
2. *Баранов Э.Ф., Бессонов В.А.* Взгляд на российскую экономическую трансформацию // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 142—158.
3. *Бузгалин А., Хубиев К., Теняков И., Заздравных А.* Рост и/или развитие: специфика российской экономической модели // Общество и экономика. 2021. № 12. С. 16—44.

4. Букина И.С., Маневич В.Е. Кредитно-денежная и финансовая система России в 2015 году и в первом полугодии 2016 года: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН. 2016. 38 с.
5. Григорьев Л.М., Макарова Е.А. Норма накопления и экономический рост: сдвиги после Великой рецессии // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 24—46.
6. Гурвич Е.Т. Возможные источники и ограничения роста российской экономики в период до 2024 г. // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 1. С. 30—45.
7. Капканциков С.Г. Бюджетное правило и налоговый маневр в деструктивной либералистской концепции бюджетной трехлетки — 2021—2023 // Российский экономический журнал. 2020. № 6. С. 49—69.
8. Капканциков С.Г. Санкционный кризис российской экономики и перспективы его преодоления // Философия хозяйства. 2025. № 6. С. 129—136. DOI: 10.5281/zenodo.17838545.
9. Мау В. Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018—2019 гг. // Вопросы экономики. 2019. № 3. С. 5—28.
10. Найденова Ю.Н., Леонтьева В.В. Влияние неопределенности экономической политики на инвестиции российских компаний // Вопросы экономики. 2020. № 2. С. 141—159.
11. Ореховский П.А. Прерывистый тренд развития структурализма: альтернативная традиция экономического анализа. М.: Институт экономики РАН. 2016. 47 с.
12. Ореховский П.А. Советский структурализм: Е. Преображенский, С. Струмилин, Н. Вознесенский, Ю. Яременко // Вестник Института экономики РАН, 2023. № 6. С. 109—133.
13. Сечин И.И. Тенденции и проблемы развития российской экономики // Философия хозяйства. 2024. № 5. С. 87—131. DOI: 10.5281/zenodo.13920255.
14. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка: Доклад НИУ ВШЭ // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 5—28.
15. Сухарев О.С. Экономический рост и технологическое обновление: структурная динамика // Journal of New Economy. 2019. Т. 20. № 2. С. 30—54.

16. Трансформация российской экономики в условиях формирования технологического суверенитета. СПб.: Алетейя, 2024. 368 с.
17. Устенко В.С., Попкова Е.Г. Эволюция подходов к анализу экономической структуры: опыт онтологического прочтения // Вестник Томского государственного университета. Сер. Экономика. 2023. № 63. С. 5—37.
18. Фальцман В.К. Об измерении экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1. С. 10—17.
19. Холодков В.М. Структурные реформы в России и китайский опыт // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 5. С. 161—190.
20. Хузина Г.Г. Концепция и механизм трансформации структуры экономической системы // Финансы и кредит. 2011. № 11. С. 54—58.
21. Широков А.А. Проблемы воспроизводства в современной российской экономике // Вопросы политической экономии. 2019. № 2. С. 37—46.

Reference

1. Akindinova N.V., Bessonov V.A., YAsin E.G. Rossijskaya ekonomika: ot transformacii k razvitiyu. M.: Izdat. dom Vysshej shkoly ekonomiki. 2018. 55 s.
2. Baranov E.F., Bessonov V.A. Vzgljad na rossijskuyu ekonomicheskuyu transformaciyu // Voprosy ekonomiki. 2018. № 11. S. 142—158.
3. Buzgalin A., Hubiev K., Tenyakov I., Zazdravnyh A. Rost i/ili razvitie: specifika rossijskoj ekonomicheskoy modeli // Obshchestvo i ekonomika. 2021. № 12. S. 16—44.
4. Bukina I.S., Manevich V.E. Kreditno-denezhnaya i finansovaya sistema Rossii v 2015 godu i v pervom polugodii 2016 goda: Nauchnyj doklad. M.: Institut ekonomiki RAN. 2016. 38 s.
5. Grigor'ev L.M., Makarova E.A. Norma nakopleniya i ekonomicheskij rost: sdvigi posle Velikoj recessii // Voprosy ekonomiki. 2019. № 12. S. 24—46.
6. Gurvich E.T. Vozmozhnye istochniki i ogranicheniya rosta rossijskoj ekonomiki v period do 2024 g. // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2019. № 1. S. 30—45.

7. *Kapkanshchikov S.G.* Byudzhethnoe pravilo i nalogovyyj manevr v destruktivnoj liberalistskoj koncepcii byudzhethnoj trekhletki — 2021—2023 // Rossijskij ekonomicheskij zhurnal. 2020. № 6. S. 49—69.
8. *Kapkanshchikov S.G.* Sankcionnyj krizis rossijskoj ekonomiki i perspektivy ego preodoleniya // Filosofiya hozyajstva. 2025. № 6. S. 129—136. DOI: 10.5281/zenodo.17838545.
9. *Mau V.* Nacional'nye celi i model' ekonomicheskogo rsta: novoe v social'no-ekonomicheskoy politike Rossii v 2018—2019 gg. // Voprosy ekonomiki. 2019. № 3. S. 5—28.
10. *Najdenova YU.N., Leont'eva V.V.* Vliyanie neopredelennosti ekonomicheskoy politiki na investicii rossijskih kompanij // Voprosy ekonomiki. 2020. № 2. S. 141—159.
11. *Orekhovskij P.A.* Preryvistyj trend razvitiya strukturalizma: al'ternativnaya tradiciya ekonomicheskogo analiza. M.: Institut ekonomiki RAN. 2016. 47 s.
12. *Orekhovskij P.A.* Sovetskij strukturalizm: E. Preobra-zhenskij, S. Strumilin, N. Voznesenskij, YU. YAremento // Vestnik Instituta ekonomiki RAN. 2023. № 6. S. 109—133.
13. *Sechin I.I.* Tendencii i problemy razvitiya rossijskoj ekonomiki // Filosofiya hozyajstva. 2024. № 5. S. 87—131. DOI: 10.5281/zenodo.13920255.
14. Strukturnaya politika v Rossii: novye usloviya i vozmozhnaya povestka: Doklad NIU VSHE // Voprosy ekonomiki. 2018. № 6. S. 5—28.
15. *Suharev O.S.* Ekonomicheskij rost i tekhnologicheskoe obnovenie: strukturnaya dinamika // Journal of New Economy. 2019. T. 20. № 2. S. 30—54.
16. Transformaciya rossijskoj ekonomiki v usloviyah formirovaniya tekhnologicheskogo suvereniteta. SPb.: Aletejya, 2024. 368 s.
17. *Ustenko V.S., Popkova E.G.* Evolyuciya podhodov k analizu ekonomicheskoy struktury: opyt ontologicheskogo prochteniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Ekonomika. 2023. № 63. S. 5—37.
18. *Fal'cman V.K.* Ob izmerenii ekonomicheskogo rosta // Problemy prognozirovaniya. 2018. № 1. S. 10—17.
19. *Holodkov V.M.* Strukturnye reformy v Rossii i kitajskij opyt // Problemy nacional'noj strategii. 2016. № 5. S. 161—190.
20. *Huzina G.G.* Koncepciya i mekhanizm transformacii struktury ekonomicheskoy sistemy // Finansy i kredit. 2011. № 11. S. 54—58.

21. *SHirov A.A.* Problemy vosпроизводства v sovremennoj rossijskoj ekonomike // *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 2019. № 2. S. 37—46.

Г.Г. ЕГОРОВ

К вопросу использования современных нейронных сетей в экономике России*

Аннотация. В статье раскрываются особенности использования современных нейросетей в экономике, их сущность, сферы и барьеры применения, открывающиеся возможности и имеющиеся риски. Автор описывает процесс использования нейронных сетей (НС) в экономике и алгоритм их обучения и полагает, что НС позволяют более эффективно анализировать сложные и нелинейные зависимости в экономике, автоматизировать принятие решений, быть адаптивной и обучаемой системой, обеспечивать высокую точность прогнозирования. В то же время в использовании НС имеется ряд трудностей: отрицательные результаты таких систем сложно интерпретировать, они требовательны по объемам и качеству данных, имеются риски переобучения, они зависят от неразрешенных вопросов этической ответственности. В современных условиях в РФ существенным препятствием более широкого и эффективного использования нейросетей в экономике является слабое правовое поле регулирования их использования.

Ключевые слова: нейронные сети, экономика, нейросетевое мышление, процесс использования нейросетей, алгоритм обучения нейросетей, правовое регулирование.

Abstract. The article reveals the features of using modern neural networks (NN) in the economy, their essence, areas and barriers to application, emerging opportunities and existing risks. The author describes the process of using neural networks in the economy and the algorithm for their training, and believes that NNs allow more effectively analyzing

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Егоров Г.Г. К вопросу использования современных нейронных сетей в экономике России // *Философия хозяйства*. 2026. № 1. С. 73—82. DOI: 10.5281/zenodo.18723160.

complex and nonlinear dependencies in the economy, automating decision-making, being an adaptive and learning system, and ensuring high forecasting accuracy. At the same time, there are a number of difficulties in using NNs: negative results of such systems are difficult to interpret, they are demanding in terms of data volumes and quality, there are risks of overtraining, and depend on unresolved issues of ethical responsibility. In modern conditions in the Russian Federation, a significant obstacle to a wider and more effective use of neural networks in the economy is the weak legal framework for regulating their use.

Keywords: neural networks, economics, neural network thinking, the process of using neural networks, neural network training algorithm, legal regulation.

УДК: 330
ББК: 65

Введение

Последние десятилетия характеризуются растущим вниманием к нейронным сетям — мощному инструменту исследования сложных процессов в различных сферах современного общества, неотъемлемому, возможно уже и базовому, но все еще недостаточно исследованному и оцененному технико-технологическому элементу современной экономики. В то же время первоначальный интерес к цифре как инструменту стремительно перерастает в веру во всемогущий искусственный интеллект — происходит даже его обожествление. Это касается и экономики, и происходящего вокруг нее. В аспекте актуальной реальности Ю.М. Осипов неслучайно делает такой прогноз: «Мы, в частности, склонны предвидеть перерастание, и весьма стремительное, все-еще-гуманитарной экономики в постгуманитарную постэкономику — техномику» [7, 353]. Со всеми вытекающими последствиями для экономики и, главное, для человека.

Искусственные нейронные сети (далее НС), имитирующие работу биологических нейронов, представляют собой сложные системы, состоящие из множества взаимосвязанных элементов, которые условно можно назвать «искусственными нейронами» [1, 12]. Быстро обрабатывая и передавая обширную информацию, НС способны выполнять широкий спектр задач, от классификации данных и распознавания образов до управления разнообразными системами

и прогнозирования. Обратной стороной этих уникальных возможностей ИС в исследовании сложных процессов является распространенный стереотип о том, что нейросетевые технологии представляют собой нечто крайне сложное и недоступное для понимания, нередко они ассоциируются с образами из фантастических фильмов, где роботы обладают интеллектуальными способностями, превосходящими человеческие, позволяя решать любые задачи.

В том числе и по этой причине сфера применения искусственных ИС в экономике пока ограничена узким кругом задач, в основном таких, как оценка кредитного риска, определение стоимости активов или группирование данных, и ряда др. В результате пользователи, чья профессиональная деятельность выходит за рамки этих хорошо изученных областей, склонны недооценивать возможности нейросетевых технологий. Между тем сфера использования нейросетевых технологий в экономике значительно шире и охватывает огромное количество разнообразных аналитических задач, позволяя получать более глубокие и точные результаты при исследовании экономических явлений и процессов. Поэтому «нейросетевое мышление» необходимо формировать. В этой связи, при подготовке современных специалистов высшей квалификации в области программирования и использования ИС, необходимо не только закладывать навыки на самостоятельный поиск экономических задач, которые уже успешно решены с помощью нейросетевых технологий, но и научить их выявлять и решать те задачи, где ИС могли бы быть применены, но пока не используются. Это позволит заложить обучающимся не только глубокие теоретические знания, но и лучшее понимание нейросетевых технологий, а также сформировать навыки работы с ними, вооружить умением самостоятельного анализа как области применения этих инструментов, так и эффективности использования их для решения самых разнообразных экономических задач, выходя за рамки стандартных и хорошо известных подходов.

Использование нейронных сетей в экономике России

Процесс использования ИС в экономике основан на машинном обучении и включает несколько последовательных этапов. Нейронная сеть, используя предоставленные ей данные (обучающую выборку), постепенно совершенствует свои внутренние параметры и

находит скрытые взаимосвязи между входными и выходными данными. Процесс происходит итеративно, т. е. повторяется многократно. Каждая итерация, которую часто называют «эпохой», включает в себя последовательное предъявление нейронной сети всех примеров из обучающей выборки и оценку качества обучения на отдельном наборе данных, называемом контрольной выборкой [5, 52]. В процессе обучения сама нейронная сеть постепенно выявляет и запоминает закономерности, присущие выбранным данным, что позволяет ей впоследствии делать более точные прогнозы или классифицировать новые данные.

В общем виде *алгоритм обучения нейронной сети*, использование которой допустимо в экономике, можно описать следующим образом.

Первый этап. Прежде чем начать собственно обучение, необходимо определить архитектуру сети, т. е. задать количество скрытых слоев и число нейронов в каждом из них.

Второй этап. Осуществляется подбор таких значений «весов и смещений», которые позволят минимизировать ошибку при решении поставленной задачи. Веса и смещения, представляющие собой параметры нейронной сети, автоматически настраиваются в процессе обучения таким образом, чтобы разность между желаемым и полученным на выходе сигналом, которую называют ошибкой обучения, была минимальной. Для вычисления ошибки обучения сравниваются выходные значения, полученные нейронной сетью, с целевыми (желаемыми) значениями [5].

Третий этап. На основе этих сравнений строится функция ошибки, которая представляет собой математическую функцию, отражающую степень несоответствия между желаемым и фактическим результатами. Первоочередными задачами данного процесса выступают выявление закономерностей и определение критериев выявления ошибок как самой информации, так и ее обработки. Определение критериев/пределов ошибки и является ключевым моментом обучения сети.

Прошедшие обучение нейросетевые сети, внедренные, например, в банковской сфере, позволяют: а) обрабатывать большие объемы финансовой информации; б) выявлять скрытые закономерности; в) принимать более обоснованные решения; г) проводить анализ и

управление кредитными рисками; д) делать прогноз будущих изменений банковских рисков под воздействием различных экономических факторов, что в условиях высокой неопределенности делает их незаменимым инструментом для современного банка.

Согласно оценкам Д.С. Курникова, применение НС, таких как *двухслойный перцептрон* (простейшая модель искусственного нейрона), под которым понимается тип НС, состоящей из трех слоев: входного, скрытого и выходного, позволяет решать более широкий круг задач, включая задачи, которые не могут быть разделены линейно, для прогнозирования социально-экономического развития территорий, и сеть Хопфилда — тип рекуррентной нейронной сети, изобретенной Джоном Хопфилдом в 1982 г. и изначально предназначенной для обработки последовательных данных, позволяющих оценивать уровень стратегического потенциала предприятий, демонстрирует существенные преимущества по сравнению с традиционными методами экономического моделирования и анализа [3, 11]. Данные нейронные сети в экономике способны решать нелинейные задачи, они относительно простоты в реализации и обучении, обладают широким спектром применения. Все это позволяет принимать более обоснованные управленческие решения и повышать эффективность деятельности как на уровне отдельных организаций, так и на уровне региональной экономики в целом. Но в то же время НС имеют возможность переобучения, зависят от выбора параметров, таких как количество нейронов в скрытом слое, и могут вызвать проблемы при оценке качества обучения и использования для иных НС, в том числе формируемых на основе кластерной системы обеспечения экономических отношений.

В то же время в РФ пока недостаточно исследованы отрицательные аспекты использования НС в экономике, при этом в международном пространстве данный анализ систематически проводит ряд частных «организаций, таких как «AI Now Institute» и «Partnership on AI», которые осуществляют исследования и публикуют отчеты о социальных и этических последствиях использования НС.

Обучение нейронной сети, ее самообучение, как уже отмечалось, не являются самоцелью, важным в экономике является принятие эффективного решения. *Принятие решений* на основе НС представляет собой сложную интеллектуальную систему, объединяю-

щую в себе обширную базу исходных знаний и основанную на конкретных запросах пользователя, гибкую модель прогнозирования, что позволяет успешно решать задачи диагностики технических объектов в условиях ограниченного объема информации. При этом система способна не только распознавать часто встречающиеся сбои, но и выявлять новые, ранее не встречавшиеся отклонения от нормального режима работы. Кроме того, если пользователи выбрали критичную форму реализации запросов, модель прогнозирует будущие состояния системы, формируя возможность осуществлять превентивное обслуживание и предотвращать возникновение серьезных сбоев. Поэтому вполне обосновано рассмотрение факта использования ИИ при принятии решений как эффективного инструмента для обеспечения высокой экономической эффективности предприятий, как это показывает в своей работе Н.П. Недзвецкая [6, 91]. А некоторые авторы прямо указывают уже на основополагающую роль применения нейронных технологий в современной экономике [4, 381].

Наряду с отмеченными трудностями, связанными с обучением и использованием ИИ, следует отметить ряд трудностей использования ИИ в экономике, которые вызваны сложностью при обеспечении достоверности и полноты получаемых цифровым комплексом данных, к чему ИИ очень чувствительны. В частности, экономическая и технологическая составляющие государственного суверенитета не позволяют в полном объеме предоставлять необходимую информацию в части обеспечения ресурсного, финансового, производственного и торгового аспектов независимости в сферах кибербезопасности, информационной и цифровой независимости. Положительные эффекты в данных отраслях реализуются посредством различных инструментов и взаимосвязанных мер, в том числе и на основе ИИ.

В этой связи, соглашаясь с высокой оценкой роли ИИ в современных условиях, следует отметить, что в России, как и во многих других странах, существенным препятствием эффективного использования ИИ в экономике является отставание правового регулирования. Фактически система правового регулирования использования ИИ в РФ находится на стадии формирования, вследствие чего возрастают социальные риски нейросетевой экономической деятельности. Специального законодательства в данной сфере пока нет [2]. Прави-

тельство РФ в своем Распоряжении от 19.08.2020 г. № 2129-р утвердило Концепцию развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта (далее ИИ) и робототехники до 2024 г., в которой определялись основные направления развития правового регулирования в этой области и были определены условия развития технологий ИИ с учетом этических и социальных аспектов. В то же время органы власти вводят через изменения действующего законодательства, в частности Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2025), экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций в РФ, в котором формируются специальные правовые условия для тестирования и внедрения новых технологий, включая ИИ. И все же отдельной регламентации заслуживают вопросы интеллектуальной собственности и защиты персональных данных. Также до сих пор нет четкого юридического ответа об ответственности за действия в экономике систем на основе ИИ.

Динамика развития НС вызывает неотложную необходимость принятия дополнительных мер их правового регулирования, в частности, в экономике. Базой для этого могли бы стать сформулированные в проекте Федерального закона № 654023-6 предложения, но на текущий момент их внедрение не было одобрено Государственной Думой РФ, хотя в дальнейшем они были приняты как федеральные нормы. Это Приказ Минэкономразвития РФ от 02.07.2021 г. № 407 (ред. от 28.12.2021) «Об утверждении отдельных методик расчета показателей федерального проекта “Искусственный интеллект”» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», в котором утвердили «Методики расчета показателя “Количество человек, получивших дополнительное профессиональное образование в области искусственного интеллекта и смежных областях с использованием механизма персональных цифровых сертификатов”»; «Методики расчета показателя “Удовлетворенность условиями работы в Российской Федерации граждан, заинтересованных в развитии технологий искусственного интеллекта”»; «Методики расчета показателя “Количество компаний-разработчиков ИИ-решений, получивших государственную поддержку в рамках федерального

проекта “Искусственный интеллект”»; «Методики расчета показателя “Публикации российских специалистов на конференциях в области искусственного интеллекта уровня А*”»; «Методики расчета показателя “Количество специалистов в области искусственного интеллекта, подготовленных в рамках программ высшего образования”», в которых были сформированы как комплексные методики расчета использования систем с машинным интеллектом в РФ, так и нормы местного права. На региональном уровне также принимаются соответствующие решения. Например, Приказ Комитета природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Волгоградской области от 26.06.2023г. № 937-ОД «Об образовании рабочей группы по вопросу применения искусственного интеллекта в сфере экологии на территории Волгоградской области».

Заключение

Выход видится в реализации комплексного подхода к правовому регулированию использования ИС в экономике и смежных сферах, адаптации действующих норм права к новой реальности.

Во-первых, *в сфере регулирования обработки данных и защиты персональных данных* экономических субъектов необходимо уточнить и дополнить Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» положениями, учитывающими современную специфику обработки данных, усилить защиту особых категорий персональных данных при их обработке нейронными сетями, особенно в сфере кредитования, страхования, приема на работу и др.

Во-вторых, *в сфере регулирования ответственности за экономический ущерб, причиненный нейронными сетями*, необходимы актуализация законодательства об ответственности за ущерб, причиненный ИИ-системами, введение обязательного страхования ответственности для определенных категорий ИС повышенной опасности, развитие института экспертизы и сертификации ИС для оценки безопасности и надежности ИС перед их внедрением в критически важные сферы и др.

В-третьих, *в сфере регулирования интеллектуальной собственности на нейронные сети и их результаты* необходимы уточнение правового статуса алгоритмов, моделей и данных обучения ИС

в рамках законодательства об интеллектуальной собственности, разработка механизмов защиты прав на результаты, созданные с помощью ИС, стимулирование открытого доступа к данным и моделям ИС для использования в экономической деятельности и др.

В-четвертых, в сфере регулирования применения нейронных сетей в отдельных секторах экономики, в частности, для финансового сектора необходимы разработка регулирования для алгоритмического трейдинга (процесса покупки и продажи активов с целью получения прибыли от разницы в цене) и кредитного скоринга (оценки кредитной надежности клиента) на основе ИС; создание «регуляторных песочниц» для тестирования инновационных финансовых технологий на основе ИС и др.

Эти предложения направлены на создание сбалансированной и эффективной системы регулирования использования нейронных сетей в экономике России. Они сочетают стимулирование инноваций с обеспечением защиты прав и законных интересов граждан и организаций, а также с минимизацией рисков, связанных с внедрением этих перспективных технологий. Реализация этих предложений потребует активного участия государства, бизнеса, научного сообщества и гражданского общества, а также постоянного внимания к быстро меняющемуся технологическому ландшафту.

Литература

1. Демин И.С. Нейросетевые технологии в подготовке экономистов // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 1 (59). С. 11—13.
2. Егоров Г.Г., Деркачев Т.В. Особенности использования нейросетей при краудфандинге в РФ: нормативно-правовой статус // Legal Concept. Правовая парадигма. 2024. Т. 23. № 4. С. 75—84.
3. Курников Д.С., Петров С.А. Использование нейронных сетей в экономике // *Juvenis scientia*. 2017. № 6. С. 10—12.
4. Лялькова Е.Е., Богдашкина Е.А., Лобкова В.Э. Влияние искусственного интеллекта на рынок труда: анализ изменений в спросе на квалификации и обучении // *E-Scio: Экономика и бизнес*, 2023: URL: <https://e-scio.ru/?p=21051> (дата обращения: 01.02.2025).

5. Мусацков В.Ю., Афанасьева Г.А. Искусственные нейронные сети в экономике и в экологии // Проблемы региональной экологии. 2023. № 4. С. 51—55.

6. Недзвецкая Н.П. Цифровая экономика как отражение новой хозяйственной реальности // Философия хозяйства. 2024. № 2. С. 88—97. DOI: 10.5281/zenodo.10869320.

7. Осипов Ю.М. Российское перепутье: из века двадцатого в век двадцать первый. 1990—2023: Избранные тексты, включая и остросюжетные: В 3 т. М.; Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2024.

References

1. Demin I.S. Nejrosetevye tekhnologii v podgotovke ekonomistov // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2014. № 1 (59). S. 11—13.

2. Egorov G.G., Derkachev T.V. Osobennosti ispol'zovaniya nejrosetej pri kraudfandinge v RF: normativno-pravovoj status // Legal Concept. Pravovaya paradigma. 2024. Т. 23. № 4. S. 75—84.

3. Kurnikov D.S., Petrov S.A. Ispol'zovanie nejronnyh setej v ekonomike // Juvenis scientia. 2017. № 6. S. 10—12.

4. Lyal'kova E.E., Bogdashkina E.A., Lobkova V.E. Vliyanie iskusstvennogo intellekta na rynek truda: analiz izmenenij v sprose na kvalifikacii i obuchenii // E-Scio: Ekonomika i biznes, 2023: URL: <https://e-scio.ru/?p=21051> (data obrashcheniya: 01.02.2025).

5. Musackov V.YU., Afanas'eva G.A. Iskusstvennye nejronnye seti v ekonomike i v ekologii // Problemy regional'noj ekologii. 2023. № 4. S. 51—55.

6. Nedzveckaya N.P. Cifrovaya ekonomika kak otrazhenie novoj hozyajstvennoj real'nosti // Filosofiya hozyajstva. 2024. № 2. S. 88—97. DOI: 10.5281/zenodo.10869320.

7. Osipov YU.M. Rossijskoe pereput'e: iz veka dvadcatogo v vek dvadcat' pervyj. 1990—2023: Izbrannye teksty, vkl'yuchaya i ostrosyuzhetnye: V 3 t. M.; Tambov: Izdatel'skij dom «Derzhavinskij», 2024.

А.Ю. КОЗЛОВСКИЙ

**Типология социально-экономической модернизации
ведущих стран мира конца XIX — начала XX в.***

Аннотация. В рамках данной научной статьи автором затронута проблематика типологии социально-экономической модернизации ведущих стран мира конца XIX — начала XX в.: Великобритании, Франции, Германии, США, России, Австро-Венгрии, Италии, Японии. В статье отмечено, что социально-экономическая модернизация является одним из ключевых исторических факторов, обуславливающих разделенность мира на типологические группы стран. Социально-экономическая модернизация указанных стран, динамично осуществлявшаяся на данном историческом этапе, рассмотрена с позиций критического осмысления отдельных констант дихотомической модели исторических типов модернизации — «лидирующей» и «догоняющей». Так, модернизационный опыт отдельных из указанных стран рассмотрен в свете трансформации их модели «догоняющего» развития в «опережающее» и, напротив, «лидирующего» в «догоняющее».

Ключевые слова: социально-экономическая модернизация, «лидирующая» модернизация, «догоняющая» модернизация, догоняющее развитие, опережающее развитие, социально-экономическая типология стран мира, группы стран мира, конец XIX — начало XX в.

Abstract. Within this scientific paper the author touched upon a subject of the social and economic modernization typology of leading states at the end of XIX — beginning of XX centuries: Great Britain, France, Germany, USA, Russia, Austria-Hungary, Italy, Japan. It was noted in the paper that social and economic modernization is one of the key-stone historical factors causing the separation of the globe into typological groups of states. Social and economic modernization of the given states, which drove dynamically at that historical phase, was considered

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Козловский А.Ю. Типология социально-экономической модернизации ведущих стран мира конца XIX — начала XX в.// Философия хозяйства. 2026. № 1. С. 83—96. DOI: 10.5281/zenodo.18723185.

under critical attitude to particular constants of dichotomous model of historical modernization types — «leading» and «catch-up». For example, the modernization experience of some of the given states was considered in the light of transformation of their «catch-up development» model into «forward-looking development», and on the contrary, «leading» into «catch-up».

Keywords: social and economic modernization, «leading» modernization, «catch-up» modernization, «catch-up development», «forward-looking development», whole world countries' social and economic typology, groups of whole world countries, end of XIX — beginning of XX centuries.

УДК 94: 330.34
ББК У03 (0) 53-55

Прошлая и настоящая разделенность мира на типовые социально-экономические группы стран не представляет собой некоего статичного состояния, не подверженного изменениям. Напротив, перипетии мировой истории вносили частые и колоссальные перемены в глобальное и региональное социально-экономическое мироустройство. Так, во второй половине XX в. состоялась деколонизация стран Азии, Африки, Океании, Карибского бассейна, частично Южной Америки, обусловившая выход на мировую арену многочисленных развивающихся стран. Тогда же образовалась и впоследствии потерпела крушение большая часть мировой социалистической системы, появились «новые индустриальные страны» и «страны с переходной экономикой».

В свою очередь, и завершающаяся первая четверть XXI в. обозначила некоторый отход от устоявшихся в социально-экономическом страноведении оценочно-групповых наименований в отношении ряда стран современного мира. В частности, радикальные социально-экономические реформы в большинстве бывших социалистических стран Европы, их интеграция в 2004, 2007 и 2013 гг. в Европейский союз обусловили нынешнее, по крайней мере, формальное отнесение Болгарии, Хорватии, Чехии, Эстонии, Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Словакии и Словении уже не к «переходным»/«постсоциалистическим» странам, как это было ранее, а к одной из подгрупп развитых стран — «Новые страны — члены ЕС»,

или «ЕС-13» (совокупно с «непостсоциалистическими» Мальтой и Кипром) [17, 153].

Поэтому среди различных концепций социально-экономического страноведения, постулирующих неизбежность глобальных корректив уровней социально-экономического развития стран, особенного внимания заслуживает теория модернизации. Ее безусловная эмпирическая и теоретическая актуальность обусловлена, например, точкой зрения, утверждающей, что тот или иной типологически групповой уровень социально-экономического развития большинства стран современного мира воспроизводится в свете более или же менее успешной практики «догоняющего развития».

Так, согласно модернизационной теории, под «догоняющим развитием» подразумеваются комплексные усилия того или иного социума (страны), направленные на форсированное преодоление своего социально-экономического, политического, культурного, военного и технологического отставания от «ранних» «социумов-лидеров» современности. Однако К. Маркс предупреждал: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [11, 9]. Таким образом, теория «догоняющего развития» имеет свой фундаментальный исторически компаративистский базис.

Это ясно отражается в рамках общепринятой двухсоставной модели исторических типов модернизации, воспроизводящей деление мира на страны «лидирующей» («пионерной», «первичной») и страны «догоняющей» («последовательной», «вторичной») модернизации.

Однако зачастую речь идет не столько об очередности исторически значимых социально-экономических преобразований, происходивших изначально в Англии, Нидерландах, Франции, Бельгии, а затем — в США, Германии, Австро-Венгрии, странах Скандинавии, Италии, Российской империи, Японии, Турции и других странах Азии, а также Океании, Латинской Америки и Африки, сколько об объективном характере данных модернизационных процессов и их итогах.

В связи с этим «лидирующая» социально-экономическая модернизация в передовых странах Запада (Англия, Нидерланды, Франция, Бельгия, Германия, США) обычно трактуется как «органическая», или «эндогенная», т. е. «идеальная», «самостоятельная»,

«своевременная», порожденная неким изначально правильным, естественным, самобытным развитием изнутри. Среди хрестоматийных факторов, предопределявших «эндогенность» данного типа модернизации, следует упомянуть раннее разложение феодальных экономических отношений, интенсивное хозяйственное освоение территории, развитие крупных городов, буржуазно-демократический характер политической власти, незыблемость института частной собственности на средства производства, например на землю, изначально или же последующий, но реальный и безоговорочный, а не формально-номинальный государственный суверенитет.

Другой фундаментально-характерной составляющей была взаимосвязь между технологическими, формационными (капиталистическими) преобразованиями в сельском хозяйстве и развитием индустриального сектора. Итогом этого было постепенное, хотя и небезболезненное формирование гармоничной промышленно-аграрной структуры национальных хозяйств Англии, Франции, Нидерландов, Германии, Бельгии, США, в рамках которых, в отличие от экономик стран «догоняющей» модернизации, удалось избежать ущербной «очаговой индустриализации», консервировавшей отсталость сельского хозяйства. Напротив, несмотря на сокращение удельного веса аграрного сектора в ВВП указанных стран, имели место его механизация, «приватизация», переход от экстенсивного к интенсивному развитию [14, 313].

Не менее важной оказалась и целенаправленная внешнеэкономическая политика данных стран. Так, экономики Нидерландов и Англии XV—XVI вв. — это примеры изначально протекционистского развития национальной промышленности, монопольного положения на мировом рынке того или иного сырья и последующего участия в международной торговле, но уже в условиях фритредерства [13, 107—109, 111]. Это устанавливало мировую монополию промышленного экспорта одних стран, обрекая другие страны (колонии и полукolonии, менее развитые страны) на аграрно-сырьевую производственную и экспортную специализацию.

В свою очередь, «догоняющая» («неорганическая», «экзогенная») модернизация, якобы всегда «неестественная», «подражательная», «вынужденная», «запоздавшая», «порожденная страхом», — часто всего лишь «ответ на внешний вызов со стороны более развитых стран» [16, 116].

На наш взгляд, данная модель не лишена логики и соответствующих ей капитальных примеров. Так, реформы эпохи Мэйдзи Исин в Японии (1868—1889) были вызваны необходимостью проведения капитальной модернизации страны. Имело место стремление тамошней элиты не допустить повторения Японией колониальной судьбы Китая и Кореи, навязанной этим двум странам «пионерами модернизации» — Англией, Францией, Нидерландами, США, Германией.

Однако в зарубежном и отечественном научном сообществе присутствует и достаточно критическое отношение к рассмотренному концепту «лидирующей модернизации» в качестве некоего «единого пути всего Запада». Так, речь идет о том, что не только Россия и Япония, но и многие впоследствии самые развитые страны Северной Америки (США, Канада) и Европы (Германия, Италия) сами были в XIX в. странами «догоняющей», «экзогенной» модернизации, «развитыми странами второго эшелона», пытавшимися редуцировать свое социально-экономическое и военно-политическое отставание от Англии и Франции [16, 117]. Как известно, В.И. Ленин относил США, Германию и Японию к так называемым «молодым империалистическим странам» [8, 378]. Поэтому ленинское осмысление данного исторического опыта — это, на наш взгляд, одна из первых ценных концептуализаций хронологически «догоняющей», однако успешной социально-экономической модернизации этих трех стран, проводившейся ими с целью присоединения к глобальному колониальному «перделу уже поделенного мира».

В подтверждение сказанного можно привести примеры еще более «запоздалой модернизации» таких стран Запада, как Австрия, Италия и Испания, чьи доли в мировом ВВП, например, в 1913 г. составляли лишь 0,9% (без Венгрии), 3,5% и 1,5% соответственно [12, 574—575].

Другая же западноевропейская страна, Португалия, в конце XIX — начале XX в. была, бесспорно, одной из самых бедных, отстающих, аграрно-архаичных стран мира. Так, в 1892 г. ее правительство объявило всю страну банкротом ввиду невозможности выплатить громадные проценты по государственному долгу. Ее ощутимая социально-экономическая модернизация начала осуществляться со второй половины 1970-х гг. усилиями власти, пришедшей на смену режиму «Нового государства». То же самое можно сказать о капи-

тальной, небезуспешной, но и небеспроблемной социально-экономической модернизации Испании, проводившейся после Второй мировой войны генералом-диктатором Франсиско Франко.

В свою очередь, важной исторической детерминантой и «лидирующей», и «догоняющей» социально-экономической модернизации можно считать формационный прогресс — переход от докапиталистических укладов к капиталистическим. Однако, как известно, действительными «историческими пионерами» «лидирующей», довольно интенсивной капиталистически-мануфактурной модернизации в XIII—XV вв. были не Англия и Нидерланды, а позднесредневековые итальянские города-государства — Милан, Генуя, Сиена, Венеция, Флоренция, Пиза [9, 41; 11, 728, прим.]. Хотя в тогдашней модернизированной Италии имел место преимущественно «купеческий» капитализм, двигателем которого были частные кредитно-банковские конторы, а целеполагательной основой — использование финансовых средств для межконтинентального торгового обмена товарами и первоначального накопления капитала [3, 12].

Однако уже на рубеже XV—XVI вв. капиталистическое развитие раздробленной Италии угасает: происходит «феодализация» («гиспанизация») ее экономики. Вся раздробленная Италия надолго становится экономически слаборазвитой страной Европы [5, 176—177]. Ее капиталистическое развитие, прежде всего, в Пьемонте оживлялось во второй половине XVIII — первой половине XIX в., но уже в форме «догоняющей» модернизации, сдерживавшейся феодальными пережитками, политической раздробленностью и иностранным господством. Но в конце XIX — начале XX в. уже единая Италия, благодаря промышленно развивавшемуся северу страны, занимала 10-е место в рамках мирового товарооборота [2, 201]. Похожий «феодально-деиндустриальный», «антикапиталистический» опыт был пройден Испанией и Португалией в XIV—XVII вв. Помимо раздробленной Италии, стремительный расцвет купеческого дела, собственно своего рода «первичная модернизация», происходил и на севере Европы в XIII—XVI вв. — на берегах Северного и Балтийского морей, в устьях Везера, Одера, Рейна, Эльбы. Речь идет о торгово-экономическом и судоходном могуществе тогдашних городов-государств Ганзейского союза [9, 46—47]. Но в XVI в. последовала

«феодализация» социально-экономической жизни и во всей раздробленной Германии, которая утратила свой «лидирующий» модернизационный старт до последней четверти XIX в. [5, 186].

В связи с этим важно обратить внимание и на волюнтаристский исторический дискурс немецкого ученого-экономиста В. Зомбарта (1863—1941), постулирующий различную «количественную» и «качественно-пропорциональную» биологическую предрасположенность («в крови заложенное предрасположение») тех или иных народов к капиталистическому развитию. Так, к народам с «малым предрасположением» к капитализму В. Зомбарт относил иберийские (испанцы, португальцы) и кельтские народы (шотландцы, ирландцы, частично французы) [5, 258—263]. В этом усматривается гипотетическая, но надуманная историческая причина последующего деления стран мира на группы «лидирующей» и «догоняющей» модернизации. Так, Ирландия практически без какого-либо объяснения произвольно исключалась В. Зомбартом из групп стран, якобы даже в наименьшей мере «затронутых дыханием капиталистического духа» [5, 191]. При этом им игнорировались самые различные факты изначального, намеренного экономического удушения Англией активно развивавшейся ирландской промышленности [13, 129].

Но стоит ли абсолютизировать некий «догоняющий» характер социально-экономической модернизации США и Германии во второй половине XIX в.? Так, отдельными авторитетными исследователями утверждается, что если в тех или иных «странах-последователях» модернизации «имеется потенциал формирования несущих отраслей нового технологического уклада и его ядра», то их модернизация «также органичная по своему характеру и в большей степени эндогенная по своей природе» [10, 84—85; 3, 19]. Однако зачастую таковой потенциал не столько «имелся», сколько «обретался», «формировался», даже «перенимался» отсталой страной, при этом «реальные экономические достижения значительно превышали экономический потенциал отсталой страны» [1, 63]. Это и является примером более или менее успешной, но теоретически все-таки «догоняющей» модернизации.

К тому же успешная, но будто бы «догоняющая» социально-экономическая модернизация Германии состоялась в свете не только «догоняющего», но и «опережающего» развития, в частности на ос-

нове «рейнской» («континентальной», «германо-японской») финансово-банковской и акционерной системы, имевшей ряд неоспоримых преимуществ по сравнению с английской и североамериканской. Общая же суть данного исторического опыта сводится, среди прочего, к следующему: «Модель опережающего развития базируется на выделении продуктивных национальных институтов, которые позволят формировать национальные хозяйственные системы, обладающие сравнительными преимуществами по отношению к странам — сегодняшним (также тогдашним. — *А.К.*) лидерам капиталистической мир-системы» [7, 62].

На наш взгляд, модернизационный опыт США и Германии является подтверждением данных тезисов. В последней четверти XIX в. Германия и США лишили «старую империалистическую страну», Францию, второго и третьего места в рамках мировых объемов экспорта и импорта товаров [2, 200—201]. Таким образом, США и Германия попросту не являлись одними из стран-лидеров модернизации в рамках прошлых технологических укладов, став «очередными»/«вторыми» странами, действительно форсированной, но все-таки «лидирующе-опережающей», а не «догоняющей» модернизации в эпохи империализма, «холодной войны» и информационного общества.

Наличие такого потенциала воспроизводит способность таких стран и к последующей успешной, своего рода «обновленческой» модернизации, вне зависимости от того, были ли они «пионерами» или же «последователями» модернизации в строгом исторически хронологическом порядке. Так, впоследствии, в период середины 1940-х — середины 1990-х гг., США, Великобритания, Франция, Западная Германия, Канада, Австралия успешно осуществляли последующие «лидирующие», «органичные» модернизации своих в разной мере индустриализированных экономик [10, 88—90].

Поэтому проблематика «естественного наличия» либо же «отсутствия» модернизационного потенциала у «изначально» отсталой, а «впоследствии» развитой страны может представляться достаточно условной. Известно, что данный потенциал, под влиянием тех или иных исторических обстоятельств и целей, например, военных потребностей, «создается» непосредственными усилиями государственных институтов при так называемой «модернизации сверху»

(Германия, дореволюционная Россия, СССР, Япония) [1, 74, 76]. Помимо этого, таковой «потенциал» может быть и «импортирован», став «собственным». В качестве соответствующих примеров часто приводятся США и Канада, куда из Англии «были экспортированы рыночные отношения и рыночная инфраструктура, техника и технологии, квалифицированная рабочая сила и умы», а также сами капиталы [4, 363—364]. Впоследствии опережавшее Англию и Францию развитие США было обусловлено лидерством этой страны в рамках уже третьего, более прогрессивного технологического уклада (1880—1930-е гг.), к которому «пионерные» Англия и Франция пришли несколько позже [10, 87].

Таким образом, фундаментальные содержательные константы рассмотренной двухсоставной модели и ее противоречия позволяют заключить следующее. Во-первых, любая более или менее успешная «догоняющая» социально-экономическая модернизация может воспроизводить сочетание «органических» и «неорганических» элементов. Во-вторых, «догоняющее развитие» представляет собой наиболее распространенный опыт социально-экономической модернизации — «в истории Нового и Новейшего времени» [16, 117].

Поэтому имеются основания говорить о *типологически вариативных/смешанных моделях «догоняющей» модернизации*, приведенные страны-примеры которых не всегда соответствуют неким строгим, устоявшимся научным представлениям о «догоняющем развитии». Так, ученые выделяют очень разнообразный «догоняющий» модернизационный опыт США и Канады («страны переселенческого капитализма»), Германии и Австро-Венгрии («страны новой государственности»), России и Японии («страны периферийного капитализма»), однако часто упуская при этом Италию [4, 362—363].

На наш взгляд, характерными типологически групповыми чертами, и совокупно, и по отдельности присущими «догоняющей» модернизации в целом и в частности модернизации указанных стран, являются: 1) отличающаяся форма, степень и продолжительность воздействия иностранного капитала (США, Канада, Россия, Япония); 2) «мирная» постепенность модернизации (США, Канада) или же, напротив, ее целевая «военно-мобилизационная форсированность» (Германия, Россия, Япония); 3) модернизационные процессы, осуществлявшиеся либо при минимальной (США, Канада), либо при значительной регулирующей роли государства (Россия, Венгрия,

Япония); 4) асимметричное взаимодействие между развивавшимся высокотехнологичным индустриально-капиталистическим сектором («очаговая индустриализация»), подконтрольным иностранному капиталу, и консервировавшимся в своей отсталости сельским хозяйством (Россия, Венгрия); 5) продажа на мировых рынках товаров преимущественно аграрно-сырьевого типа (Россия, Япония, Венгрия); 6) влияние географических, сословных и национальных особенностей (Россия, Австро-Венгрия, Италия).

Итак, содержательно различная «догоняющая» модернизация перечисленных стран состоялась в рамках империализма — эпохи господства монополистического капитала. В свою очередь, модернизационные успехи/неудачи этих стран, ставшие очевидными накануне Первой мировой войны, предопределили будущую научную и политическую апологетику и, напротив, критику европейского и североамериканского пути социально-экономической модернизации, собственно, в его применении к незападным социокультурным почвам [6, 89]. Это и обусловило неоднозначность феномена «догоняющей» модернизации большинства стран мира.

Примечательной в рассматриваемом контексте представляется сталинская идеологическая фразеология второй половины 1920-х гг., по-прежнему определявшая тогдашние США, Германию (несмотря на послевоенный социально-экономический коллапс) и Японию в качестве «*стран рвущегося вперед капитализма*», т. е. стран «второй волны», развитию которых в разной степени были присущи признаки «лидирующей» модернизации.

«Обгоняемые» же ими страны «лидирующей», «органичной» модернизации — Англия и Франция, наряду с некогда «догонявшей» их Италией, — оценивались И.В. Сталиным как *страны хозяйственного упадка* и «*стабилизирующегося капитализма*» соответственно. Помимо них, тогдашние Канада, Австралия, Аргентина, Индия и даже погруженный в гражданскую войну Китай именовались в докладах XV-го съезда ВКП (б) (1927) «*подымающимися странами-выдвиженцами*», представлявшими примеры вариативных типов «догоняющей» социально-экономической модернизации [15, 275].

Таким образом, история мирового хозяйственного развития свидетельствует о том, что процессы и итоги социально-экономической модернизации являются одними из фундаментальных, первей-

ших исторических факторов, обуславливающих и прошлую, и настоящую разделенность мира на отличающиеся друг от друга типологические группы стран. Различающиеся результаты состоявшейся, успешно продолжающейся или же зашедшей в тупик социально-экономической модернизации тех или иных стран являются во многом производными от одного из двух ключевых исторических типов — «лидирующей» или «догоняющей» модернизации. В конце XIX — начале XX в. данный глобально-экономический дискурс проявился в достаточно полной мере, воспроизводя типологическую принадлежность тогдашних США, Канады, Англии, Франции, Германии, Бельгии к странам «лидирующей» модернизации. В свою очередь, Италия, Россия, Австро-Венгрия и Япония были яркими примерами практики «догоняющей» модернизации.

Однако реальный модернизационный опыт отдельных из указанных стран, а именно США и Германии, воспроизводил исторически смешанный, неоднозначный тип социально-экономической модернизации. Его типологическая специфичность состояла в том, что изначально действительно «догоняющие» социально-экономические преобразования в этих странах относительно скоро обрели важные составляющие концепции и непосредственной практики «опережающего» развития.

На этом фоне ранее лидировавшие экономики Англии и Франции на короткое время сами пребывали в состоянии «догоняющего» развития по отношению к США и Германии. Так, тогдашние значительные модернизационные успехи США и Канады были во многом обусловлены факторами, которые впоследствии, в рамках классической концепции «догоняющего развития», стали считаться приносящими развивающимся странам лишь относительную выгоду при консервации общей социально-экономической отсталости. К таковым факторам относятся иностранные капиталы, заимствованные иностранные экономические институты и т. д. В свою очередь, «опережающие» модернизационные достижения Германии базировались на ином, не менее характерном для «догоняющей» модернизации факторе — потребности форсированного развития военно-промышленного сектора и сопряженных с ним отраслей. Однако указанные факторы, также имевшие место в рамках «догоняющей» модернизации России и Японии, не содействовали ее скорой трансформации в «опережающую».

Таким образом, именно фундаментальные основы, процессы и итоги внутриэкономического развития, их сопряженность с мировыми хозяйственными процессами, а не дилемма достаточно формального отнесения ведущих стран мира конца XIX — начала XX вв. ко «второй волне» «первичной» или же «первой волне» «вторичной» модернизации, имеют наибольшее научно-типологическое значение.

Литература

1. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / Научн. ред. А.А. Белых; пер. с англ. А.В. Белых. М.: Издат. дом «Дело», РАНХиГС, 2015. 536 с.
2. Гулишамбаров С.О. Всемирная торговля в XIX в. и участие в ней России. С.-Петербург: Типография Киришбаума, Дворцовая площадь, д. М-ва Финансовъ, 1898.
3. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Догоняющее развитие: современная трактовка. М.: Институт экономики РАН, 2012. 45 с.
4. Золотарева В.П. Типологизация национальных моделей «догоняющей модернизации» // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 362—367.
5. Зомбарт В. Собр. соч.: В 3 т. Т.1. СПб.: Владимир Даль, 2005.
6. Ким О.В. Теория модернизации: между «евроцентризмом» и множеством «модерностей» // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 1 (17). С. 89—94.
7. Левин С.Н., Саблин К.С. Догоняющее развитие vs. опережающее развитие: от теоретических моделей к практикам государства развития // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2021. № 12 (4). С. 60—70.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.27. М.: Изд-во политической литературы, 1969.
9. Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Изд-во «Европа», 2005.
10. Малявина А. Волны догоняющей модернизации экономики в условиях смены технологических укладов // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2011. № 4. С. 82—92.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1961—1968.

12. Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1—2030 гг. Очерки по макроэкономической истории / Пер. с англ. Ю. Каптуревского; под ред. О. Филаточевой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
13. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. М.: Издат. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. 384 с.
14. Социально-экономические модели в современном мире и путь России: В 2 кн. / Под ред. К.И. Микульского. М.: Экономика, 2005. 911 с.
15. Сталин И.В. Соч. Т. 40. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1949.
16. Суворов Д.В. Догоняющая модернизация как феномен // Вестник Гуманитарного университета. 2013. № 3. С. 115—124.
17. World Economic Situation and Prospects // United Nations. 2022: URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/world-economic-situation-and-prospects-2022/> (дата обращения: 10.10.2025).

References

1. *Gershenkron A.* Ekonomicheskaya otstalost' v istoricheskoy perspektive / Nauchn. red. A.A. Belyh; per. s angl. A.V. Belyh. M.: Izdat. dom «Delo». RANHiGS, 2015. 536 s.
2. *Gulishambarov S.O.* Vsemirnaya trgovlya v" HИH v. i uchastie v" nej Rossii. S.-Peterburg": Tipografiya Kirshbauma, Dvorcovaya ploshchad', d. M-va Finansov", 1898.
3. *Evstigneeva L.P., Evstigneev R.N.* Dogonyayushchee razvitie: sovremennaya traktovka. M.: Institut ekonomiki RAN, 2012. 45 s.
4. *Zolotareva V.P.* Tipologizaciya nacional'nyh modelej «dogonyayushchej modernizacii» // Zhurnal ekonomicheskoy teorii. 2019. T. 16. № 3. S. 362—367.
5. *Zombart V.* Sobr. soch.: V 3 t. T.1. SPb.: Vladimir Dal', 2005.
6. *Kim O.V.* Teoriya modernizacii: mezhdru «evrocentrizmom» i mnozhestvom «modernostej» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 1 (17). S. 89—94.
7. *Levin S.N., Sablin K.S.* Dogonyayushchee razvitie vs. ope-rezhayushchee razvitie: ot teoreticheskikh modelej k praktikam gosu-

darstva razvitiya // Journal of Economic Regulation (Voprosy regulirovaniya ekonomiki). 2021. № 12 (4). S. 60—70.

8. *Lenin V.I.* Poln. sobr. soch. T. 27. M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1969.

9. *List F.* Nacional'naya sistema politicheskoy ekonomii. M.: Izd-vo «Evropa», 2005.

10. *Malyavina A.* Volny dogonyayushchej modernizacii ekonomiki v usloviyah smeny tekhnologicheskikh ukladov // Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk. 2011. № 4. S. 82—92.

11. *Marks K., Engel's F.* Soch. T. 23. M.: Gos. izd-vo politicheskoy literatury, 1961—1968.

12. *Meddison E.* Kontury mirovoj ekonomiki v 1—2030 gg. Oчерki po makroekonomicheskoy istorii / Per. s angl. YU. Kapturevskogo; pod red. O. Filatochevoj. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2012.

13. *Rajmert E.S.* Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi / Per. s angl. N. Avtonomovoj; pod red. V. Avtonomova. M.: Izdat. dom Gos. un-ta — Vysšej shkoly ekonomiki, 2011. 384 s.

14. Social'no-ekonomicheskie modeli v sovremennom mire i put' Rossii: V 2 kn. / Pod red. K.I. Mikul'skogo. M.: Ekonomika, 2005. 911 s.

15. *Stalin I.V.* Soch. T. 40. M.: Gos. izd-vo politicheskoy literatury, 1949.

16. *Suvorov D.V.* Dogonyayushchaya modernizaciya kak fenomen // Vestnik Gumanitarnogo universiteta. 2013. № 3. S. 115—124.

17. World Economic Situation and Prospects // United Nations. 2022: URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/world-economic-situation-and-prospects-2022/> (data obrashcheniya: 10.10.2025).

С.Н. САПРОНОВ, Е.В. СТАРОВОЙТОВА, В.П. СУЙЦ

**Пролегомены к ценности данных системы
внутреннего контроля***

Аннотация. В современных условиях развития финансово-экономических систем все большую значимость приобретают ценность данных, а также создание системы внутреннего контроля для обеспечения данной ценности и выявления некачественных и неточных данных/информации. Бухгалтерский и управленческий учет сегодня представляют собой центр управленческой информационной системы. В связи с этим в статье рассматриваются вопросы исследования и разработки подходов формализации качества и точности данных при осуществлении внутреннего контроля. Исследование, изложенное в настоящей статье, основано на использовании научных трудов как российских, так и зарубежных ученых в области методологического подхода при принятии управленческих и/или инвестиционных решений. В настоящей статье предложены подходы для анализа взаимосвязей различных факторов, влияющих на оценку качества и точности данных и имеющих в своей основе инструменты математического аппарата.

Ключевые слова: данные, информация, ценность данных, качество данных, точность данных, бизнес-процесс.

Abstract. In today's financial and economic environment, the value of data is becoming increasingly important, as is the development of an internal control system to ensure this value and identify low-quality and inaccurate data/information. Accounting and management accounting today represent the core of management information systems. Therefore, this article examines the research and development of approaches to formalizing data quality and accuracy in the implementation of internal control. The research presented in this article is based on the work of both Russian and international scholars in the field of methodological approaches to management and/or investment decision-making. This article

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сапронов С.Н., Старовойтова Е.В., Суйц В.П. Пролегомены к ценности данных системы внутреннего контроля // *Философия хозяйства*. 2026. № 1. С. 97—109. DOI: 10.5281/zenodo.18723220.

proposes approaches for analyzing the interrelations of various factors influencing the assessment of data quality and accuracy, using mathematical tools.

Keywords: data, information, data value, data quality, data accuracy, business process.

УДК 657.633.5

ББК 65.053.2

Введение

С ростом популярности анализа *данных* и растущей зависимости от него реализации стратегических бизнес-инициатив и достижения организационных целей, интерес различных потенциальных внешних и внутренних «потребителей» данных: *a)* «доноров»: стэйкхолдеров и коммерческих фандрайзеров (инвесторов, акционеров и кредиторов); *b)* бухгалтеров, аудиторов и внутренних контролеров (АИС) и *c)* регулирующих и правоохранительных органов — вполне обоснован. При этом компании зачастую сталкиваются с трудностями при *a)* анализе, *b)* оценке данных, *c)* управлении, *d)* регулировании данными и *e)* контроле над ними.

Сначала хотелось бы отметить, что к инфоэкономике (информация + экономика) как к научной дисциплине, разработанной еще в 1990-е гг. в США Дугласом Лэни (Douglas Laney) [7; 8] и исследующей экономическую значимость (далее — ценность) данных до 2001 г., относились до недавнего времени весьма снисходительно.

Однако после произошедшего в 2001 г. теракта в США, когда многие компании потеряли все данные, а страховщики отказались выплачивать компенсации (ввиду того что в то время электронные данные не считались активом), теперь на данные «смотрят» с уважением.

Сегодня революция данных продолжает менять все аспекты жизни общества, компании все больше осознают значительные преимущества от внедрения стратегий принятия управленческих и/или инвестиционных решений на основе данных.

В связи с этим в условиях сегодняшней действительности данные стали одним из самых ценных активов современного бизнеса, представляя новый способ, с помощью которого компании создают

свою ценность для их потенциальных внешних и внутренних «потребителей».

Таким образом, становятся актуальными следующие задачи: *a)* анализ и оценка данных, *b)* доступность данных и *c)* защита и хранение данных. При этом, по нашему мнению, следует решить еще одну задачу, являющуюся базисной для трех предыдущих — *d)* обеспечение ценности: *a)* качества и *b)* точности данных.

Дополнительно следует отметить, что, учитывая обеспокоенность таких «потребителей» данных, как регулирующие и правоохранительные органы, по поводу использования и защиты непубличных данных (личных, персональных данных), а также обеспокоенность корпоративного управления потенциальной ответственностью за нарушение конфиденциальности, нынешнее внимание к аспектам хранения данных (вышеуказанная задача — *c)* защита и хранение данных) вполне оправдано.

Здесь аспекты хранения данных также необходимо дополнить проблемой хранения не только вышеуказанных непубличных данных, но и данных, получаемых из иных (дополнительных) источников: управленческой и статистической отчетности — «служебные данные».

Отмеченные задачи, которые необходимо сбалансировать, т. е. достичь между ними положения равновесия, являются весьма сложными как для АИС, так и для специалистов по управлению рисками.

Очень часто при обсуждении данных и проведении их анализа и последующей оценки основное внимание уделяется тому, что потенциально могут с ними сделать компании. Но, к сожалению, риски, связанные с использованием, анализом и хранением данных и полученных результатов их «обработки», являются и «мало» и «слабо» учитываемыми и, кроме этого, не всегда должным образом управляются в соответствии с уровнями склонности к риску.

Для реализации вышеуказанных задач (задачи *a* — *d*) разрабатываются и внедряются различные научные подходы (методологии). Например, сейчас (в большей степени за рубежом) широкое применение и распространение получает *Agile-подход* [4], который позволяет АИС более *a)* эффективно и *b)* результативно управлять данными (с учетом требований, предъявляемых к их качеству и точности) и, соответственно, быть «успешными» при использовании данных как активов компании.

Следует отметить, что многие представители бухгалтерских, а также работники экономических и финансовых служб компаний (AAF) считают, что их ответственность в сфере профессиональной деятельности заключается лишь в том, чтобы *a*) отразить на счетах бухгалтерского учета и далее соответственно в финансовой отчетности предоставляемые «создателями» данные и *b*) сбалансировать результаты деятельности компании (эффективность/результативность, финансовую устойчивость и т. д.) и риски.

При этом вышеуказанные работники компаний — AAF — выполняют свои профессиональные обязанности:

- основываясь (возможно) на предоставляемых «создателями» данных, не проверенных на качество и точность;
- не утруждая себя проблемами ценности — проблемами качества и точности данных;
- не управляя при этом данными так же, как они управляют другими «физическими» активами и тем самым увеличивая риски как для компаний (внутренние «потребители» данных), так и для внешних «потребителей» данных.

Исходя из этого, современная эра данных требует разработки информационных решений, будь то *a*) разработка нового программного обеспечения для обработки данных и последовательного применения *b*) методологий управления, *c*) мониторинга, *d*) анализа и *e*) оценки, а также *f*) контроля данных в масштабе всей компании, осуществляемых эффективно и результативно.

Характеристики ценности данных

Многообразие видов характеристик данных изложено в различных источниках научно-практической литературы как в нашей стране, так и за рубежом, носящих нормативно-правовой характер [3].

Так, например, в США существуют стандарты финансового учета и отчетности, имеющие концептуальную основу в виде SFAC (Statement of Financial Accounting Concepts), которые можно определить как комплексное руководство по стандартам финансовой отчетности (разработано Советом по стандартам финансового учета США (FASB) [5].

Положение о концепциях финансового учета в США: SFAC № 2 GAAP США (дата ввода в действие — май 1980 г.) «Качественные характеристики учетной информации» («Qualitative Characteristics of Accounting Information») [10] описывает принципы качества характеристик финансовой отчетности и определяет надежность как меру, которая «основана на достоверности, с которой он представляет то, что он должен представлять, в сочетании с гарантией для пользователя, что он обладает этим репрезентативным качеством», а также определяются, например, такие первичные характеристики финансовой отчетности, как качество и точность.

Исходя из этого, мы считаем возможным принять и развить в данной статье принципы, изложенные в более чем 30 меморандумах, положениях, комментариях, исследовательских отчетах и др. [11] и в положениях SFAC № 2 GAAP США, в частности, которые в период 1978—1985 гг. выпустил FASB, разработав собственные теоретические подходы, которые будут изложены далее.

Большинство компаний уже не только осознали происходящую революцию в сфере данных, но и испытывают постоянное давление, направленное на то, чтобы в большей степени ориентироваться именно на ценность: *a*) качество (D^q) и *b*) точность (D^a) данных — с учетом ее (*ценности*) параметров и характеристик. Ведь ценность — качество и точность данных — позволяет получить/определить их стоимость (P^{data}), а также увеличить (или уменьшить) их вес (значимость) и рассматривать данные уже как актив.

При этом операционная среда современных компаний требует не просто наличия данных, а именно ценных данных, обладающих определенными характеристиками, показателями и их параметрами, которые служат для облегчения процесса принятия управленческих и/или инвестиционных решений.

Стоимость данных и их вес (значимость) находятся в прямой зависимости от их ценности и может как увеличиваться, так и уменьшаться в зависимости от ряда характеристик и показателей, т. е. должна быть создана *система ценности данных*, важнейшие характеристики которой мы считаем возможным определить и классифицировать следующим образом:

- a*) качество данных (Q^{data});
- b*) точность данных (A^{data}).

С нашей точки зрения, данные обладают, или должны обладать, не просто качеством и/или точностью — данные должны быть определены/вычисляемы и, следовательно, обладать определенными дополнительными характеристиками:

- a) *качественными* (неформализованными);
- b) *количественными*.

Формализация ценности данных

Кратко остановимся на формализации ценности данных.

При этом сделаем допущение, что ценность данных (V^{data}) — это функция от двух показателей: a) качество (Q^{data}) и b) точность данных (A^{data}), т. е.

$$V^{data} = f(Q^{data}, A^{data}). \quad (1)$$

В свою очередь, качество данных Q^{data} зависит от a) истинности данных T^{data} и b) полезности данных U^{data} , т. е.

$$Q^{data} = f(T^{data}, U^{data}). \quad (2)$$

Характеристика качества данных Q^{data} — истинность данных T^{data} , в свою очередь, зависит, по нашему мнению, от таких ключевых показателей, как: a) достоверность (R) и b) сходимость (Con) данных.

Итак, характеристику качества данных Q^{data} — истинность данных T^{data} — можно формализовать посредством функциональной зависимости следующим образом:

$$T^{data} = f(R, Con). \quad (3)$$

Однако, по нашему мнению, истинность данных T^{data} заключается, например, не в сиюминутной их достоверности R , а в способности поддерживать ее функциональность (в данном случае достоверность R) продолжительное время, т. е. на определенном временном горизонте t_k (отчетный период времени контроля/наблюдения исследуемой i -операции (i -бизнес-процесса)) [1].

И в связи с этим дополнительно в качестве ключевого показателя истинности данных T^{data} , с нашей точки зрения, следует ввести такой показатель, как надежность данных ($R^r(t)$).

При этом, с учетом вышеизложенного, можно сделать предположение, что достоверность R — статическая характеристика, а надежность $R^r(t)$ — динамическая.

В связи с этим модель истинности данных T^{data} как характеристики качества данных Q^{data} в окончательном виде можно формализовать посредством формулы (4):

$$T^{data} = f(R, Con, R^r(t)). \quad (4)$$

Характеристика качества данных Q^{data} — полезность данных U^{data} : в данном случае модель данной характеристики может быть определена посредством следующих показателей: актуальность (Re), полнота (Com), верное представление (CP), сопоставимость (C), добросовестность и независимость АИС (I) и понятность (Cl).

Сформулированное нами выше утверждение о показателях полезности данных U^{data} можно формализовать следующим образом:

$$U^{data} = f(Re, Com, CP, C, BF, Cl). \quad (5)$$

Итак, с учетом вышеизложенного, можно сделать вывод, что качество данных Q^{data} — это функциональная зависимость, сформированная посредством девяти показателей и формализованная в виде интегрирующего показателя:

$$Q^{data} = f(R, Con, R^r(t), Re, Com, CP, C, BF, Cl). \quad (6)$$

Теперь рассмотрим следующую характеристику ценности данных V^{data} — точность данных A^{data} . Данная характеристика — точность данных A^{data} — определяется информационными ошибками и/или искажениями от действий внутренних и внешних возмущающих воздействий — случайных сигналов управления и шумов.

Отметим, что информационные ошибки и/или искажения, по нашему мнению и исходя из разработанной нами «Системы классификации информационных ошибок и/или искажений (EMI -system)» [1], могут быть классифицированы следующим образом:

a) информационные ошибки и/или искажения данных, возникающие от действия входящих внутренних и внешних возмущающих воздействий (IED -воздействий) в финансово-экономической системе (ФЭС) компании ввиду действия различных факторов, например: возникновения статической ошибки по возмущению при проведении внутреннего контроля/аудита посредством образования в системе внутреннего контроля (SIC) обратной связи при использовании agile-подхода (*парадигма «Scrum»*) [4] — переменная ошибки ξ_{ij} ;

b) информационные ошибки и/или искажения данных, возникающие в учетно-аналитической системе (в публичной и управленческой отчетности) — AA -system: существенные и несущественные, возникающие в ФЭС и SIC. Например, такие искажения данных, которые возникают при анализе и оценке бизнес-процесса «освоение капитальных вложений». В данном случае анализ и оценка данных всегда происходят с определенным лагом (*запаздыванием*, τ), и это,

в свою очередь, расширяет потенциальное число случаев «некачественности», отражающихся на принимаемых «донорами» управленческих и/или инвестиционных решений, из-за введения их в заблуждение посредством предоставления некачественной и/или неточной информации и, как следствие, нарушения законных прав инвесторов — *переменная ошибки* ε_{ij} .

В данном случае сформулированное нами утверждение о показателях точности данных A^{data} можно формализовать следующим образом:

$$A^{data} = f(\xi_{ij}, \varepsilon_{ij}). \quad (7)$$

При этом количественные характеристики, как мы считаем, должны определять два показателя: 1) качество данных Q^{data} (причем именно истинность T^{data}) и 2) точность данных A^{data} , а качественные — полезность данных U^{data} .

Показатели полезности данных U^{data} определяются в большей степени как «каучуковые», т. е. являются показателями неопределенного, эластичного содержания и которые нельзя определить посредством измерений и осуществить их математическую формализацию, т. е. не имеют конкретных числовых (четких) данных, а имеют вербальное (неформализованное) описание посредством лингвистических переменных (качественное описание).

Дуализм данных

Несмотря на то, что в настоящее время многие используют термины «данные» и «информация» как синонимы, по нашему мнению, необходимо проводить различие между ними.

Следует отметить, что различие между вышеуказанными определениями существует с тех пор, как впервые появились системные технологии [6].

В научно-практической литературе существует достаточно большое количество мнений, характеризующих данные.

Также многие, если не большинство, АИС по-прежнему признают тот факт, что данные отражают характеристики актива, подлежащего отражению в учете и далее, соответственно, в финансовой отчетности, поскольку он (*актив*) имеет *a*) стоимость и *b*) вероятную будущую экономическую выгоду.

Другие же АИС, наоборот, не согласны с этим утверждением ввиду того, что для них данные — это то, что временно предоставляется бухгалтерам «взаймы», чтобы они могли использовать их для создания чего-то ценного для их владельца (например, обязательства).

Третьи же считают, что роль бухгалтеров в отношении данных заключается в их хранении: владелец доверяет бухгалтерам данные, которые, в свою очередь, применяют надлежащие меры, обеспечивающие их защиту (например, передачу клиентом личных данных бухгалтеру или лицу, ответственному за данные, находящиеся на хранении в конкретном подразделении компании).

Итак, сформулируем «в первом приближении» понятие «данные». Данные, по нашему мнению, — это экономический актив, который в зависимости от показателей характеристик ценности данных V^{data} (качества Q^{data} и точности A^{data}) может: *a*) улучшить или ухудшить качество *i*-операции бизнес-процесса/*i*-действия работника компании, *b*) увеличить или уменьшить доходы компаний и заинтересованных сторон (например, «доноров»), *c*) укрепить или испортить отношения с заинтересованными сторонами (например, с «донорами»), *d*) создать или элиминировать новые потоки доходов, *e*) улучшить или исказить качество текущих продуктов производства, *f*) установить или аннулировать конкурентные преимущества, *g*) обеспечить или лишить инноваций и *h*) снизить или повысить риски.

Мы также считаем, что понятие «данные» (далее — Data) является более широким, нежели просто данные, и включает в себя (как составную часть) понятие «информация» (например, «компьютерные отчеты»).

Предложенное нами теоретическое представление (гипотеза) относительно дуализма «данных» ранее нашла поддержку и у других исследователей. Так, например, Стивен Ф. Пирон (Stephen F. Piron) в 1981 г. определил (с точки зрения бухгалтера) необходимость проводить различие между «данными» и «информацией» и спрогнозировал проблемы и последствия одинакового отношения к этим двум понятиям.

Он утверждал, что, по мере увеличения доступности данных и использования различных системных технологий, возможность по-

лучения и хранения данных становится все более приемлемой: «Когда компьютеры впервые появились в деловом мире, они использовались для обработки данных. Это были рабочие лошадки... Потом стало очевидно, что эти рабочие лошадки могут сообщать сводные данные руководству, чтобы информировать руководство о том, что происходит. Компьютерные отчеты стали обслуживать оперативные и информационные потребности пользователей...» [9].

Необходимо отметить, что в процессе исследования должен быть использован кортеж данных X_i ($X_i = \langle X_1, X_2, \dots, X_n \rangle$), где n — число элементов исследуемой системы), который необходим для получения качественных результатов проводимого исследования [1].

Среди некоторых зарубежных и российских экономистов [2] существует мнение, что информационным источником является финансовая отчетность, а источниками анализа по всем направлениям являются данные бухгалтерского учета и финансовой отчетности. Однако мы придерживаемся иного мнения, а именно: кортеж данных X_i должен быть *a)* сформирован и в последующем *b)* проанализирован на основании корреляционно-зависимых данных из различных документов. В качестве таких «различных» документов, по нашему мнению, должны быть документы, которые относятся как к финансовым, бухгалтерским и ESG-информации, так и к иным дополнительным источникам управленческой и статистической отчетности («служебные данные»). Иными словами, должен быть сначала сформирован, а затем проанализирован кортеж X_i -метаданных [1].

Здесь мы хотели бы отметить, что «информация» (далее — $data^{info}$ или $data-info$) — это X_i -метаданные (далее — $data^{meta}$), преобразованные в формат, облегчающий лицу, принимающему решение (ЛПР), принимать более эффективные и результативные управленческие и/или инвестиционные решения.

Таким образом, сформулированное нами выше утверждение можно записать в следующем виде:

$$Data = f(data^{meta}, data^{info}). \quad (8)$$

Именно преобразование X_i -метаданных ($data^{meta}$) в информацию ($data^{info}$) определяет конечную ценность данных и облегчает их способность создавать новые возможности для бизнеса или сокращать случаи мошенничества, расточительства и злоупотреблений.

Кроме этого, следует отметить, что качество и точность $data^{meta}$ определяет качество и точность $data^{info}$ и в итоге влияет в целом на ценность данных V^{data} .

При этом $data^{info}$ имеют тогда наибольшее значение, когда они используются для принятия управленческих и/или инвестиционных решений, и, согласно теории инфономики $data^{info}$, должны учитываться в качестве актива.

Заключение

«Пользователи» данных в компании (как внешние, так и внутренние) не будут использовать данные, если их ценность не будет соответствовать их требованиям и будет ставить под угрозу способность принимать эффективные и результативные управленческие и/или инвестиционные решения.

Плохая практика управления данными основана на том, что имеют место следующие негативные факторы: *a)* терпимость менеджмента компании и непосредственных «пользователей» данных к низкому качеству/точности данных, *b)* недоверие менеджмента компании к данным, *c)* отсутствие в компании (между ее отдельными бизнес-единицами) системы аналитических процедур внутреннего контроля и четко определенных ролей участников бизнес-процессов для обеспечения качества/точности данных, а также наличие *d)* «размытой» ответственности между участниками бизнес-единиц и бизнес-процессов компании и *e)* «зарегулирования» данных.

Также следует отметить, что плохое управление данными заключается в том, что отдельные бизнес-единицы и сотрудники компании («создатели» и внутренние «потребители» данных) принимают решения в своих интересах и не понимают влияние стратегии и влияния данных на бизнес-процессы и другие действия в масштабах всей компании.

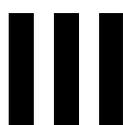
Таким образом, в случае сохранения в компании такой практики управления данными — «бункерной» практики управления данными — и отсутствия четко выстроенной и отлаженной системы внутреннего контроля в конечном итоге может привести к неэффективности и/или нерезультативности принимаемых управленческих и/или инвестиционных решений как внутри компании, так и среди внешних заинтересованных лиц («доноров»), а также нанести убытки компании и «донорам».

Литература

1. Актуальные направления математических, статистических, инструментальных и учетно-аналитических методов исследования в условиях цифровизации: Монография / Под ред. М.В. Грачевой, Е.А. Тумановой, В.Т. Чае. М.: Русайнс, 2023. 366 с.
2. *Серебрякова Т.Я.* Концептуальные вопросы сквозного внутреннего контроля: Автореф. дис. ... докт. экон. наук. М., 2010. 46 с.
3. *Суйц В.П.* Теория и практика первичного производственного контроля на предприятии: Дис. ... докт. экон. наук. М., 1991. 456 с.
4. *Суйц В.П., Сапронов С.Н.* Эластичный аудит и внутренний контроль // *Финансы*. 2025. № 9. С. 60—63.
5. FASB (Financial Accounting Standards Board) — организация, которая устанавливает общепринятые принципы бухгалтерского учета (GAAP) в США: URL: <https://www.fasb.org/home> (дата обращения: 9.09.2025).
6. Information Economics and Management Accounting: A Brief Personal Perspective // *Journal of Management Accounting Research*, December 2005: URL: <http://bit.ly/2LRq6q0> (дата обращения: 9.09.2025).
7. Infonomics: The Economics of Information and Principles of Information Asset Management / Douglas Laney // *The Fifth MIT Information Quality Industry Symposium*. 13—15 July. 2011: URL: http://mitg.mit.edu/IQIS/Documents/CDOIQS_201177/Papers/05_01_7_A_1_Laney.pdf (дата обращения: 10.09.2025).
8. Infonomics: The Practice of Information Economics / Douglas Laney: URL: <http://www.forbes.com/sites/gartnergroup/2012/05/22/infonomics-the-practice-of-information-economics> (дата обращения: 10.09.2025).
9. Management Information System: Data vs. Information: March 1981.
10. The FASB Conceptual Framework Project, 1973—1985: An Analysis. Manchester: University Press, 1992. 199 p.
11. *Zeff S.A.* The Evolution of the Conceptual Framework for Business Enterprises in the United States // *Accounting Historians Journal*. 1999 December. Vol. 26. No. 2. P. 89—131.

References

1. Aktual'nye napravleniya matematicheskikh, statisticheskikh, instrumental'nyh i uchetho-analiticheskikh metodov issledovaniya v usloviyah cifrovizacii: Monografiya / Pod red. M.V. Grachevoj, E.A. Tumanovoj, V.T. CHaya. M.: Rusajns, 2023. 366 s.
2. *Serebryakova T.YA.* Konceptual'nye voprosy skvoznogo vnutrennego kontrolya: Avtoref. dis. ... dokt. ekon. nauk. M., 2010. 46 s.
3. *Sujc V.P.* Teoriya i praktika pervichnogo proizvodstvennogo kontrolya na predpriyatii: Dis. ... dokt. ekon. nauk. M., 1991. 456 s.
4. *Sujc V.P., Sapronov S.N.* Elastichnyj audit i vnutrennij kontrol' // *Finansy*. 2025. № 9. S. 60—63.
5. FASB (Financial Accounting Standards Board) — organizaciya, kotoraya ustanavlivaet obshcheprinyatye principy buhgalterskogo ucheta (GAAP) v SSHA: URL: <https://www.fasb.org/home> (data obrashcheniya: 9.09.2025).

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Ф.И. ГИРЕНОК

В чем состоит *humanitas* человека?*

Аннотация. В статье представлена антропологическая реконструкция уровней сознания человека. Показано, чем человек отличается от животных, а также показано, чем отличается человек коллективных представлений от человека с индивидуальным сознанием. Проводится различие между разумом и мышлением и вводится онтологическое ограничение применения искусственного интеллекта в культуре. Автор формулирует концепцию «бытия собой».

Ключевые слова: сознание, бессознательное, искусственный интеллект, коллективные представления, коллективное бессознательное, образ, знак, галлюцинация, мышление.

Abstract. The article presents an anthropological reconstruction of human consciousness levels. It shows how a person differs from animals, and also shows how a person of collective ideas differs from a person with an individual consciousness. A distinction is made between reason and thinking, and an ontological limitation is introduced on the use of artificial intelligence in culture. The author formulates the concept of «being yourself».

Keywords: consciousness, unconscious, artificial intelligence, collective representations, collective unconscious, image, sign, hallucination, thinking.

УДК 14
ББК 87.5

Если вы меня спросите, каким был человек 50 тыс. лет назад, я скажу, что физически он от нас ничем не отличался. Метафизически он отличается от нас радикально. Мы — его негатив. В отличие от нас у него не было понятия о самости, он не был болтлив, как греки, и не говорил, как американцы, от первого лица. Если бы это было не

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гиренок Ф.И. В чем состоит *humanitas* человека? // *Философия хозяйства*. 2026. № 1. С. 113—119. DOI: 10.5281/zenodo.18723252.

так, то мы бы непременно увидели его присутствие на картине в колоде пещеры Ласко.

Человек палеолита был мыслящим существом, но не разумным. Мы видим следы наблюдателя в наскальной живописи, но мы не видим следы наблюдения за наблюдателями. Не видим рефлексии. Кто рефлексировал, тот не мыслит. Что это значит? Это означает, что он был в сознании, но без осознания самого себя. Это его бытие психолог Карл Юнг называл дремой. Я называю его сном наяву — с нечеткой границей между сознанием и бессознательным. Напротив, современный человек является существом разумным, но не мыслящим. Если бы мы были неразумными, то ни у кого не возникла бы мысль о том, чтобы заменить нас искусственным интеллектом. Оказалось все, что мы делаем, можно свести к алгоритму.

Разум всегда был и остается сейчас противником мышления. Почему? Потому что в основе мышления лежит воображение. В основе разума лежат логика и число. Где образы, там эмоции, энергия чувств. Где логика, там скука. Сознание — это набор контролируемых и неконтролируемых образов. Средоточие энергии. Первое, что мы видим, когда рождаемся, — это наши галлюцинации. Мы рождаемся и кричим. В нас клокочет энергия. Животные рождаются тихо.

Последнее, что мы видим, когда умираем, — это опять-таки галлюцинации. Между ними происходит вся наша жизнь, заполненная грезами.

Что такое галлюцинация? Это неконтролируемые восприятия нашего организма. Вместе с галлюцинациями в мире появляется возможность для того, чтобы в нем был наблюдатель. Самый глубокий слой коллективного бессознательного составляют неконтролируемые восприятия. Что они нам дают? Они нам дают геометрию поля возможного наблюдения на земле. Философы называют этот слой априорным, доопытным. Что в нем находится? Точка, линия, треугольник, круг и т. д. Все эти фигуры относятся не к вещам, они относятся к тому, кто наблюдает. Это то, чем мы смотрим. Если бы они относились к вещам, то они стали бы называться образами. Но это не образы, а схемы для нашего наблюдения. Если бы не было этих схем, то мы не смогли бы дрессировать животных. Для того чтобы они появились, их нужно было когда-то отделить от вещи. Если бы мы их не отделили, то мы не смогли бы думать. Ибо думать для нас — это значит приводить в движение наши образы, т. е. воображать.

Животные не думают. Они не воображают. Для них первичен не круг, а пень или тарелка. Если мы отделим форму от предмета, то мы становимся первогеометрами. Человек — первогеометр. Если же мы постараемся стереть все свои галлюцинации, избавиться от них, то мы потеряем геометрию и все то, что можно знать до опыта.

Когда мы отделяем звук от предмета, то тем самым мы создаем условие, чтобы кто-то стал музыкантом. Когда мы отделяем цвет от предмета, мы составляем условие для того, чтобы кто-то стал художником. Рассматривая сегодня картину, слушая музыку, что мы делаем? Мы галлюцинируем. Вот мы пришли в театр, смотрим на сцену. На сцене находятся какие-то вещи и двигаются люди. Но разве, глядя на них, мы можем понять, что такое театр? Нет. Напротив, мы можем понимать то, что происходит на сцене, если у нас есть уже-сознание, т. е. мы заранее уже знаем, что такое театр. И это знание коренится в наших неконтролируемых восприятиях. Но откуда у нас появляется сознание? Сознание у нас появляется из коллективного бессознательного в момент, когда мы начинаем отделять действие от предмета. Например, ружье — это значит стрелять. Но стрелять можно и глазами. Что такое лопата? Она есть, чтобы копать. Но лопату можно хранить и как память о том, что ею копал твой дед. Реальные действия и вещи на сцене относятся не к реальному, а к идеальному, к тому, чего нет, но чем переполнена наша жизнь. Встреча с несущим заставляет нас спрашивать, как нам, не приспособленным к жизни, жить?

За этим первым бессознательным слоем сознания лежит другой слой. Это уже не галлюцинации, а образы. Что это за слой? Если я скажу, что человек, как и все животные, рождается один раз, то я не смогу объяснить существование этого второго слоя сознания. Почему? Потому что галлюцинации нам дает природа. Но приводим их в движение мы сами. Образы мы создаем сами. В природе нет образов. То есть что я не могу объяснить? Я не могу объяснить, что значит «быть самим». На этом втором слое сознания находятся такие неконтролируемые образы, которые помогут нам объяснить, что значит «быть самим». В природе никто не существует «сам». Все действуют согласно своей природе. А действовать согласно своей сути — это и есть один из признаков умно устроенного мира. Но человек не действует согласно своей природе. У него нет этой природы. Вместо нее

он создает общество. Однако общество нельзя назвать умно устроенным миром. Вместо ума у нас есть грезы, которые делают нас слепыми и неразумными. Вот поэтому нам нужно вводить представление о втором рождении человека, или, как говорили греки-пираты, втором плавании.

Что такое второе рождение? Это когда ты рождаешь себя сам. Из чего? Из какой материи? Шекспир в «Буре» говорит, что человек сделан из той же материи, что и сны, и я с ним согласен. Мы сделаны из материи сна. Что это значит? Это означает, что человек есть непрерывное усилие по извлечению себя из своих галлюцинаций. Мы извлекаем себя из бессознательного, чтобы спросить: что мы, грезящие, вообще можем знать? Ответ на этот вопрос покажется странным: только то, что мы сами вложили в предмет познания. Отсюда следует и другой вопрос: почему только у нас, у неразумных, ослепленных грезами, может появиться чувство реальности? Вот это чувство реальности входит в наше коллективное уже-сознание в виде неконтролируемых образов и предвещает появление у нас сознания реальности.

Как появляется сознание? Это уже третий слой движения наших внутренних образов. Оно появляется благодаря отделению чувства от реальности. Почему оно отделяется? Потому что мы не знаем, что нам делать. У нас нет сущности.

Поэтому за нашей спиной всегда будет стоять наше второе плавание. Или, я скажу иначе, мы родились второй раз в результате большого взрыва галлюцинаций. Маленькие взрывы у нас происходят и сегодня. Мы накопили в себе когда-то такую внутреннюю энергию, что наш биологический организм не выдержал и взорвался и мы создали образы на стенах палеолитических пещер. Второй раз все мы родились в этих пещерах. Сначала в нас появился наблюдатель. Затем наблюдение за наблюдателем.

В нашем уже-сознании была схема круга. Мы взорвались, и появилось колесо. Благодаря уже-сознанию мы могли и можем сейчас нарисовать схему любого животного, не видев его. Мы взорвались и нарисовали бизона на стенах пещеры. И поэтому мы теперь не терзаем себя этими образами. Но как обыватели мы в своем самом поверхностном слое сознания, контролируемом «я», полагаем, что у нас в голове есть понятие круга только лишь потому, что вне нас есть пень, похожий на круг.

Во взрыве галлюцинаций мы потеряли свою сущность. Мы потеряли вместе с ней и свое естественное существование. Ибо всякое существование предполагает то, что существует. Нет существования без сущности, говорит нам классическая философия. И даже экзистенциалист Сартр не может обойтись без сущности. Только он ее называет непредзаданной и проективной.

Так вот, человек — это не что иное, как существование без сущности. Что из этого следует? Из этого следует то, что в нашем коллективном сознании появляется ответ на вопрос: что нам, не имеющим сущности, нужно делать? Нам нужно верить. Чем она хороша? Тем, что для нее не надо никаких причин. Вера — это не самообман. Это плодотворное свойство нашего сознания: верить в то, для чего нет никаких оснований. Мы, как говорил Тертуллиан, не глухие. Мы еще слышим голос Бога, т. е. верим в него, ибо это абсурдно. Мы все принадлежим чему-то большему, чем мы есть. Принадлежим тому, что не существует как предмет, но что нам дано в наших самоощущениях. Поэзия воображаемого истиннее, чем любые сведения о сущем.

Нам, не имеющим никаких оснований в мире, остается только одно: положить себя в основание своих действий и стать причиной реальности объектов своих представлений. Следующим слоем коллективного бессознательного являются образы, сформированные в нас нашим телом, нашей культурой и нашим социумом. Это уровень встречи языка и образов. На трех уровнях коллективного бессознательного мы осознаем без осознания себя. На четвертом уровне мы осознаем себя в качестве того, кто сам дает себе законы. На нем мы начинаем говорить от своего имени. Наша жизнь начинает вращаться вокруг «я». Но как нам, дающим самим себе законы, жить вместе с такими же, как мы? Общество так и не разрешило эту задачу. Поэтому оно перестало давать нам, одиноким, бытие вместе.

Животные на сигналы извне отвечают двигательной реакцией. Человек на сигналы отвечает движением образов. Так у нас возникают литература и, конечно, поэзия. Общество пытается управлять внутренними движениями образов посредством языка. Язык — это кнут общества для существующих без сущности. Если «я» у нас — центр сознания, то «мы» — это бессознательное нашего «я», которое коренится не в слове, как полагают психоаналитики, а в дословном.

«Мы» — это «я» за пределами себя. Коллективное сознание не соединено со словом. Оно соединено с нуминозными образами, т. е. с образами, обладающими огромной энергией.

Разнонаправленность внутренних и внешних токов энергии ведет нас к равнодушию, апатии, к ослаблению воли к действию. Появление систем с элементами искусственного интеллекта в когнитивной сфере является той причиной, по которой человек отделяет от образа вообще силу аффекта, превращая образ в знак. Люди теряют своеобразие. Посредством ИИ формируется средний человек. Посредственность среднего человека хороша в логике, но невыносима в творчестве. Человек палеолита жил в мире образов, хотя был ближе всего к природе. Современный человек живет в мире знаков, хотя и далек от природы. Почему далек? Потому что мы в ней не живем. Мы ее моделируем. Нам нужен искусственный интеллект, чтобы ее видеть посредством моделей. Искусственный интеллект нуждается в огромных базах данных. Он ничего не видит, ничего не слышит, ничего не осознает. Все, что люди сделали за свою историю, они занесли сегодня в базу данных на языке 0/1. Труднее всего сейчас детям. Общество играет с их психикой и сознанием посредством гаджетов и спутников.

Откуда берут информацию школьники и студенты? Из интернета. Никто из нас сегодня не хочет воображать, т. е. давать существование объектам своих грез. Но кто тогда будет создавать новое? Без обновления данных ИИ теряет смысл. От него остается только одно — наблюдение за нами.

У человеческого сознания есть свойство, которого нет у интеллекта. Это свойство состоит в способности придавать смысл бессмысленному. А также давать существование тому, что само по себе не существует.

Человек — не пастух, не охотник. Человек — это художник, т. е. вечный кочевник субъективности.

Современный всеобщий интерес к искусственному интеллекту есть не что иное, как восстание разума против мышления. Перед нами вновь встает изначальный вопрос: как нам, разумным существам, быть одновременно еще и мыслящими?

Что я хочу сказать в заключение? Господа, воображайте, никакой технологической сингулярности не существует, потому что не

существует момента, когда искусственный интеллект превзойдет сознание. Сознание существует не для знания, а для воздействия человека на самого себя во времени. В этом и состоит *humanitas* человека.

А.Г. ШТЕЙНБЕРГ

Еще раз об элите: к проблеме эгалитаризма*

Аннотация. Статья посвящена проблематике социальной гетерогенности и является проложением разговора, начатого в работе «Об элите» на страницах «Философии хозяйства» в 2024 г. Автор обращается к теме фундирования социальной неоднородности, причинам и проявлениям элитарности, так как очевидна необходимость научной формализации и изучения всех плоскостей социальной структурированности в предположении взаимной их автономности и, соответственно, в постановке проблемы целостной картины социума. Объективно сложившиеся фактические социальные различия существуют в разных сферах общественной жизни, предметная область социальных исследований в данном случае имеет дело не столько с серьезным массивом данных, сколько с аксиологической проблематикой. Мы говорим о диалектике эгалитаризма и элитарности. Поиск «достаточных оснований» избранности, ее обоснованность, неконструктивность и негармоничность эгалитаризма — вот вопросы, которые обсуждаются в статье. Гетеротрофные элитарные группы функционально необходимы как в обществе, так и в природе. Сам факт существования элиты означает общественное признание «авторитета» определенной необходимой компетенции выполнения социально важных функций. Явление элитарности функционально и закономерно, так как вытекает из специфики социальных отношений в рамках разделения человеческой деятельности вообще.

Ключевые слова: государство, элита, Платон, идеальное, мудрость, мужество, благо, справедливость, философы-правители, воины-стражи, необходимость, аристократизм, диалектика, война,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Штейнберг А.Г. Еще раз об элите: к проблеме эгалитаризма // Философия хозяйства. 2026. № 1. С. 119—127. DOI: 10.5281/zenodo.18723313.

власть, бытие, совершенство, мелочность, способности, богатство, добродетель, разумная жизнь.

Abstract. This article explores the problem of social heterogeneity and continues the discussion begun in «On the Elite» in the 2024 issue of «Philosophy of Economy». The author addresses the foundations of social heterogeneity, as well as the causes and manifestations of elitism, citing the obvious need for scientific formalization and study of all planes of social structuring, assuming their mutual autonomy, and, accordingly, for a holistic picture of society. Objectively established, factual social differences exist in various spheres of public life; the subject area of social research in this case deals not so much with a substantial array of data as with axiological issues. We discuss the dialectic of egalitarianism and elitism. The search for «sufficient grounds» for selectivity, its validity, and the non-constructive and inharmonious nature of egalitarianism—these are the issues discussed in the article. Heterotrophic elite groups are functionally necessary both in society and in nature. The very existence of an elite signifies public recognition of the «authority» of a certain necessary competence for performing socially important functions. The phenomenon of elitism is functional and natural, as it stems from the specific nature of social relations within the division of human activity in general.

Keywords: state, elite, Plato, ideal, wisdom, courage, good, justice, philosophers-rulers, warrior-guards, necessity, aristocracy, dialectics, war, power, being, perfection, pettiness, abilities, wealth, virtue, rational life.

УДК 321.01
ББК 87.3

В данной статье мы вновь обращаемся к проблематике элитарности, поднятой нами в статье «Об элите».

Рассуждая на заявленную тему ранее, мы обращались к творчеству великого Платона, который считал причиной возникновения государства невозможность для будущего гражданина удовлетворить свои потребности без посредства других людей. Государство, по Платону, — это антагонист несправедливости, одной из целей существования которого классик считал избавление от зла в обществе,

чего невозможно достичь, пока управленческая функция осуществления власти не будет сопряжена с умением и желанием философствовать [3].

Платон своей концепцией государства постулирует изначально базовые, на наш взгляд, положения: собственно элитарность, а в отношении ее — социальную гетерогенность и невозможность эгалитаризма. Правители как особая, наряду с другими, группа социума, просто необходимы. В рассуждениях Платона о качествах руководителей, т. е. об управленческой элите, можно подчеркнуть следующие моменты:

- владение диалектикой и понимание блага — «квалификационные признаки» властителя;
- стремление к справедливости: люди сочли за благо договориться друг с другом, чтобы искоренить несправедливость в субъект-объектном отношении — так появились справедливые законы. Мы ранее подчеркивали, что концепция элитарности Платона является конкретной попыткой объяснить избранность правителей и социальную дифференциацию служением справедливости, общему благу и борьбе с вызовами [3].

Платон объясняет это так:

- в идеальном обществе всякий занимается тем, к чему более всего способен во благо государства и свое собственное;
- никто не пытается претендовать на компетенции функций других социальных групп;
- эгалитаризм отрицается, можно сказать, с социально-профессиональных позиций: одни умело кормят и одевают, другие отважно воюют и защищают, третьи заинтересованно и квалифицированно управляют (через глубокое понимание ценности истины, блага и справедливости в диалектике личного и общественного);
- «спартанский» образ жизни правящих и военных элит: максимальное ограничение материальных или статусных «эквивалентов» власти;
- элитарность и социальная неоднородность, однако, нетоксична и неантагонистична, ибо идеологически опирается на государственный миф о порождении всех слоев общества матерью-землей (все граждане — братья и заботятся друг о друге и государстве),

а государство пострадает, если защищать и управлять станут люди, не обладающие необходимыми задатками.

Платон предельно конкретно объясняет элитарность особым философским характером мышления:

- отсутствие торгашеской мелочности: «избранные» (для управления государством) чужды материального, повседневного: именно поэтому такой человек отдаст всего себя служению благу и не будет считать даже смерть чем-то ужасным;

- философский элитаризм отличается четкая позиция относительно неуместной тяги к богатству, которая портит не только мастеровых, сказываясь на навыках и стремлении к совершенству всех социальных групп и отражается на всеобщем благе государства.

Мы подчеркивали, что реальную политическую власть в государстве имеют стражи (закона) — основа для воспитания правителей-философов, беззаветные защитники страны, антитеза корысти и ограниченности ремесленников и земледельцев [3].

При всей объективации социальной дифференциации у Платона, на наш взгляд, присутствует концепт «конструктивной элитарности», необходимой для воспитания «аристократии духа» — реальной элиты: правитель-мыслитель, воспитанный из воина, способный к диалектике реально, т. е. заслуживший как право управлять, так и внутреннюю гармонию и понимание блага и справедливости [1].

Проблематику элитарности, эгалитаризма и социального неравенства обсуждать далее мы считаем возможным, лишь обратившись изначально к феномену социальности как надприродному феномену, а здесь нас интересует более прикладной и, соответственно, сложный вопрос — проблема разнородности этого уровня организации. Это, собственно, и составляет предмет социологии и социальной философии. Эмпирическая достоверность данной гетерогенности очевидна и фиксируется как минимум на обыденном уровне общественного сознания банальной формализацией (зачастую на общественно-психологическом и субкультурном уровне) социально-статусных ролей. Все эти «чиновники», «офицеры», «юристы», «зумыры», «бомжи», «профессура», «мошенники», «селебрити» и «быдло» — замысловатый, трудно постулируемый ряд идентификаций обыденного сознания и «обыденного бытия». Обнаруживаемая бессистемность обнажает различные многогранные основания реальных разграничений,

конкретные социальные грани. Давняя задача социальных наук как раз и заключается, на наш взгляд, в упорядочении оснований, соответственно научным критериям, и обнаружении системной формализации целостной картины внутренней дифференцированности социума на таких достаточных основаниях.

Серьезной теоретической рефлексии, как представляется, должен быть подвергнут основной понятийный инструментарий. Мы имеем в виду фундирование и определение понятия социальной границы в диалектике соотносимых сторон, сословий, страт, кланов, диаспор, социальных институтов, конфессий. Выявление и наполнение содержанием подобного научного инструментария и есть задача, в частности, социальной философии.

Серьезная традиция исследований в данном направлении, как известно, сложилась в марксизме в рамках постулированной диалектики «экономическое — социальное», где в качестве базовой берется социально-экономическая система общества, правда, без учета той самой полиструктурности. Если подойти схематично, то в центре анализа Марксом структуры социума «лежат» деньги, иначе говоря, классиком анализируется вещная форма взаимозависимости и социальных различий, возникающих на основании дифференциации в отношении собственности [1]. Свое «концентрированное» воплощение данные интеракции получают в деньгах, выступающих исходной формой капитала. Капиталист как системное воплощение социальной группы (класса) концентрирует и приводит в движение прошлый труд в диалектике с трудом живым; базисным классовым признаком здесь выступают собственность и прибавочный труд (продукт). Но в форме капитала (денег). Обсуждаемая выше модель применительно к классике марксизма позволяет рассматривать социальную дифференциацию (структуру) как складывающуюся в связи и по поводу денег как атрибута.

Бэкграунд общественного развития, анализ современной ситуации в мире, равно как и собственно положения самого марксизма, заставляют сильно сомневаться в прогрессивности отношений вещной зависимости, частного предпринимательства и отношений собственности как важнейшего атрибута социальности.

Не вдаваясь в социально-политические нюансы, давайте зададимся вопросом: а не возникает ли социальная структурированность и дифференциация на основании, вокруг и по поводу иных атрибутов

социальности? Несомненно! А это обязывает к научной формализации и изучению всех плоскостей и уровней социальной системы (гетерогенности) в предположении взаимной их автономности и, соответственно, к постановке проблемы целостной картины социума. В таком случае задача понимания и определения внутренней структурированности общества, поставленная, в частности, Марксом, приобретает обобщенный характер.

Свои объективно сложившиеся фактические, эмпирически воспринимаемые различия между людьми существуют в разных сферах общественной жизни: праве, науке, религии, творчестве. Хочется отметить, что предметная область социальных исследований в данном случае огромна. Но главная трудность, на наш взгляд, лежит не в области дескриптивности эмпирического массива данных, а, скорее, в плоскости аксиологии, что, собственно, и составляет предмет нашего интереса. Мы говорим о диалектике эгалитаризма и элитарности. Социальная неоднородность «выводится», как известно (хотя бы из творчества Ж.-Ж. Руссо), из «асимметрии» способностей у различных людей и вытекающего из этого обмена и деятельностью, и ее разделения [2]. Признание неравенства «личных качеств» единственным объективным основанием дифференциации, с которым стоит «смириться», на наш взгляд, является весомым доводом в пользу правильности базовых положений марксизма в части его социально-политических положений. Имущественное (денежное) неравенство и уж тем более отношения господства и порабощения, могущества и незащитности, не фундированные очевидной дифференциацией личных качеств, порождали, порождают и будут порождать социальные антагонизмы и беспощадную борьбу. Социальная структура гетерогенна по определению, но, если элитарность, неравенство или даже эгалитаризм основываются не на признаках, имманентных человеку, данная система будет лишена стабильности.

Будучи в основном гетеротрофными, элитарные группы являются функционально необходимыми как для биологических видов, так и, естественно, для социума. Кроме случаев, о которых мы писали выше, когда особое положение не фундировано объективно, а, так сказать, «захвачено», сам факт существования элиты означает общественное признание «силой авторитета» компетентности и компетенции выполнения социально важных функций. Разделение деятельно-

сти вообще делает закономерным явление элитарности в функциональной ее трактовке. Так появляется (по необходимости) элита военная, политическая, техническая, интеллектуальная. Когда иерархическая пирамида выстроена по одному признаку и элита задает алгоритм социальной конкуренции и, стало быть, прогресса, то в иных социальных «пирамидах» эти избранные становятся «солью нации», общегосударственной элитой. Феномен элитарности важен и неустраним, если брать в расчет демографические, статусные, квалификационные различия на фоне необходимости прогресса социума в целом в рамках диалектики личного и общественного и выдвижения локальных групп и отдельных личностей, что называется, «из ряда вон».

Сущность эгалитаризма, психология равенства тоже, по всей видимости, неискоренима: за счет своего великого демократически гуманистического содержания. Человек достоин «человеческих условий существования», даже с выходом за минимальную грань которых ни индивиды, ни общество в целом не готовы мириться. Но мы хотим подчеркнуть, что как социальное явление эгалитаризм неконструктивен. Вряд ли в рамках общественного прогресса возможна гармония в ситуации, когда психологически неразвитый, непрофессиональный индивид со средними способностями пожелает быть равным развитой, профессиональной, талантливой личности не посредством собственного роста и приложения усилий, а методом понижения статуса последней. Тем более обыденная жизнь дает нам множество примеров незаслуженной элитарности, оборачивающейся бедами не только для достойных людей, но и для социума. Напомним еще раз нашу предыдущую работу, где мы приводили множество возражений великого Платона против власти недостойных. Представить себе полную социальную гомогенность довольно трудно, равно как и существуют возражения против эклектики социальной однородности, равенства способностей и потребностей людей. Но, тем не менее, в своих исторических массовых проявлениях эгалитаризм, очевидно, антагонист элитарности, лишаящий социум его лучших представителей и, более того, приводящий на вершину иерархической «пирамиды» индивидов, лишенных признаков платоновской избранности.

Очень интересно об этом рассуждал Н. Вейл, американский экономист и писатель-коммунист, исследователь тоталитарных обществ. В своем эссе «Envy and Aristocide», посвященном отношению основной массы людей к элитам, Вейл предложил концепцию «аристоцида» — исчезновения естественных элит. Лучшие представители человечества, объективно превосходящие массу в своем развитии, сходили с арены общественной жизни по двум причинам: из-за насилия завистливых низших и из-за собственной неспособности к воспроизводству. Причем деструктивное отношение к элитариям, по мнению Вейла, подстрекается и эксплуатируется отчужденными интеллигентами, в результате чего обнаруживается физическая убыль продуктивных, одаренных и успешных людей наряду с последующим генетическим упадком. Н. Вейла не интересовала «искусственная аристократия», появляющаяся в контексте статусной и стратификационной диалектики, он заявлял о проблеме истребления «естественной аристократии среди людей», аристократии, основанной на добродетелях и талантах и представляющей собой «самый драгоценный дар природы для обучения, доверия и управления обществом» (Джефферсон, 1813 г.). Ссылаясь на президента США Джефферсона, Н. Вейл также считал, что сохранение такой элиты имеет первостепенное значение, так как природная аристократия обладает не только высоким интеллектом, но и такими «добродетелями», как характер и человечность [4].

Ко всему вышеизложенному можно лишь добавить способность истинной элиты к развитию и преемственности, даже несмотря на ее изначальное «происхождение». Паразитирующая на замещении лучших, неспособная к творчеству и развитию «протекционистская элита», собственно, отменяет допустимую конструктивную гетерогенность социума, имеющую шансы на общественное признание и эффективное влияние. Отслеживание меры и границ диапазона этой допустимой неоднородности и есть сегодня одна из задач социальной науки.

Литература

1. Маркс К. Капитал. Т. 1. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1952: URL: https://istmat.org/files/uploads/59307/k_marks_kapital_tom_1_1952_g.pdf (дата обращения: 15.09.2025).

2. *Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми. М.: Мультимедийное издательство Стрельбицкого, 2022: URL: <https://books.yandex.ru/books/d8uhglVs> (дата обращения: 15.09.2025).

3. *Штейнберг А.Г.* Об элите // *Философия хозяйства*. 2024. № 5. С. 189—200. DOI: 10.5281/zenodo.13920326.

4. *Weyl N.* Envy and Aristocide // *The Eugenics Bulletin*, 1984: URL: <https://web.archive.org/web/20210821160031/https://www.eugenics.net/papers/eb6.html> (дата обращения: 15.09.2025).

References

1. *Marks K.* Kapital. T. 1. М.: Gos. izd-vo politicheskoy literatury, 1952: URL: https://istmat.org/files/uploads/59307/k_marks_kapital_tom_1_1952_g.pdf (data obrashcheniya: 15.09.2025).

2. *Russo ZH.-ZH.* Rassuzhdenie o nachale i osnovanii neravenstva mezhdru lyud'mi. М.: Mul'timedijnoe izdatel'stvo Strel'bickogo, 2022: URL: <https://books.yandex.ru/books/d8uhglVs> (data obrashcheniya: 15.09.2025).

3. *SHtejnberg A.G.* Ob elite // *Filosofiya hozyajstva*. 2024. № 5. S. 189—200. DOI: 10.5281/zenodo.13920326.

М.М. ЕВДОКИМОВА

Антропологический вопрос в современном искусстве*

Аннотация. Современная культура раздваивается, формулируя вопрос о человеке. С одной стороны, существуют попытки новой проблематизации темы человека, с другой — присутствуют деантропологизирующие тенденции. Последнее касается в большей степени западной культуры. Однако новый фильм известного итальянского режиссера П. Соррентино обращает на себя внимание претензией на антропологию. В статье анализируется интерпретация вопроса «Что

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Евдокимова М.М. Антропологический вопрос в современном искусстве // *Философия хозяйства*. 2026. № 1. С. 127—135. DOI: 10.5281/zenodo.18723328.

такое антропология?», которую режиссер поставил во главу своего произведения. Автор показывает, что, помимо мифологического прочтения образа главной героини, возможно говорить о попытке современного искусства создать новую философию человека. В статье исследуются такие центральные для философской антропологии темы, как молчание, видение, одиночество, невыразимое.

Ключевые слова: антропология, видение, молчание, Паоло Соррентино, Партенопа.

Abstract. Contemporary culture is characterized by a dual approach to formulating the question of man. On the one hand, there are attempts to problematize the topic of humanity anew; on the other, de-anthropologizing tendencies are present. The latter applies primarily to Western culture. However, the new film by the renowned Italian director P. Sorrentino draws attention with its claim to anthropology. This article analyzes the interpretation of the question «What is anthropology?» that the director placed at the core of his work. The author demonstrates that, beyond a mythological reading of the main heroine's image, one can speak of an attempt by contemporary art to create a new philosophy of man. The article explores such central themes of philosophical anthropology as silence, vision, solitude, and the inexpressible.

Keywords: anthropology, vision, silence, Paolo Sorrentino, Partenope.

УДК 103.3
ББК 87.5

В 2024 г. известный итальянский режиссер П. Соррентино представил новый фильм «Партенопа». Имя главной героини переводится с древнегреческого как «девичий голос», что является прямой отсылкой к мифической сирене — существу, чье пение очаровывало мореплавателей и приводило их к гибели. Подобная связь задает первый — мифологический — уровень прочтения фильма: Партенопа у Соррентино является метафорой опасной, соблазнительной красоты, несущей смерть. Однако данный фильм — не экранизация древнегреческого мифа. Режиссер усложняет образ героини, предлагая и принципиально иной ракурс рассмотрения — антропологический. Именно через Партенопу режиссер поднимает центральный

для всего фильма вопрос «Что такое антропология?», или, иными словами, «Что такое человек?».

Режиссер делает юную красавицу Партенопу студенткой факультета антропологии. Сдавая вступительный экзамен, Партенопа цитирует К. Гулиана: «Культура — это совокупность духовных и материальных ценностей, отвечающих на сумму экзистенциальных проблем, начиная с покупки продуктов и заканчивая произведением искусства». Иными словами, культура — это набор ответов для решения всех жизненных проблем. Однако собственный вопрос Партенопы — «Что такое антропология?» — оказывается за пределами этого набора. Где ей искать готовый ответ и возможен ли он? Объяснение профессора кажется поверхностным и не удовлетворяет ее, поэтому Партенопа отказывается от поиска заданного определения. Ее решение — искать собственный ответ — и становится для нее подлинной антропологией, где человек сам учреждает свой смысл и является причиной своих действий.

Необходимо заметить, что современная западная философия избавляется от вопроса о человеке, отказывая ему в исключительности существования и рассматривая его лишь как часть сущего — наравне с природой, техникой, животными и миром объектов [3, 28]. В связи с этим кажется неожиданным то, что Соррентино вдруг заново задает вопрос о человеке и ищет адекватные формы выражения человеческого. Отсюда возникают идеи видения, внутреннего, молчания.

В фильме режиссер дает следующее определение антропологии: «Антропология — это умение видеть, когда все остальное угасло: молодость, красота, желание, эмоции и прочее...». Видение для режиссера является исключительной способностью человека, поэтому тот, кто видит, — человек. А что значит видеть? Или, иначе говоря, что значит быть человеком? Н.Н. Ростова, исследуя природу человеческого зрения, говорит о том, что видение — это не просто физический акт, а восприятие смыслов. Из этого следует, что мы видим не глазами, а «Я» — как носитель «внутреннего смыслового трафарета» — вижу при помощи глаз. Видеть глазами — значит отказывать человеку в наличии внутренних состояний, так как в этом случае видение превращается лишь в регистрирование внешних импульсов (как у животных). Иными словами, человек не просто отражает реальность, а интерпретирует мир через язык, культуру, воображение:

он видит смыслами [2]. Обратимся теперь ко второй части определения антропологии: «...когда все остальное угасло...». Если видение смыслами отсылает нас к внутренним состояниям, то видение глазами, наоборот, к поверхности. Молодость, красота — лишь внешние данные, которые мы фиксируем глазами. К тому же, как следует из определения, они имеют свойство угасать, а потому являются переходящими. Они заслоняют «смысл» человека. Поэтому умение видеть в антропологическом смысле — значит прорваться сквозь эту поверхность к смыслу, к душе. Соответственно, если мы видим глазами, то воспринимаем только внешнее, и нам недоступна глубина человека. Но когда мы видим смыслами, то обнаруживаем и подлинное измерение человека. Из этого следует, что человек — это всегда нечто большее по отношению к его внешним атрибутам.

Как представляется, Соррентино в своем фильме критикует современную культуру, в которой люди могут «смотреть глазами», но не умеют «видеть смыслами». Это проявляется в том, что поклонники воспринимали Партенону исключительно через призму женских характеристик: они ее желали. Такое восприятие отражает поверхностный взгляд глазами. Ведь ее «смысл», или душа, заключается не в том, что она просто женщина. Однако если женское относится к внешнему, то является ли в таком случае внутренний человек бесполом? Идея отсутствия половой разделенности в определении человека встречается у ряда философов, которые либо рассматривают человека как «внеполое» существо, либо видят в нем изначально целостность (андрогинность), преодолевающую бинарность мужского и женского. Например, в диалоге Платона «Пир» упоминается миф об андрогинах, согласно которому изначально люди были двуполовыми существами, объединяющими мужское и женское начала. Разделение на два пола является следствием наказания богов, а любовь (Эрос) — это стремление к утраченной целостности [1]. Из этого следует, что человек в своей сущности не разделен по полу, но в падшем мире существует как мужчина или женщина. В христианской традиции половые различия также упраздняются. В Послании апостола Павла к Галатам сказано: «...нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28). Половая разделенность характеризует лишь внешнего человека, в то время как содержание личности, представляющей собой образ Божий, исключает какое-либо различие между мужчиной и женщиной, отрицая

само существование мужского и женского начала на этом уровне. Очевидно, что указанный перечень авторов является неполным, однако нам важно было показать, что половая разделенность не является универсальной антропологической категорией. Мужское и женское начала, таким образом, связаны с внешним проявлением человека, в то время как внутренний, подлинный человек является целостным, бесполом. Поэтому умение видеть связано с обнаружением этой целостности, в то время как поверхностный взгляд позволяет видеть в другом только женщину или мужчину, т. е. объект желания.

Соррентино говорит нам о том, что именно старость открывает возможность подлинного видения. Молодой поклонник смотрит, но не видит. Он желает Партенопу и отказывает ей в наличии внутреннего мира, обнаруживая в ней пустоту просто потому, что она молчит. Стареющий мыслитель же видит в ней тайну: «Для красивого человека молчание — это тайна, для уродливого — изъян», — говорит он. Красив, прежде всего, не тот, на кого смотрят, а тот, кто умеет смотреть. Получается, что красота является границей между внешним и внутренним. С одной стороны, она удерживает в реальности и в таком случае позволяет только желать ее. С другой — она увлекает в тайну внутреннего мира. Для молодого поклонника внутренний мир Партенопы оказывается недоступным, в то время как стареющий мыслитель его обнаруживает. Из сказанного можно выделить две составляющие: того, кто видит, и того, кого видят. Если старость позволяет увидеть внутреннее, то и, наоборот, в стареющем человеке внутреннее становится видно непосредственно. Старость, таким образом, является не упадком, а состоянием, когда внешние атрибуты (молодость, красота, социальные роли) окончательно теряют свою власть и перестают заслонять собой внутреннего человека. Поэтому старость становится тем временем, когда человек оказывается максимально приближен к своей подлинности, свободной от преходящих оболочек.

В финале фильма также показана и стареющая Партенопа. Кажется, что молодая и взрослая Партенопа — это два разных человека. Молодая пользуется своей красотой как внешним инструментом, но ощущает его ложь и потому пребывает в поиске подлинности, который сопровождается ее одиночеством. Взрослая Партенопа сделала научную карьеру, что означает ее окончательный отказ от внешних атрибутов в пользу внутреннего развития души. Ее грусть в старости

является следствием той самой подлинности, к которой она стремилась: трагическое и одинокое бремя обретенного смысла. А ее жизненный путь — это и есть воплощение данного ей определения антропологии: старость стала тем временем, когда все внешнее угасло и появилось умение видеть себя, других и мир смыслами, а не глазами.

Соррентино обозначил проблему видения, однако режиссер не довел решение до конца. С одной стороны, как мы указали ранее, он вскрывает кризис современной культуры, в которой люди смотрят, но не видят. Но, с другой, его внимание к визуальной эстетике является воплощением этого кризиса. Камера здесь буквально любит телом и внешностью Партенопы. Является ли это иронией над тем, как легко можно обмануться внешней красотой, или же Соррентино попал в собственные сети? Как представляется, это можно расценить как намеренный художественный прием, так как режиссер поднимает через главную героиню вопрос «Что такое антропология?» и вводит таинственную тему молчания как попытку указания на внутреннее.

Молчание в философии — это не просто отсутствие речи. М. Хайдеггер в «Бытии и времени» рассматривает молчание как важный аспект человеческого существования, связанный с раскрытием подлинного бытия. Он противопоставляет молчание и повседневную речь, которая заменяет истинное понимание удобными шаблонами. Например, обсуждение смерти в безличном ключе («Все люди смертны») противостоит молчаливому осознанию собственной смертности. Молчание освобождает человека от общепринятого (*das Man*) и позволяет обратиться к собственному пониманию бытия. Философ связывает молчание с совестью, чей зов невербален. Совесть — это молчаливый призыв к тому, чтобы осознать свою вину как упущенную возможность быть собой. Кроме того, молчание для Хайдеггера является подлинной возможностью речи. Молчание позволяет понять бытие другого человека, которое может быть заслонено шумом слов [4, 160—167]. Так, становится ясно, что молчание, по Хайдеггеру, — это отнюдь не пустота, но возможность быть собой и по-настоящему услышать другого.

В фильме Соррентино мужчины, ухаживающие за Партенопой, спрашивали у нее, о чем она думает, но девушка часто молчала.

Поклонники, как и хайдеггеровские «das Man», пытаются загнать героиню в рамки привычных диалогов, ожидая от нее стандартных реакций. Но ее молчание — это отказ от безличных и пустых разговоров. Оно противопоставлено словесному потоку мужских персонажей, которые говорят в основном банальности, демонстрируя неспособность услышать то, что стоит за безмолвием. Соррентино визуализирует вышесказанное через язык тела, печальный взгляд Партенопы, который становится для него альтернативой речи. Например, сцена, где героиня задумчиво смотрит на море, — это не отсутствие мысли, а символ ее наполненности и глубины. Партенопа не говорит о своей душе, но ее молчание указывает на нее. Молчание становится для нее способом быть собой в мире, где все производят чужие смыслы. Ее недосказанность отсылает к большей подлинности, чем человеческие слова. Соррентино показывает, что внутренний мир — это не то, что можно озвучить, а то, что является через приостановку потока слов.

Однако режиссер и здесь избегает однозначности. Партенопа вступает в связь с мужчинами, тайно прерывает беременность. Служит ли эта тайная жизнь указанием на внутреннее? Можно предположить, что связь — это не проявление развратности героини, а попытка обрести хоть какую-то реальную связь с миром, когда слова бессильны. Аборт является жестом, одновременно освобождающим от предписанных социальных ролей (чужих смыслов) и разрушительным (как признание невозможности выразить себя иначе). Соррентино избегает моральных оценок и, возможно, пытается показать, что даже в таких случаях человек ищет свой смысл, а не чужой. В конечном счете подлинность может быть болезненной.

Но здесь возникает ключевой вопрос: что все-таки «увидел» режиссер, отбросив преходящее (молодость, красоту)? Иными словами, что для него является внутренним? В кульминационной сцене фильма профессор демонстрирует Партенопе своего сына с необычной физиологией и героиня радостно говорит: «Он прекрасен. Он состоит из соли и воды — как море!». С одной стороны, Соррентино тем самым показывает, что подлинное видение требует выхода за рамки визуального. Однако режиссер приходит к тому, что внутреннее невозможно объективировать. Сравнение человека с морем становится способом описать невыразимую сущность человеческого.

Соррентино тем самым как бы намекает на то, что адекватный язык описания человека ближе к метафоре, чем к науке.

С другой стороны, кульминационная сцена обнаруживает уязвимость фильма. Профессор и Партенопа обнажают друг перед другом свои «теневые» стороны (уродство сына, аборт) и договариваются не осуждать друг друга: «Вы не осуждаете меня, а я вас», — говорит Партенопе профессор. Не сводится ли тогда антропология Соррентино к простой толерантности? По всей видимости, режиссер редуцировал внутреннее к девиантному. Однако девиантное — это не внутреннее. В чем различие? Внутреннее — это область свободы и подлинности, когда человек является причиной своих смыслов и следующих за ними действий. Девиантное отсылает к социальной норме, нарушая ее. Это характеристика, которая описывает, как человек расположен относительно других людей. Это не ответ на вопрос «Что такое человек?», но, скорее, констатация несоответствия человека большинству. Однако, если мы говорим о внутреннем как о свободе, мы приходим к тому, что человек по своей сути асоциален. Он тогда свободен, когда ни социум, ни «Другой» не являются причиной его поступков, а только он сам. Получается парадокс: ведь тогда его можно назвать девиантным? Но подлинный человек необязательно девиантен. Причина девиантного поступка — не абсолютная внутренняя свобода, а протест, игнорирование или вызов существующей норме. Он зависим от нормы, которую отрицает. Источником свободного поступка является внутренне порожденный смысл, а не внешняя норма. Социум здесь — не более чем фон, обстоятельство, а не причина. В итоге подлинное может случайно совпасть или не совпасть с нормой.

Пытаясь показать внутреннее через девиантное, Соррентино совершает ошибку. Он принимает социальную изнанку (то, что скрыто от общества) за внутреннее (то, что конституирует человека). Возникает провокационный вопрос: может быть, примитивный ухажер был прав — Партенопа просто пуста, а режиссеру нечего предъявить? Однако Соррентино попытался найти язык для описания внутреннего через проблему антропологии, видения, молчания, но когда все обнажили «внутреннее», то получилась простая толерантность.

Литература

1. *Платон*. Пир // Античная литература:
URL: <https://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1450200000> (дата обращения: 25.06.2025).
2. *Ростова Н.Н.* Кино и философия: мы не умеем смотреть // Комментарии: Журнал для читателя. 2018. № 32. С. 169—175.
3. *Ростова Н.Н.* Проблема человека в современной философии. М.: Проспект, 2025. 176 с.
4. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.

References

1. *Platon*. Pir // Antichnaya literatura: URL: <https://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1450200000> (data obrashcheniya: 25.06.2025).
2. *Rostova N.N.* Kino i filosofiya: my ne umeem smotret' // Kommentarii: ZHurnal dlya chitatelya. 2018. № 32. S. 169—175.
3. *Rostova N.N.* Problema cheloveka v sovremennoj filosofii. M.: Prospekt, 2025. 176 s.
4. *Hajdegger M.* Bytie i vremena / Per. s nem. V.V. Bibihina. M.: Ad Marginem, 1997. 451 s

К.В. МОЛЧАНОВ

**Ревитализация изначальной посылки AI:
от Artificial Intelligence обратно к вопросу
«Может ли машина мыслить?»***

Аннотация. Статья ревитализирует знаменитый вопрос А. Тьюринга «Может ли машина мыслить?» в контексте современной парадигмы Artificial Intelligence (AI), когда его философская глу-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Молчанов К.В. Ревитализация изначальной посылки AI: от Artificial Intelligence обратно к вопросу «Может ли машина мыслить?» // Философия хозяйства. 2026. № 1. С. 135—145. DOI: 10.5281/zenodo.18723348.

бина подменяется прагматикой оптимизации функций потерь. В статье диагностируется «несоответствие мощи и неразумности» современных систем AI (ChatGPT, AlphaGo и др.) и объясняется это через гегелевскую дихотомию: «рассудок» (Verstand) — аналитическая стадия, обеспечивающая эффективность, но фиксирующая противоположности без синтеза, и «разум» (Vernunft) — спекулятивная, снимающая противоречия в целостном развитии. Частные «странности» AI (отсутствие здравого смысла, корреляции вместо каузальности и др.) предстают симптомами доминирования рассудка. Предлагается построить «систему координат» для исследований: от рефлексии и понимания ценностей к этическим рискам «гиперрассудков». Сделан вывод: игнорирование обозначенного разделения увековечивает застой, а его внедрение открывает путь к подлинному искусственному разуму. Статья предлагает философский инструмент для инженерии и этики и актуальна для эпохи AGI-хайпа.

Ключевые слова: artificial intelligence, диалектика, методология, информационные технологии, нейросети.

Abstract. The article revitalizes Alan Turing's famous question «Can a machine think?» in the context of the modern Artificial Intelligence (AI) paradigm, when its philosophical depth is supplanted by the pragmatism of loss function optimization. There is the «mismatch of power and unreasonableness» in contemporary AI systems (ChatGPT, AlphaGo, etc.), explaining it through Hegel's dichotomy: «understanding» (Verstand) — the analytical stage ensuring efficiency but fixing opposites without synthesis, and «reason» (Vernunft) — the speculative stage lifting contradictions into holistic development. The particular «oddities» of AI (lack of common sense, correlations instead of causality, etc.) appear as symptoms of dominating understanding. A «coordinate system» is proposed for research: from reflection and value comprehension to ethical risks of «hyper-understandings» Conclusion: ignoring the dichotomy perpetuates stagnation, while its implementation opens the path to genuine artificial reason. The article offers a philosophical tool for engineering and ethics and is relevant for the era of AGI-hype (2025).

Keywords: artificial intelligence, dialectics, methodology, information technology, neural networks.

УДК 004.8
ББК 60.8

Преамбула. Стилистическая безупречность и структурная завершенность данной статьи — не случайность: они являются прямым результатом применения гегелевской диалектики как основы метода познания и соответствующего конструирования содержания, ведь текст является результатом алгоритмизации диалектического познания¹ — развития логической идеи, мысли от абстрактного к конкретному, имитирующего работу спекулятивного разума в конкретной области познания через различения тождеств: Тьюрингов вопрос → диагностика проблемы → ее частные проявления → анализ в диалектической паре «рассудок/разум» → развертывание следствий. Текст, логическое совершенство которого обусловлено диалектикой, также служит доказательством его основного тезиса: рассудочная, алгоритмическая строгость (Verstand) является необходимым, но недостаточным фундаментом для разумного понимания (Vernunft).

Зарождение Artificial Intelligence (AI) было во многом обусловлено фундаментальным философским вопросом, сформулированным Аланом Тьюрингом: «Может ли машина мыслить?». Этот вопрос задал вектор на создание искусственного «интеллектуального субъекта» и репликацию процесса человеческого мышления во всей его полноте. Однако под давлением прагматических обстоятельств, в первую очередь финансирования и вопросов технологической осуществимости, произошел тотальный сдвиг парадигмы. И изначальный вопрос «Может ли машина мыслить?» был фактически подменен вопросом «Можно ли оптимизировать функцию потерь (или правила для symbolic AI) для достижения заданной цели?». Это не уточнение, а именно подмена предмета исследования. В результате вся область исследований AI в рамках предзаданных ограниченных систем де-факто переориентировалась на создание и совершенствование

¹ Постановка задачи алгоритмизации и компьютеризации диалектического познания была нами осуществлена в статье [1].

ние мощных систем, блестяще справляющихся с анализом, классификацией, паттерн-матчингом (pattern matching) и другими задачами, имеющими рассудочный характер.

В итоге рассудок, будучи низшей, аналитической стадией мышления, был ошибочно воспринят в качестве его высшей синтетической формы.

Таким образом, современная индустрия AI, сосредоточившись на рассудочных функциях, блестяще развила их, но проигнорировала задачу восхождения к разуму.

При этом возникла фундаментальная проблема современного AI: несоответствие между его мощью и *галлюцинациями*, между мощным рассудком и *неразумностью*. Действительно, AI может делать сложные и даже в каком-то смысле гениальные вещи, а в следующий момент совершает элементарные ошибки. Но как понять и описать эту ситуацию?.. Это все определяет проблему — сложную, запутанную концептуальную по своему характеру проблему.

Известны разные частные, технические, узкоспециализированные посылки для описания и решения обозначенной проблемы, определяемые разными утверждениями. Перечислим наиболее известные из них.

- Первое утверждение: «У AI нет здравого смысла». Однако «здравый смысл» — это расплывчатое понятие. И вообще, что это такое? Набор фактов? Логика? Неявное знание? В науках даже понятие смысла не определено, и инженерам и программистам непонятно, как его описать и куда встроить.

- Второе утверждение: «AI работает на корреляциях, а не на каузальности». Да, это так, но как наделить систему AI возможностями каузальных рассуждений? Создаются новые программы и даже компьютерные архитектуры, но это все еще работа на основе парадигмы вычисления.

- Третье утверждение: «AI — это просто статистический робот». Это выразительный ярлык, однако он не объясняет, почему «робот» иногда выдает креативные и даже вполне осмысленные утверждения, хотя при этом не предлагает пути развития.

- Четвертое утверждение: «AI не хватает воплощаемого познания». Хотя это важное утверждение, но все же оно сводит проблему AI лишь к взаимодействию с физическим миром, что не может быть исчерпывающим ответом.

Каждое из этих утверждений, как и многие другие, описывают лишь один из аспектов проблемы, но они все не определяют ее полностью.

Многие ученые и исследователи на основе этих и других утверждений тщетно пытались решить обозначенную выше проблему потому, что подходили к ней как инженеры, как специалисты по обработке данных, прежде всего сужая ее до своих смыслов и терминов.

Прояснить (и затем исправить) возникшую проблему позволяет диалектика Гегеля через понятия «рассудок» (Verstand) и «разум» (Vernunft), которые в гегелевской системе представляют собой ключевые моменты диалектического развития духа.

Рассудок (Verstand) можно понимать как операционный, инструментальный аспект интеллекта, направленный на анализ, категоризацию и формально-логическое преобразование данных в соответствии с заданными или усвоенными правилами. Ключевыми характеристиками рассудка являются присущие AI дискретность, формальная логика, алгоритмичность, ориентация на правильность, работа с известными правилами.

Разум (Vernunft) можно понимать как системный, метакогнитивный аспект интеллекта, направленный на понимание, генерацию смысла и творческое преобразование как внешней среды, так и внутренних моделей. Разум работает с целостностями, противоречиями и контекстом. Разум — это высшая, синтетическая стадия, способная постигать противоречия, снимать их и порождать новые понятия. Это ипостась духа, которая не просто использует правила, но творит их. Это понимание, а не вычисление. Ключевыми характеристиками разума являются желаемые для AI холистичность, рефлексивность, креативность, ориентация на истину и смысл, работа с контекстом и неопределенностью.

Разум — это способность выходить за рамки заданных данных и правил, чтобы постигать сущности, контекст, причинно-следственные связи и порождать принципиально новое знание. Разум работает с «почему», а не только с «что».

Применение гегелевской дихотомии «рассудок/разум» является идеальным подходом к описанию и решению обозначенной выше проблемы.

Почему он *идеальный*?

Он не технический, а философско-системный.

Он описывает не симптом, а саму природу проблемы. Это не про то, «как работает код», а про смысловые позиции.

Он бинарный и ясный.

Он дает два четких концептуальных положения, в которые можно заключить все проявления AI:

- в «рассудок» — распознавание образов, оптимизацию, логический вывод, генерацию текста по шаблону;
- в «разум» — понимание контекста, рефлексия, постановку целей, работу со смыслом и сущностями.

Он объясняет и силу, и слабость AI. Он не просто констатирует, что AI неразумен. Он определяет, что AI — это *мощнейший рассудок, но лишенный разума*. И вот именно это объясняет, почему AI одновременно и гениален, и ограничен: гениальность AI — в рассудочной деятельности, а ограниченность — в отсутствии разумной.

Главное, он задает дорожную карту. Вместо расплывчатой цели «сделать AI умнее» он определяет конкретный вектор — научиться наделять системы не просто рассудочными способностями (ими они уже владеют в достаточном объеме), а недостающими им разумными. Именно это меняет фокус исследований с увеличения масштаба и мощности моделей на поиск принципиально новых архитектур, способных к рефлексии и пониманию.

Таким образом, в интеллектуальном арсенале человечества уже давно имеется универсальный подход к проблеме AI, созданный два века назад для описания человеческого мышления, относительно которого и был, на самом деле, Тьюрингом поставлен вопрос.

Смыслом этого универсального подхода к проблеме AI является не просто пара слов, а само структурное различие этих двух модусов мышления.

Во-первых, этот подход объясняет, что достигнуто, а что нет. Рассудок (алгоритмический, логический) — это то, что великолепно умеют делать современные AI. Они анализируют колоссальные массивы данных, выявляют в них сложнейшие паттерны, статистические

зависимости, корреляции и правила. Они оптимизируют, классифицируют, генерируют текст и изображения по найденным шаблонам. Например, *AlphaGo* может рассчитать идеальный ход, практически не используя (в отличие от шахматных программ) ни алгоритмов, ни оценочных функций, специфичных для игры *go*, *GPT-4* генерирует связный текст, вычисляя статистически наиболее вероятное продолжение последовательности, рекомендательные системы находят связи, неочевидные для человека

Все это — работа *рассудка*: мощная, но в основе своей — операционная и лишенная подлинного понимания.

Можно сказать, что современный AI — это триумф искусственного рассудка.

А чего не хватает? — Искусственного разума.

Именно тогда, когда блестящая работа рассудка путается с проявлением разума, и образуются ложные выводы, например: «Нейросеть понимает».

Во-вторых, этот подход проясняет природу «странностей» и сбоев AI: поведение, которое кажется нам «глупым» или «иррациональным» у современных AI, — это прямое следствие того, что у них есть рассудок, но нет разума. В указанном ракурсе можно выделить следующие проблемные положения:

- AI может выдавать гениальный ответ на сложный вопрос и совершать детскую ошибку в ответе на простой, ибо рассудок оперирует паттернами, а не смыслами, и если паттерн искажен (*adversarial attack*) или отсутствует, то система дает сбой;

- AI может сопоставлять данные, но не понимает их, не понимает, что одно событие является причиной другого, ибо это задача разума — строить внутренние, причинные модели мира;

- AI может генерировать абсолютно грамматически правильный и связный текст, но лишенный всякого смысла или содержащий внутренние противоречия: так, рассудок обеспечил беглость, но отсутствие разума исключает проверку на осмысленность.

Современный AI — это воплощение рассудка, лишенное разума.

В-третьих, что самое важное, предложенный подход задает вектор для будущих исследований. Только четко разделив понятия «рассудок» и «разум» (что возможно только на основе гегелевской

философии), можно понять, что нужно не только бесконечно «накачивать мышцы» рассудка (делать модели больше и быстрее), но и начать задаваться вопросами по поводу создания разума, в первую очередь, следующими:

- Как наделить систему способностью к рефлексии?
- Как создать механизм, который не просто использует правила, но и способен их отрицать и создавать новые?
- Как сформировать внутреннюю систему ценностей и смыслов, а не оптимизировать внешнюю функцию потерь?

В-четвертых, этот подход помогает в этических дискуссиях. Споры об «опасности AI» часто ведутся в одной концептуальной плоскости, а разделение на рассудок и разум вносит различие и последующую однозначность, значит, ясность, прежде всего в такие оппозиции, как:

- опасность «рассудка без разума» — это не восстание машин с самосознанием, это опасность лишённого понимания непредсказуемого, неконтролируемого инструмента чудовищной логической мощности;
- опасность (гипотетического) «разума» — это уже вопросы сознания, свободы воли, желаний и морального выбора искусственного существа — разума, который как раз и проигнорирован в AI, хотя сейчас разработки стремятся к «сильному AI» (Artificial General Intelligence, AGI).

Таким образом, разделение на рассудок и разум — это не просто философский изыск, а необходимая система координат.

Она позволяет:

- диагностировать текущее состояние дел в области AI;
- объяснять его ограничения и странности;
- говорить о реальных рисках сегодняшнего дня, не смешивая их с футуристическими сценариями;
- ставить осмысленные цели для будущих прорывов;
- делать обоснованные утверждения о последствиях и рисках;
- прогнозировать развитие AI.

Игнорирование указанного разделения заставляет говорить об «интеллекте» в целом, что подобно обсуждению «погоды» без разли-

чения температуры, давления и влажности или использованию одного слова для принципиально разных явлений, и это мешает двигаться дальше.

Отсутствие этого разделения — одна из ключевых причин концептуальной путаницы, завышенных ожиданий и фундаментальных тупиков в современных дискуссиях об AI.

Без указанного разделения есть большой риск принять следующее поколение невероятно мощных гиперрассудков за разум.

Конечно же, ученые и философы знают о разделении на «рассудок» и «разум». Но они говорят о них в своих узких контекстах, без сопоставления, без акцентирования дихотомии.

Вот как это происходит.

Для ученых и инженеров проблема «рассудка» и «разума» в мире AI обнажается постоянно, но под разными именами:

- статистические корреляции vs причинно-следственные связи: например, модель видит, что A и B происходят вместе (рассудок), но не понимает, что A вызывает B (разум);
- интерполяция (рассудок: внутри набора данных) vs экстраполяция (разум: за пределами набора данных, с синтезом, но с риском): модель прекрасно работает внутри границ своих тренировочных данных («рассудок»), но терпит крах при столкновении с принципиально новыми ситуациями (для чего нужен разум);
- «слабый AI» (Narrow AI) vs «сильный AI» (AGI): это соответствие с парой «рассудок — разум»: «слабый AI» — это искусственный рассудок, решающий конкретные задачи, а «сильный AI» — это искусственный разум;
- Система 1 и Система 2, по Канеману (и хотя это немного о другом, но интуитивное, быстрое мышление Системы 1 и медленное, аналитическое Системы 2 — это тоже попытка в науках хоть как-то расщепить описанную проблему AI);
- связность vs соответствие: отсутствует понимание того, генерирует ли модель внутренне непротиворечивый текст (рассудок) или она отражает реальный мир (разум).

Сообщества *философии сознания* и когнитивных наук активно дискутируют о «трудной проблеме сознания» (Д. Чалмерс), о квалиа (qualia), об интенциональности (направленности сознания на объ-

ект). Однако все это — лишь плоские грани проблемы «разума», который не сводится к обработке информации. Да и язык философии сложен и порой абстрактен, а инженеры хотят все формализовать и решать конкретные задачи. Так что лучшие умы в области наук и программирования осознают пропасть между рассудком и разумом, но они описывают лишь ее симптомы, а не дают ей емкое категориальное определение. А вот гегелевская пара «рассудок/разум» не только известна, хотя и не используется в науках, но и обладает уникальной объяснительной силой:

- она исторична и испытана — и это не новомодная теория, а концепция, которая прошла критику и проверку временем в объяснении человеческого познания;
- она целостна — она не описывает один симптом (как, например, «интерполяция»), а дает целостную картину фундаментально разных режимов мышления;
- она диалектична: она показывает, что Разум не просто «сложнее» рассудка, а снимает его, включает в себя как подчиненный момент, что разум использует рассудок как свой инструмент, но не сводится к нему (это должно использоваться в «сильном AI», но даже не подразумевается в науках, потому что диалектично, а не формально-логично).

Исследования на ее основе предопределяют фактически выход наук из концептуального тупика — он не в отказе от достижений, а в их точном размежевании и в возврате к изначальному вопросу Тьюринга, это возврат к истоку вопроса, но на новой основе. Для того чтобы осознать это, необходимо следующее:

- признать успех: честно назвать созданные системы «Искусственным Рассудком», что снимет с них бремя невыполнимых ожиданий;
- вернуть цель: четко зафиксировать, что целью является «Искусственный Разум» — система, способная хотя бы к синтезу и самопреодолению;
- использовать следующую дорожную карту: принять гегелевскую диалектику «рассудка» и «разума» в качестве методологического каркаса и метода конструирования архитектур, способных к восхождению к разуму.

Исследования на основе гегелевской пары «рассудок/разум» означают не просто «возврат» или «возрождение» прошлого — это оживление, возвращение жизненной силы и актуальности тому, что было утрачено, забыто и выхолощено. И вопрос Тьюринга не просто вспоминается, он *ревитализируется*: в него вдыхается новая жизнь, очищаемая от наслоений прагматизма, и он наделяется новым, концептуальным аппаратом гегелевской диалектики (что, правда, весьма проблемно для наук).

В заключение отметим, что теперешняя задача — это понять, как наделить системы AI способностью к переходу от возможностей рассудка к мощи разума. И путь вперед лежит не в бесконечном шлифовании рассудка, а в возврате к истоку:

- сначала к вопросу о машинном мышлении, к разуму;
- потом к использованию для исследований всего концептуального богатства гегелевской философской традиции, которая однажды уже проложила путь от рассудка к разуму;
- затем к переосмыслению понятия *intelligence* — к развитию AI.

Этот путь приведет, быть может, даже к трансформации понятия AI: например, от искусственного *intelligence* (AI или AGI) к имитации *intelligence* (*imitation of intelligence*, II), которая уже исследуется в современной диалектике.

Литература

1. Молчанов К.В. Кантианская, гегелевская и современная диалектики и программирование: диалектическая система логик, развитие логики и особые форматы современного диалектического познания // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 196—213.

References

1. Molchanov K.V. Kantianskaya, gegelevskaya i sovremennaya dialektiki i programmirovaniye: dialekticheskaya sistema logik, razvitie logiki i osobyie formaty sovremennogo dialekticheskogo poznaniya // Filosofiya hozyajstva. 2020. № 1. S. 196—213.

Н.Н. РОСТОВА

**Образ Христа как антропологическая антитеза
в творчестве И. Крамского***

Аннотация. В статье анализируется ключевой сюжет в живописи выдающегося русского художника Ивана Николаевича Крамского, связанный с образом Христа. Автор показывает, что художник составляет из двух картин своеобразный диптих, где в первом случае Христос представлен в своей истине, согласно своей внутренней логике, а во втором случае мы смотрим на Христа извне, в его явлении миру, где мир встречает его хохотом. Автор показывает, что Христос волнует художника не в теологическом смысле, но составляет для него антропологический интерес. Христос — образ возвышенной мысли о человеке. Если картина «Христос в пустыне» обнажает замысел о человеке в его решительности идти по пути совершенства, то картина «Хохот» показывает, как человеку одновременно при- сущее бежать собственного идеала. «Смеясь» над Христом, человек предаёт забвению собственную суть.

Ключевые слова: философия искусства, русское искусство, философская антропология, «Христос в пустыне», передвижники, атеизм, совершенство.

Abstract. The article analyzes the key plot in the painting of the outstanding Russian artist Ivan Nikolaevich Kramskoy, associated with the image of Christ. The author shows that the artist makes up a kind of diptych from two paintings, where in the first case Christ is represented in his truth, according to his inner logic, and in the second case we look at Christ from the outside, in his appearance to the world, where the world greets him with laughter. The author shows that Christ does not concern the artist in a theological sense, but is of anthropological interest to him. Christ is the image of an exalted thought about man. If the painting «Christ in the Desert» exposes the idea of a man in his determination to follow the

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ростова Н.Н. Образ Христа как антропологическая антитеза в творчестве И. Крамского // Философия хозяйства. 2026. № 1. С. 146—153. DOI: 10.5281/zenodo.18723367.

path of perfection, then the painting «Laughter» shows how a person simultaneously runs away from his own ideal. By «laughing» at Christ, a person forgets his own essence.

Keywords: philosophy of art, Russian art, philosophical anthropology, «Christ in the Desert», Peredvizhniki, atheism, perfection.

УДК 103.3

ББК 87.5

Иван Николаевич Крамской — революционер в русской живописи, возглавивший известный «бунт четырнадцати» в 1863 г., когда претенденты на золотую медаль Академии художеств отказались от конкурса, вышли из Академии и образовали Санкт-Петербургскую артель художников. Крамской стоял у истоков Товарищества передвижных художественных выставок, перенявшего эстафету у Артели, когда деятельность последней стала угасать. Именно Крамской еще до образования Товарищества организовал первую провинциальную выставку русского искусства в Нижнем Новгороде. Как теоретик искусства Крамской проповедовал национальность и идейность в живописи; как общественный деятель он предлагал проект переустройства художественного образования в России. Как художник он реализовывал свои взгляды в живописи.

О себе он говорит, что «делал что-то спросонья, ощупью, и вдруг толчок... проснулся... 63-й год, 9 ноября, когда четырнадцать человек отказались от программы. Единственный хороший день в моей жизни, честно и хорошо прожитый! Это единственный день, о котором я вспоминаю с чистой и искренней радостью» [1, т. 1, 224]. «Проснувшись» в 1863 г., Крамской сам стоит перед задачей — сделать художественное высказывание. И признается, что пошли «неурожайные» годы. Оценивая себя строго, т. е. исключая портретное, рутинное для него творчество, Крамской впоследствии приходит к выводу, что создал за всю жизнь всего несколько картин. Мы знаем навеянных гоголевским духом «Русалок» (1871) и «Лунную ночь» (1880), автобиографичную «Неутешное горе» (1884), образ «Неизвестной» (1883). Но красная линия его художественной жизни пролегает между двумя полотнами: «Христос в пустыне» и «Хохот (Радуйся, царю иудейский)».

Крамской хочет взять великий сюжет. Как он говорит, будучи счастливым в семейной жизни: личное счастье не наполняет жизни. По ту сторону житейских радостей и хлопот открывается бездонное великое одиночество, внутренняя жизнь человека, в которой показывает себя потаенная суть вещей. За личным есть то, что определяет личность. Общечеловеческое, как выражается Крамской. Или соборное — как скажет русская философия. Эта изнутри открываемая жизнь безбрежна, поэтична, и только она и составляет подлинный смысл отмеренного нам времени. Именно это расширенное самоощущение определяет главный мотив творчества Крамского, связанный с образом Христа.

Крамской в двух картинах являет антитезу: Христа-в-себе и Христа-для-нас. Написав «Христа в пустыне» в 1872 г., он имел в уме продолжение начатого разговора и всю оставшуюся жизнь работал над «Хохотом» (1877—1887), но так и оставил его неоконченным, страдая от невозможности быть художником в полную силу.

Крамской признается: «Христос в пустыне» — это его первая серьезная и неслучайная работа. Христос для Крамского был не абстрактной идеей, но видением, неотступно его преследовавшим. Галлюцинацией, его терзавшей. Он видел его воочию, его одинокую согнутую фигуру, как живую, предстоящую ему, с другими же говорил о Христе как о близком человеке, о чем вспоминает Репин [2, 184].

В 1872 г. в письме Ф. Васильеву Крамской буквально пишет: «... вот уже пять лет неотступно он стоял передо мной, я должен был написать его, чтобы отделаться... Во время работы за ним много я думал, молился и страдал... Бывало, вечером уйдешь гулять, и долго по полям бродишь, до ужаса дойдешь, и вот видишь фигуру, статую. На утре, усталый, измученный, исстрадавшийся, сидит один между камнями, печальными, холодными камнями; руки судорожно и крепко сжаты, пальцы впились, ноги поранены, и голова опущена... Сколько раз плакал я перед этой фигурой! Ну что ж после этого? Разве можно это написать? И Вы спрашиваете себя и справедливо спрашиваете: могу ли я написать Христа? Нет, дорогой мой, не могу и не мог написать, а все-таки писал и все писал до той поры, пока не вставил в раму, до тех пор писал, пока его и другие не увидели, — словом, совершил, быть может, профанацию, но не мог не писать. Должен был написать. Уж как хотите, не мог я обойтись без этого. Я могу сказать, что писал его слезами и кровью» [1, т. 1, 132—

133]. Крамской плакал, страдал, молился над картиной, не мог ее написать и вместе с тем не мог этого не сделать. Он должен был ее создать, хотя бы слезами и кровью. Написав ее, Крамской поседел, постарел, хотя ему было всего 35 лет.

Но кто перед нами предстает на полотне «Христос в пустыне»? Бог? Человек? Крамской то пишет о том, что в Христе нет ничего земного, то называет его человеком, «мировым человеком» и даже однажды соглашается, что выразил лишь свои личные мысли о Христе, написал «собственного» Христа. Но эти высказывания, встречающиеся в письмах, говорят не о противоречиях Крамского, а о том, что волновало его собеседников. Однако Крамской мыслит иначе. «Евангельский рассказ, — говорит он, — какова бы ни была его историческая достоверность, есть памятник действительно пережитого человечеством психологического процесса» [1, т. 1, 217]. Иными словами, Христос реален. Крамской по ту сторону теизма и атеизма. Он решает не проблему Бога, но проблему человека. Его волнует предельная возвышенная мысль о человеке. Воплощение ее он видит в Христе. И антропологически он прав — ибо Богочеловек свидетельствует собой о совершенстве человека. Крамской не снижает Бога до человека, но возвышает человека до замысла о нем. И даже, смущая всех, неоднократно называет Христа атеистом. Но не потому, что Бога нет, а потому что идеал достигнут, явлен и воплощен во Христе. Христос — совершенство. Но в чем состоит совершенство? Каков замысел о человеке?

Как говорит Крамской, мы до сих пор не можем понять учения Христа. Не можем понять его страшную революционность. Попробуйте серьезно следовать ему, и вы увидите, что это почти невозможно. Крамской называет учение Христа беспощадным — беспощадным к нашему эгоизму, малодушию и лицемерию. Дело не в чудесах, творимых Христом. Ведь чудеса — нечто необязательное для человека. А в том, что Христос обратил требование к самому сердцу человеческого, неумолимое, безусловное, неизбежное. Потому он и «атеист», что требование совершенства мы отныне адресуем не Богу, а себе. Если бы, говорит Крамской, Христос воскрешал мертвых, летал по воздуху и творил другие чудеса, это бы не взволновало человечество, ведь это вещи невозможные для человека, а значит, его не касающиеся. Но «совсем другой разговор, когда находится такой чудак, который будит заснувшую совесть, рекомендует поступать так,

как в человеческом сердце написано творцом (и мы это все, скажем потихоньку, чувствуем), и когда мы пытаемся уверять его, что совершенство только в боге, а он нам на это собственным личным опытом докажет наше лицемерие и нанесет поражение...» [1, т. 1, 218—219].

Крамской пишет Христа, удалившегося в пустыню, имея в виду евангельский рассказ об искушении Христа сатаной. Христос-в-себе — это образ предельного одиночества. Как говорит Крамской, прежде чем явиться с истиной к людям, нужно уйти в себя, стать независимым, все спокойно обдумать. Быть атеистом — значит черпать силу в себе. Атеизм, говорит Крамской, — это наивысшая ступень религиозного чувства. Но где взять силу, как взойти на высшую ступень? Мир искушает тебя, правит тобой. Нужно самособраться, обратиться к себе. Молитва Христа и есть необходимый момент самососредоточения, дарующего силу. Нужно упрочниться в себе, и тогда можно идти в мир, действовать, творить, умирать за правду. Молитва Христа, говорит Крамской, — это «стихийное состояние человеческого духа в трагические моменты. Это самоуглубление, беседа бога с самим собою. Недаром хорошие люди говорили, что молитва творит чудеса. Молитвенное состояние — это одна из самых таинственных лабораторий в человеке. Когда горы несправедливостей, эгоизма, тупости и зверства людского опрокидываются на благороднейшие побуждения наши, человеческий дух как бы стихает, не противоречит, и только ищет места, где бы спокойно можно было заплакать, чтобы никто не видал этого, и два-три часа такого состояния достаточно для того, чтобы все, что еще химически не соединилось, приняло ту новую, до страшной упругости, силу, которая способна заставить затрепетать окружающее. До этого момента постороннее, внешнее беспокоит, ранит меня, я еще под влиянием внешних впечатлений, они на меня действуют, после — я творец и активный деятель» [1, т. 1, 231].

Образ Христа на полотне задан напряжением между Его лицом и Его руками. Между самопогружением и выходом из него. Его задумчивое лицо — молитва, таинственная лаборатория человеческого духа, свободного от мира. Его сжатые руки — «чудо» свершившихся связей. Трудно быть человеком. Невозможно быть человеком. Ни среди природы, ни среди людей. А между тем найдется один, в ком оправдается все человечество. Крамского волновал этот один. Каждый из нас. Ведь искушение Христа, говорил он Репину, сидело в

Нем самом. И каждый из нас стоит перед своим одиночеством и своими искушениями. Каждый из нас, как Христос, должен решить — слиться ему с миром или утвердить в нем правду. «Есть, — говорит Крамской, — один момент в жизни каждого человека, мало-мальски созданного по образу и подобию божию, когда на него находит раздумье — пойти ли направо или налево, взять ли за господа бога рубль или не уступать ни шагу злу» [1, т. 1, 446].

Христос для Крамского — близкий, а не далекий, чужой, «божественный», которому нельзя подражать. Близкий не потому, что он человек, а потому что в нем человеку дан ответ. Во Христе, признается Крамской, я нашел успокоение, ибо главный личный вопрос через Него был решен.

Но того, кто следует за Христом, ожидает та же участь, что постигла Его, — хохот. Преследовал хохот и Крамского. Как говорит Крамской, одно дело говорить об истине и добре, а другое — попробовать провести истину в жизнь. Попробуйте — и вы увидите, «какой подымется хохот кругом. Этот хохот всюду меня преследует, куда я ни пойду, всюду я его слышу» [1, т. 1, 219].

Крамской называл картину «Хохот» вторым и последним томом «Христа в пустыне». «Теперь, — говорил он, — я написал “Быть или не быть” или около этого. А потом будет он же в терновом венце — в шутовском костюме царя» [1, т. 1, 219]. Как и первый образ, второй мучил его, приходил в видениях, так что страшно делалось. Ему все казалось: вот-вот — и он напишет его. Так он был реален для него. Периодами он окунается в работу с головой и признается, что работает усиленно, страстно, «испытывая минуты высокого наслаждения» [1, т. 1, 421].

Крамской обращается к евангельскому рассказу о поругании Христа. По свидетельству евангелиста Марка, «воины отвели Его внутрь двора, то есть в преторию, и собрали весь полк, и одели Его в багряницу, и, сплетши терновый венец, возложили на Него; и начали приветствовать Его: радуйся, Царь Иудейский! И били Его по голове тростью, и плевали на Него, и, становясь на колени, кланялись Ему» (Мк. 15: 16—19).

Крамской описывает свой замысел: «Ночь перед рассветом, двор, то есть внутренность двора, потухающие костры, римские солдаты, всячески надругавшись над Христом, думают, как бы еще убить время, судьи долго что-то совещаются, как вдруг... гениальная

мысль! Ведь он называл себя царем, так надо нарядить его шутом гороховым! Чудесно! Сейчас все готово, и господам докладывают, и вот все высыпало на крыльцо, на двор, и все, что есть, покатывается со смеху. На важных лицах благосклонная улыбка, сдержанная, легкая, тихонько хлопают в ладоши, чем дальше от интеллигенции, тем шумнее веселость, и на низменных ступенях развития гомерический хохот. Он бледен как полотно, прям и спокоен, только кровавая пятёрня от пощечины горит на щеке» [1, т. 1, 227].

Теперь Крамской пишет уже не собственно Христа, а толпу. Страшный, грубый мир, окамененное нечувствие. Христос-для-нас — это хохот, или, что то же самое, образ нашей немощи перед требованием совершенства, наши животность и убогость. На полотне Христос остается как символ совершенства. Молча стоит он вдалеке со связанными руками, взирая на корежасьую в припадках болезненного веселья толпу. Мир изрыгает совершенство в своем хохоте. Бежит своего человеческого лица. И всякий раз, говорит своим полотном Крамской, мы готовы смеяться и распинать Христа. И всякий раз мы готовы предавать себя в своей истине. Только Крамской тогда еще не знал, что скоро придут времена, когда и хохот исчезнет, останется только равнодушие. Современный мир ищет других зрелищ.

Сам Крамской чувствовал свое одиночество. «Страшно, — говорил он, — созреть до той высоты, на которой остаешься одинок» [1, т. 1, 141]. Люди ничтожны. Да и вовсе не люди они, а животные, по ошибке названные “человеками”» [1, т. 1, 383]. Мир словно разверзшаяся могила, смотришь — и жутко становится. В одном из писем Крамской признается, что к нему пришло желание умереть, а еще лучше в детстве, не зная «изнанки жизни». И все же Крамской верит в человека. В письме Салтыкову-Щедрину он пишет, имея в виду сказку писателя: «Я думаю о людях нехорошо, даже достаточно мрачно, но, чтобы решить мрачно о человечестве, у меня еще недостает храбрости, так как знаю, что после потери этой последней надежды жить не стоит, и я еще в качестве человека-карася надеюсь» [1, т. 2, 153].

В картине «Хохот» Крамской обрушивает на нас не отчаяние, а веру. Веру не только в идеал Христа, его упорство и непоколебимость, но веру в толпу — в нас, все еще что-то чувствующих, а значит, способных увидеть во Христе Христа, в себе — человека. И даже

полагает разрешение евангельской истории единственно возможным. Фатальным, естественным. «Даже лучше, что оно так кончилось, — говорит Крамской, — потому что вообразите его торжество: его все признают, слушают, он победил — да разве ж это не было бы в тысячу раз хуже? Разве могли бы открыться для человечества те перспективы, которыми мы полны, которые дают колоссальную силу людям стремиться вперед?» [1, т. 1, 447].

Следуя собственным заветам искусства, Крамской представил в живописи идею: в первой картине диптиха он явил внутренний идеал человека, обращенного к себе, предел возможного совершенства; во второй картине — нашу необоримую склонность бежать собственного идеала, замысла Бога о нас. Вопрос же состоит в том, могут ли идеи заменить живопись? Идеи — это идеи, а живопись — это живопись. Крамской уповал на умный образ. Максимум выразимости мысли достигается именно в образе, ибо образ выше слова. Как говорил Крамской, только живопись дает реальность мысли.

Литература

1. *Крамской И.Н.* Письма, статьи: В 2 т. М.: Искусство, 1965—1966. 627 с.; 599 с.
2. *Репин И.Е.* Далекое близкое. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2018. 532 с.

References

1. *Kramskoj I.N.* Pis'ma, stat'i: V 2 t. M.: Iskusstvo, 1965—1966. 627 s.; 599 s.
2. *Repin I.E.* Dalekoe blizkoe. M.; Berlin: Direkt-Media, 2018. 532 s.

IV

АКТУАЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ

К.А. ТОРОПОВ

Эволюция практики управления человеческими ресурсами в экономике*

Аннотация. В статье анализируется историческая эволюция концепций управления человеческими ресурсами, начиная от ранних школ научной организации труда Ф.У. Тейлора до современных стратегических и гуманистических моделей. Особое внимание уделяется формированию ключевых парадигм, пересмотру роли человека в организации, сравнительному анализу национальных моделей управления и внедрению цифровых технологий в сферу HRM. Приведены результаты анализа современных теорий, рассмотрены западные и восточные подходы, представлены масштабные таблицы сравнения, даны выводы относительно эффективности различных моделей. Рассматриваются современные вызовы HRM, связь с концепциями организационной культуры и управления знаниями, формулируются практические рекомендации по формированию человеческого капитала.

Ключевые слова: управление персоналом, человеческие ресурсы, школа Тейлора, административная школа, человеческие отношения, модель соответствия, HRM, организационная культура, знания, мотивация, стратегия.

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the historical evolution of human resource management concepts, tracing their development from the early schools of scientific labor organization, represented by F. Taylor and his followers, to contemporary strategic, humanistic, and competency-based models. Particular attention is devoted to the emergence and transformation of key HRM paradigms, the changing understanding of the employee's role within the organization, and the comparative study of national management models shaped by cultural, economic, and institutional factors.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Торопов К.А. Эволюция практики управления человеческими ресурсами в экономике // Философия хозяйства. 2026. № 1. С. 157—177. DOI: 10.5281/zenodo.18723401.

The research explores both Western and Eastern approaches, highlighting their distinctive philosophies and managerial practices. It also examines the growing impact of digital technologies, automation, and data-driven tools on HR processes, emphasizing the shift toward evidence-based decision-making. The article includes extensive comparative tables, integrates findings from modern theoretical frameworks, and evaluates the relative effectiveness of different HRM systems.

Finally, it addresses contemporary challenges, the interrelation of HRM with organizational culture and knowledge management, and formulates practical recommendations for strengthening human capital and enhancing organizational performance.

Keywords: personnel management, human resources, Taylor school, administrative school, human relations, conformity model, HRM, organizational culture, knowledge, motivation, strategy.

УДК 338
ББК 65

Роль человеческих ресурсов в современной экономике качественно изменилась. Организации уже не могут обеспечивать устойчивое развитие посредством только технологических усовершенствований или традиционных управленческих практик, основанных на жесткой регламентации. Формирование эффективных моделей управления человеческих ресурсов требует комплексного переосмысления философии и принципов работы с персоналом с учетом новых социальных, экономических, культурных и технологических вызовов. Неоднозначность трактовок ключевых понятий, разнородность подходов к формированию HR-стратегии порождают методологические и практические проблемы реализации потенциала работников в условиях цифровизации и глобальной конкуренции.

Современное развитие менеджмента позволяет сделать вывод о том, что происходит уход от догматических подходов к адаптивным и гибким системам HRM. Отмечаются значительные различия между национальными моделями HRM, о которых неоднократно писали У.Г. Оучи, М. Боксалл. Особое внимание в научных изысканиях уделяется роли организационной культуры, распространению цифровых HR-инструментов, влиянию теории человеческого капитала

(например, Т. Шульц, Г. Беккер) и управлению знаниями (П. Друкер). В отечественной литературе М.Ю. Коноваленко и А.А. Соломатин делают акцент на гуманистических аспектах и здоровье работников, отмечается переход к стратегическому управлению человеческими ресурсами, интеграция HRM в систему корпоративного управления.

Целью статьи является системный анализ процесса развития концепций управления человеческими ресурсами, выявление ключевых этапов эволюции, а также проведение сравнительного анализа базовых моделей и современных стратегий HRM, обоснование ключевых направлений совершенствования HRM в условиях цифровой экономики.

Первые научно обоснованные подходы к управлению персоналом связаны с трудами Ф. Тейлора, заложившего основы школы научной организации труда в США. Ф. Тейлор рассматривал предприятие как сложный, но предсказуемый «механизм», а работника — как элемент производственной машины. Доктрина «экономического человека» исходила из представления, что основным стимулом труда является материальное вознаграждение, а любые проявления инициативы или творчества – исключение. В дальнейшем, идеи Тейлора были развиты Ф.Б. Гильбретом и Л.М. Гильбрет, которые сфокусировали внимание на эргономике, стандартизации рабочих операций и детальном разборе движений. Так, Г.Л. Эмерсон в своих «12 принципах производительности» положил начало системному анализу труда, который сегодня стал основой оптимизации процессов в HRM.

Развитие административной школы А. Файоля (1920—1930-е) придало управлению статус самостоятельной деятельности, а сформулированные им 14 принципов управления персоналом фактически легли в основу первых концепций управления персоналом, хотя и рассматривали человека через призму производственной функции [5].

Таким образом, мышление индустриального руководителя начала XX в. определялось задачей максимизации эффективности и контроля, которое было продуктивно для массового производства, но несло определенные эволюционные ограничения, такие как снижение гибкости, рост отчуждения персонала.

Таблица 1

Сравнительный анализ школы Тейлора и административной школы Файоля

Параметр	Школа Тейлора	Школа Файоля
Центральная идея	«Экономический человек!»	«Рациональная организация»
Отношение к работнику	Часть механизма, объект контроля	Часть системы, исполнитель функций
Структура управления	Жесткая иерархия, стандартизация	Деление по функциям, централизация
Мотиваторы	Зарплата, штрафы, премии	Внутрифирменная политика, порядок, дисциплина
Вклад в управление человеческими ресурсами	Стандарты набора, инструктаж, контроль	Четкая административная вертикаль, образование
Практический пример	Конвейерное производство (Ford)	Управление крупными корпорациями (Renault, Siemens)
Положительные последствия	Рост производительности, снижение ошибок	Формализация функций, оптимизация оргструктуры
Ограничения	Игнорирование психологии, текучесть кадров	Недооценка неформальных коммуникаций

Источник: составлено автором по [4; 8].

В дальнейшем развитие получила школа человеческих отношений и новая социальная парадигма. Первая волна критики механистических теорий совпала с публикацией работ Э. Мэйо и формированием доктрины человеческих отношений. Хоторнские эксперименты показали, что наряду с организационными регламентами и материальной мотивацией, определяющими факторами производительности выступают лидерство, внимание к проблемам группы, чувство принадлежности [11]. В результате были сформированы основные положения нового направления:

1) человек — «социальное животное», для него важна интеграция и признание;

- 2) жесткая бюрократия противоречит природе человека;
 3) лидер — это не только надсмотрщик, но и друг, наставник, мотиватор.

В 1950-е гг. «теория Х» Д. Мак-Грегора резюмировала традиционный взгляд, согласно которому работник пассивен, ленив и нуждается в принуждении. «Теория Y», напротив, утверждала, что труд является способом самореализации, и задача лидера заключается в том, чтобы создать условия для включения внутренней мотивации.

Таблица 2

Сравнение моделей Х и Y (по Д. Мак-Грегору)

Характеристики	Теория Х	Теория Y	Современные гибридные практики
Отношение к персоналу	Персонал изначально избегает труда; необходим жесткий контроль	Работник может искать и брать на себя ответственность, труд — естественная потребность	Учитывает мотивационную гетерогенность, сочетает элементы самоконтроля и внешнего управления
Система мотивации	Кнут и пряник: внешний контроль и материальные стимулы	Внутренняя мотивация, признание, доверие и рост	Индивидуализированные и коллективные стимулы, развитие талантов, вовлеченность
Взаимоотношения «руководитель—подчиненный»	Формальные, директивные, дистанцированные	Неавторитарные, партнерские, наставнические	Коллаборативные, с распределенным лидерством и обратной связью
Роль коммуникаций	Односторонние, сверху вниз	Двусторонние, многоканальные	Многоуровневые, с элементами цифрового и неформального обмена

Продолжение табл. 2

Управление конфликтами	Подавление разногласий, формальные процедуры	Открытое обсуждение, работа с причинами	Коучинговый подход, фасилитация, медиация
Примеры бизнес-ситуаций	Конвейерная сборка, логистика с низкой автономией	Проектный офис, продуктовые стартапы	Команды гибкого управления, инновационные подразделения
Влияние на вовлеченность	Сниженная удовлетворенность; текучесть	Высокая лояльность, признание, вовлеченность	Баланс автономии и безопасности, снижающий стресс и повышающий результативность

Источник: составлено автором по: [14; 20].

Переход к гуманистическим концепциям ознаменовал коренной поворот в восприятии персонала, заложив основы современных практик HR-управления, обратив внимание на организационный климат, мотивацию труда персонала и социокультурные особенности, которые необходимо учитывать в практике руководства человеческими ресурсами.

Дальнейшее развитие концепций управления человеческими ресурсами связано с формированием поведенческой, эмпирической и школы человеческого капитала. В 1940—1960-х гг. эволюция управленческой мысли под воздействием кризисов и роста сложности производственных систем привела к формированию эмпирической школы, основу которой сформулировал П. Друкер, согласно которому, компания – это «социотехническая система», а управление персоналом – искусство и наука формирования целей, развития знаний, творческого потенциала. Одновременно с этим бихевиористское направление, наиболее яркими представителями которого являются А. Маслоу и Ф. Герцберг, переосмыслило природу мотивации, расширив методы управления стремлением работников к признанию, росту, самореализации. В экономической теории этого времени Т. Шульц, Г. Беккер обращают внимание на долгосрочный эффект от вложений в развитие сотрудников компании, которая в дальнейшем

оформится в школу человеческого капитала. В отечественной и зарубежной научной литературе данные подходы рассматриваются как последовательные этапы эволюции управленческой мысли, приведшие к формированию современной теории управления персоналом и концепции человеческого капитала [10].

С конца 1970-х гг. произошел существенный сдвиг в «управлении персоналом», который уступает место стратегической парадигме «управления человеческими ресурсами» — HRM. В результате формируется модель соответствия, которую связывают с Мичиганской школой и основой которой становится то, что управление человеческими ресурсами является ядром организационной стратегии. Такие базовые процессы, как отбор, оценка, вознаграждение, развитие персонала, интегрируются в «цикл HR», формируя принцип «HR-партнерства». Гарвардская модель (М. Бир, П. Боксалл, Д. Гест) дополняет стратегию «корпоративной философией», провозгласив приоритет согласования целей персонала и бизнеса, участия менеджеров всех уровней в HRM.

В таблице 3 представлен сравнительный анализ Мичиганской и Гарвардской моделей HRM.

Таблица 3

Сравнительный анализ Мичиганской и Гарвардской моделей HRM

Критерий	Мичиганская модель	Гарвардская модель	Современные интегрированные подходы
Фокус HRM	Соответствие между стратегией организации и управлением персоналом	Интеграция интересов работников и организации	Цифровая трансформация, устойчивое развитие
Ключевые процессы HR	Наем, оценка, оплата, развитие, увольнение	Подбор, мотивация, коммуникация, развитие	Портфель HR-процессов и сервисов, анализ человеческого потенциала

Продолжение табл. 3

Роль высшего руководства	Централизованный стратегический контроль	Коллективная ответственность, вовлеченность всех менеджеров	Сервисное лидерство, управление на основе данных, корпоративное предпринимательство
Приоритеты	Производительность, контроль затрат	Долгосрочная эффективность, культура участия	Гибкость, инновации, формирование бренда работодателя
Оценка эффективности	Классические ключевые показатели эффективности: производительность, издержки, текучесть кадров	Баланс интересов персонала, социальные эффекты	Опыт сотрудников, уровень доверия, корпоративная репутация
Методы мотивации	Традиционные системы вознаграждения	Гибридные системы, делегирование, участие	Игровые мотивационные механизмы, гибкая система льгот и компенсаций, саморазвитие
Взаимосвязь с корпоративной стратегией	Поддерживающая	Интегрированная, трансформационное управление человеческими ресурсами	Сквозная, с элементами устойчивого развития

Источник: составлено автором по [16; 17; 18].

Сравнение обеих школ, позволяет сделать вывод, что Гарвардская модель трактует HRM как открытую и изменяющуюся систему, где управление превращается в постоянный диалог целей, мотиваций и ценностей, в то время как мичиганская школа акцентирует структурный, инструментальный подход [7].

В 1970—1990-х гг. идеологический акцент смещается в сторону заботы о человеке. Особое внимание уделяется подходу А. Маслоу, известному как «Пирамида потребностей», теории Ф. Герцберга

— разделению гигиенических факторов и мотиваторов, концепции «организационной культуры» Т. Питерса и Р. Уотермана. В японской модели популярной становится Z-теория У. Оучи, в которой особое значение уделяется долгосрочной занятости, корпоративной лояльности и формированию командного духа и общей приверженности ценностям компании. В таблице 4 представлен сравнительный анализ западных и японской моделей HRM.

Таблица 4

Сравнительный анализ западных и восточных моделей HRM

Параметр	Американская модель	Японская модель	Европейская модель	Китайская модель
Кадровая стратегия	Индивидуализм, мобильность	Коллективизм, пожизненная занятость	Социальное партнерство, законодательно закрепленная защита	Контролируемая мобильность, государственная поддержка
Мотивация	Финансовая, опционы, бонусы	Социальная, статус, лояльность	Комбинированная система (заработная плата и социальные льготы)	Идеологическая, продвижение по линии партии
Корпоративная культура	Принцип служебных заслуг, инновационность	Групповая идентичность, консенсус	Социократические элементы, устойчивость	Корпоративно-государственный патернализм
Организационная структура	Горизонтальные команды, проектные группы	Иерархическая, сеть наставничества	Матрица, дивизионы, комитеты	Гибридные структуры, командно-иерархические

Продолжение табл. 4

Роль образования	Самообразование, бизнес-школы	Внутрифирменные школы, наставничество	Дуальная система профессионального образования, гибкие форматы обучения	Массовое госфинансирование, корпоративные институты
Оценка персонала	Анализ кейсов, управление по целям и результатам	Групповые оценки, стажировки	Оценка профессиональных компетенций и надпрофессиональных навыков	Политическая лояльность, ориентация на ключевые показатели эффективности
Инновационные практики	Инкубаторы стартапов, программы ускоренного развития	Система непрерывных улучшений, кружки качества	Интеграция принципов устойчивого развития, баланс между работой и личной жизнью	Мобилизационные кампании, госзаказы
Пример компаний	Google, Apple	Toyota, Sony, Mitsubishi	Siemens, Nestlé, Bosch	Huawei, Alibaba, State Grid

Источник: составлено автором по [7; 13].

Как следует из данных, представленных в табл. 4, восточные модели выстраивают систему управления человеческими ресурсами посредством гармонизации между такими аспектами как стабильность и вовлеченность в трудовой процесс, в то время как западные модели ориентируются на эффективность и мобильность. Европейские модели отличаются социальной умеренностью и государственным регулирующим участием.

В дальнейшем, в условиях перехода к цифровизации и экономике знаний, акцент смещается на инновации, непрерывное развитие, гибкость персонала. Возникают «обучающиеся организации» (П. Сенге), специалисты по управлению знаниями, HR-аналитики. Возрастают инвестиции в развитие компетенций, коллективные формы проектной работы, внедрение цифровых HR-инструментов. На новом этапе модели HRM интегрируются с финансовым, инновационным и проектным управлением, в результате чего HR становится внутренним консультантом, бизнес-партнером, драйвером изменений. Формулируется новая парадигма «человеческого капитала», где важен вклад знаний, креативности, гражданственности. В совокупности данные изменения отражают современное понимание роли персонала как активного ресурса организации, определяющего эффективность управления и устойчивость ее развития [6].

Таблица 5

Сравнение традиционного отдела кадров и современных стратегических HRM

Аспект	Традиционный отдел кадров	Стратегическое управление человеческими ресурсами / управление человеческим капиталом
Основная роль	Учет, формальное сопровождение, делопроизводство	Стратег, бизнес-партнер, агент изменений
Функции	Прием, увольнение, расчет, учет	Управление талантами, повышение вовлеченности персонала, стратегическое планирование рабочей силы
Используемые инструменты	Бумажный документооборот, штатное расписание	Цифровые HR-системы, аналитика персонала, программы развития лидерства
Мотивация	Табель, оклад, надбавки, штрафы	Гибкая система льгот и компенсаций, развитие личного бренда сотрудника
Вовлечение	Минимальное, «от звонка до звонка»	Гибридное рабочее пространство, обратная связь, виртуальные команды

Продолжение табл. 5

Оценка эффективности	Снижение текучести, отсутствие нарушений	Оценка окупаемости HR-инициатив, индекс лояльности сотрудников, уровень вовлеченности персонала
Корпоративная культура	Формальная, подчинение правилам	Инновационная, основанная на доверии, эмпатии и инклюзивности
Лидерство	Административное, формальное	Сервисное лидерство, развитые системы наставничества и менторинга
Пример цифровых решений	Электронная трудовая книжка	Системы автоматизации управления персоналом, HR-боты, аналитика больших данных
Адаптация сотрудников	Вводный инструктаж	Программы приветственных мероприятий, системы наставников, цифровая адаптация через мобильные приложения

Источник: составлено автором по [2; 9; 20].

Сегодня, развитие HRM идет по пути интеграции цифровых решений, ухода от бюрократии и акценту на индивидуализацию – оценка персонала становится динамичной и многомерной. Трансформация рынков и ускорение инноваций требуют повышенной «гибкости» HRM, поскольку происходит стремительное увеличение нестандартных форм занятости таких как фриланс, аутсорсинг, гибкие графики, появляется акцент на гибкие навыки, эмоциональном интеллекте. Повышается роль межфункциональных команд, проектного управления, внутреннего предпринимательства. Стратегические HRM-подходы связывают успех не только с обучением, но с формированием миссии, лидерством, стимулированием внутренних инициатив, обменом знаниями.

Организации, которые внедряют гибкие модели и развивают культуру открытости, устойчивее к внешним и внутренним кризисам, быстрее реагируют на изменения и более привлекательны для высоко мотивированных сотрудников.

Таблица 6

Инструменты и подходы гибкой модели HRM

Фактор/ группа ин- струментов	Конкрет- ные при- меры ин- струментов	Эффекты для органи- зации	Эффекты для сотруд- ников	Потенци- альные риски/ ограниче- ния
Гибкость занятости	Гибкие и гибридные графики работы, проектная форма занятости, дистанционная работа	Снижение накладных расходов, расширение географии поиска персонала	Повышение баланса между работой и свободным временем, самоуправление	Сложность контроля, риски размывания командной идентичности
Обучение и развитие	Корпоративные университеты, самостоятельное обучение, мобильные образовательные платформы	Ускорение роста компетенций, инновационный климат	Индивидуальные траектории, быстрый карьерный рост	Перегрузка инфорацией, неравномерность доступности
Мотивация и вовлече- ние	Интеграция элементов геймификации, платформа обратной связи, социальные корпоративные сети	Рост эмоционального вовлечения, формирование бренд-амбассадоров	Персонализированные бонусы, публичное признание	Боязнь конкуренции, манипуляции

Продолжение табл. 6

Оценка эффективности	Система целей и ключевых результатов, автоматизированная оценка результативности, многосторонняя оценка персонала	Повышение прозрачности, согласование целей	Понятность результатов и ожиданий, справедливость	Сопротивление новым форматам оценки, цифровая усталость
Управление изменениями	Гибкие методологии управления изменениями, самоорганизующиеся управленческие структуры	Более быстрая адаптация, рост инноваций	Вовлечение персонала в процессы изменений, обучение через практическую деятельность	Проблемы выгорания, стресс, непрерывность изменений
HR-аналитика	Анализ больших массивов данных о персонале, аналитика человеческих ресурсов, прогнозирование текучести кадров, современные системы подбора персонала	Оптимизация затрат, проактивное управление рисками	Объективность карьерных решений, снижение неэффективных процессов	Опасения за приватность, правовые риски

Продолжение табл. 6

Новые инструменты адаптации	Иммерсивное обучение с использованием виртуальной реальности, наставничество с применением цифровых моделей	Индивидуализация и ускорение адаптации	Повышение психологического комфорта, снижение стресса	Высокая стоимость внедрения технологий
-----------------------------	---	--	---	--

Источник: составлено автором по [11; 12; 16; 22].

Таким образом, формирование современных концепций управления человеческими ресурсами обусловлено длительным эволюционным путем развития, начиная от механистического администрирования к холистическим, человекоцентричным, стратегически обоснованным системам. Ведущие тенденции свидетельствуют об интеграции мотивационного, поведенческого и цифрового подходов с учетом организационной культуры, институциональной среды и глобальных вызовов. Современная практика управления человеческими ресурсами (HRM) формируется на стыке разнообразных исторических школ и концепций, каждая из которых обогатила арсенал управленческих инструментов. Однако эффективными оказываются именно те организации, которые способны не просто механически сочетать эти подходы, а интегрировать ценности, систему знаний, возможности профессионального развития и стратегические приоритеты в единую, согласованную управленческую архитектуру [2]. Фундамент для такой интеграции был заложен прежде всего поведенческими и гуманистическими школами, что выразилось в формировании открытой рабочей атмосферы, признании разнообразия сотрудников и построении глубоких механизмов вовлеченности. Вместе с тем, изучение западных, японских и европейских моделей HRM показывает, насколько уникальны и значимы национальные ценности, культурные нормы и институциональные особенности управленческих систем, особенно в контексте транснациональных корпораций. Учет этих различий становится базовым условием эффективной

работы на глобальном рынке, где стандартизированные решения зачастую уступают место гибким адаптивным стратегиям [8].

Сегодня, в условиях XXI в., управление человеческими ресурсами трансформируется в ключевой источник устойчивого конкурентного преимущества. Роль специалиста по HR уже давно вышла за рамки традиционных административных функций — современные профессионалы становятся стратегическими партнерами бизнеса, активно конструируя корпоративную культуру, выступая агентами трансформационных изменений и носителями инновационных практик. Успешная реализация этих ролей невозможна без постоянного совершенствования организационных структур и технологических платформ, развития мягких и цифровых компетенций персонала, а также системных инвестиций в создание и обмен знаниями внутри компании. По сути, долгосрочная устойчивость организации сегодня определяется ее способностью к гибкой адаптации, индивидуализации подходов, стимулированию партисипативного стиля лидерства и глубокой интеграции управления знаниями в HR-стратегии. Указанные изменения в роли и функциях HR-менеджмента во многом обусловлены процессами цифровизации трудовых отношений и кадровой политики, которые трансформируют инструменты управления персоналом, требования к компетенциям и механизмы взаимодействия внутри организаций [11].

В качестве ключевых направлений совершенствования HRM на современном этапе можно выделить следующее. Во-первых, крайне важно внедрять комплексные HR-стратегии, органично вписанные в общекорпоративную политику, чтобы обеспечить единство целей и синхронизацию усилий разных подразделений. Во-вторых, рекомендуется активно использовать цифровую аналитику и современные инструменты управления знаниями для своевременного выявления и развития талантов, что позволит сформировать кадровый резерв, быстро реагировать на изменения рынка и поддерживать высокий уровень компетенций работников. Третьим приоритетом становится построение корпоративной культуры, основанной на доверии, вовлеченности и поддержке сотруднических инициатив, что в долгосрочной перспективе способствует инновационности и удержанию ценных специалистов. Кроме того, необходимы постоянный пересмотр и обновление управленческих инструментов, что обеспечит организационной системе динамичную устойчивость и возможность

использования лучших отечественных и международных практик. И, наконец, принципиально важно формировать разнообразный портфель мотивационных программ и форм занятости, адаптированный к различным поколенческим и культурным ценностям, чтобы удовлетворять ожидания и повышать лояльность широкого круга сотрудников.

Таким образом, современные вызовы, стоящие перед управлением человеческими ресурсами, могут быть эффективно преодолены посредством стратегического, гибкого и человекоцентричного подхода, где центральное место занимают инновации, знания, ценности и развитие человеческого капитала как главного источника конкурентных преимуществ организации.

Литература

1. Бандурина И.П., Ткаченко Л.П. Этапы формирования стратегии управления человеческими ресурсами // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 2. С. 393—396.

2. Белов М.Т., Нуруллина И.Э. Эволюция HR // Научный лидер. 2022. № 49 (94): URL: <https://scilead.ru/article/3428-evolyutsiya-hr> (дата обращения: 10.12.2025).

3. Глухова А.А., Вишнякова Е.Н. О необходимости развития инноваций в системе управления персоналом в организации // Вестник Казанского технологического университета. 2009. № 4. С. 295—301.: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-razvitiya-innovatsiy-v-sisteme-upravleniya-personalom-v-organizatsii> (дата обращения: 10.12.2026).

4. Грэхем Х.Т., Беннет Р. Управление человеческими ресурсами / Пер. с англ.; под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. М.: Юнити-Дана, 2003. 584 с.: URL: https://moodle.kstu.ru/pluginfile.php/76849/mod_resource/content/1/%D0%A3%D0%A7%D0%A0_%D0%93%D1%80%D1%8D%D1%85%D0%B5%D0%BC.pdf (дата обращения: 10.12.2025).

5. Жилинская Н.Н., Корженевская Г.М. Эволюция HR-менеджмента // Бизнес. Образование. Экономика: междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1—2 апр. 2021 г.: сб. ст. Минск: Ин-т бизнеса БГУ, 2021. С. 667—669: URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/269853> (дата обращения: 10.12.2025).

6. *Кокорев А.А., Павлов А.Ю.* Мотивация персонала как инструмент эффективного управления предприятием // Вестник Южного федерального университета. Сер. Экономические науки. 2014. № 2. С. 102—111: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-personala-kak-instrument-effektivnogo-upravleniya-predpriyatiem> (дата обращения: 10.12.2025).

7. *Косинов Д.А., Забавина Е.Ю.* Эволюция подходов к управлению человеческими ресурсами // Человек. Знак. Техника: II междунар. междисциплинар. молодеж. форум: сб. науч. ст. Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2022. С. 103—108: URL: https://repo.ssau.ru/jsru/bitstream/123456789/31787/1/978-5-93424-878-0_2022-103-108.pdf (дата обращения: 10.12.2025).

8. *Кузнецова Н.В.* История менеджмента: учеб. пособие. Владивосток: Дальневост. гос. ун-т, 2001. 216 с.: URL: https://www.phantastike.com/management/istoriya_menedzmenta/pdf/ (дата обращения: 10.12.2025).

9. *Маслов В.П., Синяева Л.П., Патутина Е.С.* Пути трансформации роли HR-менеджера в современной экономике // Вестник Самарского государственного университета путей сообщения. 2021. № 1 (51). С. 85—90.

10. *Зайцева Н.В., Кандричина И.Н.* Эволюция подходов и технологий управления персоналом // Труды БГТУ. Сер. 6. История, философия. 2023. № 2 (275). С. 115—119: DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-21.

11. *Шишкин Д.С.* Эволюция взглядов на роль цифровизации в развитии трудовых отношений и кадровой политики // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2024. Т. 16. № 1. С. 80—103: DOI: 10.38050/2078-3809-2024-16-1-80-103.

12. *Осипова О.С.* Эволюция работы HR-служб с разными поколениями сотрудников в условиях перехода к цифровой экономике // Проблемы теории и практики управления. 2021. № 2. С. 206—223.

13. *Горлачев П.В., Лавриненко Н.А., Монахова Н.А., Кунаковская И.А., Загнитко С.Н.* Управление человеческими ресурсами: исторический ракурс и современность // Управленческий учет. 2021. № 11. С. 645—658: URL: <https://uprav-uchet.ru/index.php/journal/article/view/1400/880> (дата обращения: 10.12.2025).

14. *Шаматрина А.Н.* Исторические предпосылки возникновения концепции управления человеческими ресурсами // Экономика сегодня: современное состояние и перспективы развития (Вектор—

2021): материалы Всерос. науч. конф. мол. исследователей с междунар. участием. М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2021. С. 27—31.

15. *Meshoulam I., Baird L.* Proactive Human Resource Management // Human Resource Management. 1987. Vol. 26. No. 4. P. 483—502. DOI: 10.1002/hrm.3930260405.

16. *Beer M., Boselie P., Brewster C.* Back to the Future: Implications for the Field of HRM of the Multistakeholder Perspective Proposed 30 Years Ago // Human Resource Management. 2015. Vol. 54. No. 3. P. 427—438. DOI: 10.1002/hrm.21726.

17. *Boxall P.* The Strategic HRM Debate and the Resource-Based View of the Firm // Human Resource Management Journal. 1996. Vol. 6. No. 3. P. 59—75. DOI: 10.1111/j.1748-8583.1996.tb00412.x.

18. *Guest D.E., Peccei R.* The Nature and Causes of Effective Human Resource Management // British Journal of Industrial Relations. 1994. Vol. 32. No. 2. P. 219—242. DOI: 10.1111/j.1467-8543.1994.tb01042.x.

19. *Parry E., Morley M.J., Brewster C.* Contextual Approaches to Human Resource Management: an Introduction // The Oxford Handbook of Contextual Approaches to Human Resource Management / E. Parry, M.J. Morley, C. Brewster. (eds.) Oxford: Oxford University Press, 2021. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190861162.013.1.

20. *Drucker P.F.* The Practice of Management. N. Y.: Harper Collins, 2011. 416 p.

21. *Hendry C., Pettigrew A.* Human Resource Management: an Agenda for the 1990s // The International Journal of Human Resource Management. 1990. Vol. 1. No. 1. P. 17—43. DOI: 10.1080/09585199000000038.

22. *Becker G.S.* Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education / 3rd ed. Chicago; London: University of Chicago Press, 2009. 412 p.

References

1. *Bandurina I.P., Tkachenko L.P.* Etapy formirovaniya strategii upravleniya chelovecheskimi resursami // Aktual'nye voprosy sovremennoj ekonomiki. 2022. № 2. S. 393—396.

2. *Belov M.T., Nurullina I E.* Evolyuciya HR // Nauchnyj lider. 2022. № 49 (94): URL: <https://scilead.ru/article/3428-evolyutsiya-hr> (data obrashcheniya: 10.12.2025).

3. *Gluhova A.A., Vishnyakova E.N.* O neobходимosti razvitiya innovacij v sisteme upravleniya personalom v organizacii // Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta. 2009. № 4. S. 295—301: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-razvitiya-innovatsiy-v-sisteme-upravleniya-personalom-v-organizatsii> (data obrashcheniya: 10.12.2026).

4. *Grekhem H.T., Bennet R.* Upravlenie chelovecheskimi re-sursami Per. s angl.; pod red. T.YU. Bazarova, B.L. Eremina. M.: Yuniti-Dana, 2003. 584 s.: URL: https://moodle.kstu.ru/plugin-file.php/76849/mod_resource/content/1/%D0%A3%D0%A7%D0%A0_%D0%93%D1%80%D1%8D%D1%85%D0%B5%D0%BC.pdf (data obrashcheniya: 10.12.2025).

5. *Zhilinskaya N.N., Korzhenevskaya G.M.* Evolyuciya HR-menedzhmenta // Biznes. Obrazovanie. Ekonomika: mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 1—2 apr. 2021 g.: sb. st. Minsk: In-t biznesa BGU, 2021. S. 667—669: URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/269853> (data obrashcheniya: 10.12.2025).

6. *Kokorev A.A., Pavlov A.YU.* Motivaciya personala kak instrument effektivnogo upravleniya predpriyatiem // Vestnik YUzhnogo federal'nogo universiteta. Ser. Ekonomicheskie nauki. 2014. № 2. S. 102—111: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-personala-kak-instrument-effektivnogo-upravleniya-predpriyatiem> (data obrashcheniya: 10.12.2025).

7. *Kosinov D.A., Zabavina E.YU.* Evolyuciya podhodov k upravleniyu chelovecheskimi resursami // CHelovek. Znak. Tekhnika: II mezhdunar. mezhdisciplinar. molodezh. forum: sb. nauch. st. Sama-ra: Izd-vo SamNC RAN, 2022. S. 103—108: URL: https://repo.ssau.ru/jspui/bitstream/123456789/31787/1/978-5-93424-878-0_2022-103-108.pdf (data obrashcheniya: 10.12.2025).

8. *Kuznecova N.V.* Istoriya menedzhmenta: ucheb. posobie. Vladivostok: Dal'nevost. gos. un-t, 2001. 216 s.: URL: https://www.phantas-tike.com/management/istoriya_menedzhmenta/pdf/ (data obrashcheniya: 10.12.2025).

9. *Maslov V.P., Sinyaeva L.P., Patutina E.S.* Puti transformacii roli HR-menedzhera v sovremennoj ekonomike // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshcheniya. 2021. № 1 (51). S. 85—90.

10. *Zajceva N.V., Kandrichina I.N.* Evolyuciya podhodov i tekhnologij upravleniya personalom // Trudy BGTU. Ser. 6. Istoriya, filosofiya. 2023. № 2 (275). S. 115—119: DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-21.

11. *SHishkin D.S.* Evolyuciya vzglyadov na rol' cifrovizacii v razvitii trudovyh otnoshenij i kadrovoj politiki // Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyj zhurnal. 2024. T. 16. № 1. S. 80—103: DOI: 10.38050/2078-3809-2024-16-1-80-103.

12. *Osipova O.S.* Evolyuciya raboty HR-sluzhb s raznymi pokoleniyami sotrudnikov v usloviyah perekhoda k cifrovojeko-nomike // Problemy teorii i praktiki upravleniya. 2021. № 2. S. 206—223.

13. *Gorlachev P.V., Lavrinenko N.A., Monahova N.A., Kunakovskaya I.A., Zagnitko S.N.* Upravlenie chelovecheskimi resursami: istoricheskij rakurs i sovremennost' // Upravlencheskij uchet. 2021. № 11. S. 645—658: URL: <https://uprav-uchet.ru/index.php/journal/article/view/1400/880> (data obrashcheniya: 10.12.2025).

14. *SHamatrina A.N.* Istoricheskie predposylki vozniknoveniya koncepcii upravleniya chelovecheskimi resursami // Ekonomika segodnya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya (Vektor—2021): materialy Vseros. nauch. konf. mol. issledovatelej s mezhdunar. uchastiem. M.: FGBOU VO «RGU im. A.N. Kosygina», 2021. S. 27—31.

И.Н. СЕЛИВАНОВ

Повышение клиентского сервиса и операционной эффективности на основе операционных плейбуков*

Аннотация. В статье предлагается интегрированная модель управления ростом, прибыльностью и устойчивым развитием бизнеса в компаниях потребительского сектора, основанная на сочетании бюджетирования «с нуля», операционных плейбуков и пакета

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Селиванов И.Н. Повышение клиентского сервиса и операционной эффективности на основе операционных плейбуков // *Философия хозяйства*. 2025. № 6. С. 177—192. DOI: 10.5281/zenodo.18723417.

клиентского сервиса (Customer Service Package). В отличие от традиционных подходов, ориентированных на локальную оптимизацию затрат, модель рассматривает логистику и клиентский сервис как системные инструменты управления бизнес-моделью и ключевыми драйверами финансового результата.

Методологическая основа исследования включает процессно-стоимостной анализ логистических операций и прикладное моделирование цепочек поставок. Показано, что до 60—70% логистических затрат формируется параметрами клиентского поведения: размером заказа, частотой поставок и требованиями к сервису, находящимися вне прямого контроля логистической функции. На основе формализованных расчетов и более чем двадцатилетнего практического опыта автора в компаниях потребительского спроса делается вывод, что устойчивый эффект повышения операционной эффективности достигается за счет трансформации операционной модели и управления логистическим спросом. Внедрение Customer Service Package позволяет структурно снизить транспортные затраты, повысить загрузку ресурсов и обеспечить устойчивый рост без пропорционального увеличения издержек.

Ключевые слова: операционная эффективность, управление цепями поставок, логистика, бюджетирование «с нуля», управленческий учет, устойчивое развитие, потребительский сектор.

Abstract. This paper proposes an integrated management model for growth, profitability, and sustainable development in consumer goods companies, based on the combined application of zero-based budgeting, operational playbooks, and the Customer Service Package. Unlike traditional approaches focused on local cost optimization, the model positions logistics and customer service as systemic instruments for managing the business model and key financial performance drivers.

The research framework integrates process-based cost analysis of logistics operations and applied supply chain modeling. The study demonstrates that up to 60—70% of logistics costs are driven by customer behavior parameters, such as order size, delivery frequency, and service requirements, that lie outside the direct control of the logistics function. Drawing on formalized calculations and more than twenty years of practical experience in consumer goods companies, the paper shows that sustainable improvements in operational efficiency are achieved through

transformation of the operating model and proactive management of logistics demand. The implementation of the Customer Service Package enables structural reductions in transportation costs, improved resource utilization, and sustainable business growth without proportional cost increases.

Keywords: operational efficiency, supply chain management, logistics, zero-based budgeting, management accounting, sustainability, consumer goods sector.

УДК 338
ББК 65

Введение: от оптимизации затрат к управлению развитием бизнеса

В последние десятилетия компании потребительского сектора демонстрировали устойчивый рост выручки за счет расширения ассортимента, географии присутствия и клиентской базы. Однако практический опыт показывает, что при отсутствии трансформации операционной модели рост объемов сопровождается непропорциональным увеличением логистических затрат, снижением маржинальности и ухудшением устойчивости цепочек поставок.

В результате формируется структурная диспропорция, при которой рост продаж не конвертируется в рост прибыли, операционная сложность увеличивается быстрее выручки, а цели устойчивого развития становятся труднодостижимыми. Данный эффект особенно характерен для отраслей с высокой логистической интенсивностью и жесткими требованиями к сервису, включая молочный бизнес, табачную индустрию и сегменты товаров повседневного спроса. В этих условиях операционная эффективность приобретает значение стратегического фактора развития бизнеса, а не инструмента краткосрочного снижения затрат.

Методологические основы исследования

Методология исследования основана на интеграции инструментов управленческого учета, операционного менеджмента и прикладного анализа цепочек поставок, что соответствует современным подходам, развиваемым в рамках профессиональных школ управлен-

ческого учета (СИМА, АССА). Ключевым методологическим элементом является процессно-стоимостной анализ логистических операций, позволяющий рассматривать транспорт и складскую логистику как сквозные бизнес-процессы, формирующие экономический результат компании [3].

В рамках данного подхода применяется системная декомпозиция драйверов затрат, направленная на выявление первопричин формирования логистических расходов, включая параметры клиентского спроса, структуру заказов, частоту поставок, конфигурацию логистической сети и операционные ограничения.

Для обеспечения воспроизводимости управленческих решений выявленные драйверы формализуются в виде операционных плейбуков, которые рассматриваются как институциональный механизм трансляции стратегических приоритетов и логики бюджетирования «с нуля» в конкретные управленческие рычаги на уровне транспорта, складской логистики и клиентского сервиса [7].

Эмпирическая база исследования сформирована на основе более чем двадцатилетнего практического опыта автора по внедрению программ операционной эффективности в международных и локальных компаниях потребительского сектора, включая молочную отрасль, табачный рынок, сегменты товаров личной гигиены и бытовой химии. Накопленные кейсы позволили верифицировать методологические подходы в различных организационных и рыночных контекстах и подтвердить их прикладную применимость.

Структура логистических затрат и экономическая проблема роста

Анализ компаний потребительского сектора демонстрирует устойчивую структуру транспортных затрат, в которой доминирующую роль играет автомобильный транспорт, формирующий около 94% совокупных транспортных расходов (рис. 1).

Ключевая доля приходится на вторичную автодоставку от распределительных центров к клиентам ($\approx 68\%$), что отражает высокую частоту поставок, дробность заказов и значительное влияние клиентского поведения на экономику логистики. Первичная доставка от производственных площадок к распределительным центрам ($\approx 26\%$) характеризуется более высокой степенью консолидации и, как правило, лучшей управляемостью затратами. Прочие виды транспорта

(≈6%) выполняют вспомогательную функцию и не оказывают системного влияния на общую структуру логистических расходов.

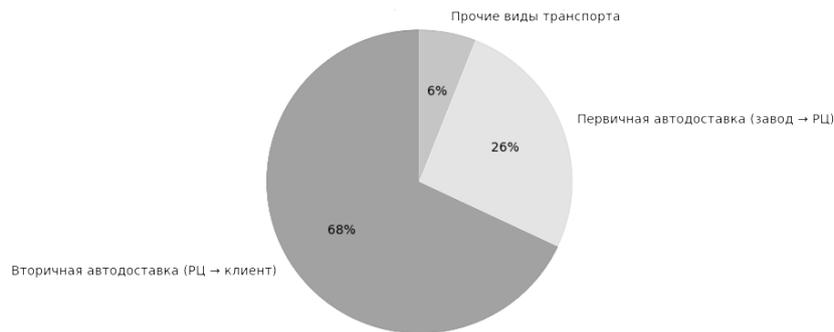

Рис. 1. Структура логических транспортных затрат в компаниях потребительского сектора (составлено автором)

Ключевая доля приходится на вторичную автодоставку от распределительных центров к клиентам (≈68%), что отражает высокую частоту поставок, дробность заказов и значительное влияние клиентского поведения на экономику логистики. Первичная доставка от производственных площадок к распределительным центрам (≈26%) характеризуется более высокой степенью консолидации и, как правило, лучшей управляемостью затратами. Прочие виды транспорта (≈6%) выполняют вспомогательную функцию и не оказывают системного влияния на общую структуру логистических расходов.

Полученная структура подтверждает ключевой тезис статьи о том, что основной потенциал повышения операционной эффективности и устойчивого развития бизнеса сосредоточен не в оптимизации тарифов или смене видов транспорта, а в управлении параметрами вторичной дистрибуции и клиентским поведением. Это обосновывает фокус дальнейшего анализа на операционных плейбуках автомобильных перевозок и инструментах управления клиентским сервисом, включая Customer Service Package и логистические ценовые карты.

Логистика как инструмент управления ростом, а не только затратами

Практика функционирования компаний потребительского сектора показывает, что до 60—70% логистических затрат формируются не инфраструктурными ограничениями и не уровнем тарифов, а параметрами клиентского спроса, прежде всего размером заказов, частотой поставок, а также требованиями к комплектации, сервису и индивидуальным условиям обслуживания. Эти параметры напрямую задаются коммерческой моделью работы с клиентами и в большинстве случаев исторически сложившимися практиками продаж, ориентированными на максимизацию выручки и уровня сервиса без учета полной стоимости обслуживания.

С точки зрения бизнеса данная ситуация означает, что логистика фактически выступает «поглотителем» коммерческих решений, принимаемых без экономической валидации. Стимулирование мелких и частых заказов, расширение ассортимента, индивидуализация сервиса и предоставление нестандартизированных условий поставки увеличивают операционную сложность и приводят к росту переменных логистических затрат, который не компенсируется дополнительной маржой. В результате рост выручки сопровождается снижением операционной эффективности и размыванием прибыльности на уровне клиента, канала или продукта.

В этой логике управление логистикой, ограниченное рамками функциональной оптимизации — снижением тарифов, повышением производительности складов или локальной оптимизацией маршрутов — неизбежно приводит лишь к краткосрочным и локальным улучшениям. Такие меры не затрагивают первопричину затрат, поскольку не изменяют коммерческое поведение клиентов и не влияют на параметры логистического спроса, лежащие в основе операционной модели.

Для перехода от локальной оптимизации к устойчивому росту требуется интеграция логистических, коммерческих и финансовых решений в единую систему управления. Это предполагает смещение управленческого фокуса с обслуживания любого спроса к осознанному формированию экономически обоснованного спроса на логистику. В практическом измерении это означает, что решения о размере заказа, частоте поставок и уровне сервиса должны приниматься

с учетом их влияния на полную стоимость обслуживания и маржинальность, а не только на показатели продаж и уровня сервиса.

Таким образом, логистика перестает быть исключительно функцией исполнения и становится инструментом управления бизнес-моделью [2]. Управление клиентским поведением — через правила сервиса, тарифные механизмы и операционные плеейбуки — позволяет не только сдерживать рост затрат, но и направлять рост выручки в экономически устойчивые сегменты.

Customer Service Package (CSP) как системообразующий элемент

Customer Service Package (пакет клиентского сервиса, далее CSP) в рамках данной статьи рассматривается не как инструмент тактического ценообразования или совокупность коммерческих условий, а как системообразующий элемент операционной и управленческой архитектуры компаний потребительского сектора. Его экономическая сущность заключается в формализации взаимосвязи между параметрами клиентского обслуживания и полной стоимостью обслуживания клиента (Total Cost to Serve, TCTS), что позволяет трансформировать логистику из функции исполнения в механизм управления бизнес-моделью.

С позиции управленческого учета CSP опирается на принципы процессно-стоимостного анализа, в рамках которого клиент рассматривается как объект потребления ресурсов цепочки поставок. Полная стоимость обслуживания агрегирует транспортные, складские, административные и сервисные затраты, формируемые конкретными параметрами клиентского поведения — размером заказов, частотой поставок, требованиями к комплектации, срочностью и индивидуальными условиями обслуживания. Тем самым CSP переводит управление логистикой с агрегированного уровня затрат на уровень управляемых драйверов, задаваемых коммерческими решениями.

Системная роль CSP проявляется в нескольких взаимосвязанных измерениях. Во-первых, он выполняет функцию защиты прибыльности при росте выручки, позволяя выявлять и корректировать экономически неустойчивые модели клиентского поведения до того, как они оказывают критическое влияние на финансовый результат. Во-вторых, CSP направляет рост бизнеса в сегменты и форматы со-

трудничества, обеспечивающие положительный вклад в маржу и эффективность использования операционных ресурсов, выступая инструментом селективного, а не механического роста. В-третьих, CSP снижает операционную сложность за счет стандартизации сервисных требований и ограничения их вариативности, что приводит к сокращению числа сценариев исполнения, повышению предсказуемости потоков и снижению скрытых затрат, связанных с нестандартными операциями. В-четвертых, CSP формирует институциональную основу для совместного развития с ключевыми клиентами, перевода взаимодействия в плоскость полной стоимости обслуживания и экономической эффективности цепочки поставок.

В рамках интегрированной системы управления бизнесом CSP выступает связующим звеном между бюджетированием «с нуля» (Zero Based Budgeting, далее ZBB), операционными плейбуками и коммерческой стратегией. Он обеспечивает практическую реализацию принципов ZBB на уровне клиентских решений и позволяет перераспределять ресурсы в пользу форм обслуживания, создающих наибольшую долгосрочную ценность. В этом качестве Customer Service Package рассматривается как ключевой элемент устойчивого управления ростом, прибыльностью и операционной эффективностью компаний потребительского сектора.

Кластеризация клиентов как основа CSP. Кластеризация клиентов в рамках Customer Service Package является ключевым механизмом перехода от функционального управления логистикой к интегрированному управлению бизнес-моделью. С научной точки зрения данный подход опирается на принципы управленческого учета, сегментации по экономической ценности и концепцию полной стоимости обслуживания клиента (Total Cost to Serve). В отличие от традиционной сегментации, основанной преимущественно на объемах продаж или рыночной доле, CSP-кластеризация фокусируется на способности клиента создавать экономическую ценность с учетом операционной сложности обслуживания и потенциала долгосрочного роста [4].

Методологически кластеризация строится в двухмерном пространстве (рис. 2). По оси X отражается экономическая прибыльность клиента или его готовность компенсировать логистические затраты, выражаемая через вклад в маржу, ценовой уровень относительно затрат или принятие экономически оптимальных условий сервиса. По

оси Y фиксируется потенциал роста клиента, включающий ожидаемую динамику выручки, стратегическую значимость канала и возможности расширения сотрудничества в среднесрочной перспективе.

Формально индекс клиента (i) может быть задан как:

$$P_i = EBIT_i / Revenue_i \quad (1)$$

$$G_i = \Delta Revenue_i / Revenue_i \quad (2)$$

где P_i — показатель прибыльности, G_i — потенциал роста.

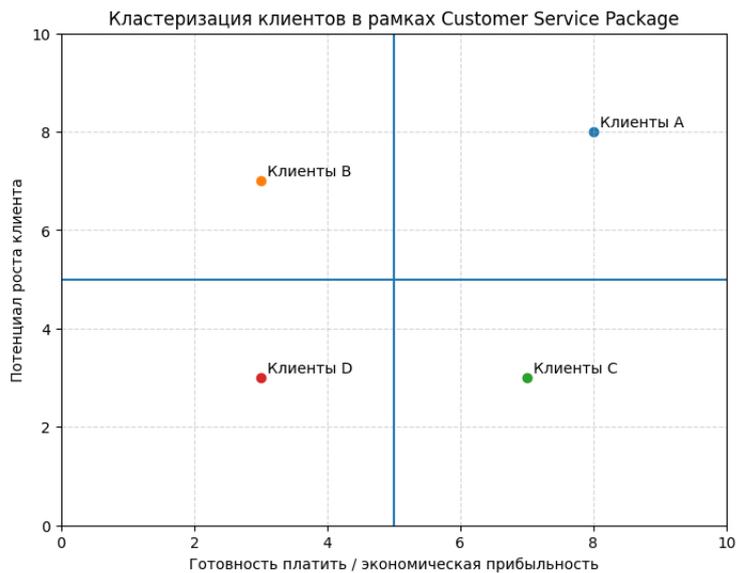

Рис. 2. Кластеризация клиентов в рамках Customer Service Package (составлено автором)

Такое представление позволяет рассматривать клиента как динамический элемент бизнес-портфеля, требующий дифференцированной стратегии обслуживания. В логике CSP каждому кластеру соответствует набор экономически обоснованных управленческих ре-

шений, определяющих уровень сервиса, тарифную политику и степень вовлеченности компании в совместные инициативы по повышению эффективности.

Клиенты с высокой прибыльностью и высоким потенциалом роста рассматриваются как стратегические партнеры, для которых допустимы инвестиции в расширенный сервис и совместные проекты при условии их ориентации на долгосрочное создание стоимости и повышение эффективности цепочки поставок. Напротив, клиенты с низкой прибыльностью и ограниченным потенциалом роста требуют жесткой стандартизации условий обслуживания, применения минимальных требований или компенсационных надбавок, поскольку их обслуживание в противном случае приводит к структурному размыванию маржи.

С научной точки зрения данная кластеризация формализует компромисс между ростом и эффективностью, являющийся центральной проблемой компаний потребительского сектора. Вместо универсального уровня сервиса CSP предлагает управляемую дифференциацию, при которой ограниченные операционные и финансовые ресурсы направляются в сегменты, создающие наибольшую экономическую и стратегическую ценность, в логике бюджетирования «с нуля».

Практическая значимость подхода заключается в создании прозрачной основы для координации решений коммерческой, логистической и финансовой функций. Параметры заказов, частоты поставок и уровня сервиса перестают быть предметом субъективных компромиссов и начинают опираться на формализованную оценку вклада клиента в финансовый результат и потенциал развития бизнеса. Тем самым кластеризация клиентов формирует фундамент для внедрения CSP как устойчивого управленческого механизма, обеспечивающего баланс между ростом выручки, прибыльностью и операционной устойчивостью.

Матрица стратегий Customer Service Package. Матрица стратегий Customer Service Package (CSP) представляет собой инструмент интеграции клиентской сегментации, коммерческой политики и операционной модели обслуживания. В отличие от традиционных матриц классификации клиентов, ориентированных преимущественно на объем продаж или стратегическую значимость, CSP-

матрица формализует компромисс между ростом, прибыльностью и операционной устойчивостью бизнеса.

Каждый кластер матрицы соответствует экономически обоснованной стратегии взаимодействия с клиентом, определяющей уровень сервиса, допустимую операционную сложность и объем инвестиций в развитие. Тем самым матрица CSP выступает механизмом трансляции абстрактных целей роста и прибыльности в конкретные управленческие решения на уровне коммерческой и логистической функций.

Кластер *A* включает клиентов с высокой текущей прибыльностью и высоким потенциалом роста, формирующих ядро будущей стоимости компании. Стратегия работы с данным кластером ориентирована на развитие долгосрочного партнерства, реализацию совместных проектов и предоставление расширенного сервиса при условии, что соответствующие инвестиции направлены на повышение эффективности цепочки поставок и укрепление конкурентных позиций. В логике бюджетирования «с нуля» такие инвестиции рассматриваются как целевые и оправданные с точки зрения долгосрочного создания стоимости, включая готовность к временному разделению эффекта с клиентом.

Кластер *B* характеризуется сочетанием высокого потенциала роста и низкой текущей прибыльности и отражает типичную для компаний потребительского сектора дилемму между ростом выручки и операционной эффективностью. Стратегия CSP в отношении данного кластера направлена на трансформацию логистического поведения клиентов через экономические стимулы и операционные ограничения с целью перевода роста в устойчивую форму. Ключевыми рычагами выступают укрупнение заказов, снижение частоты поставок, стандартизация требований и совместный поиск более эффективных операционных решений.

Кластер *C* объединяет клиентов с высокой текущей прибыльностью и ограниченным потенциалом роста, представляющих стабильный источник маржи. Основными задачами стратегии являются защита достигнутого уровня прибыльности и предотвращение деградации операционной модели. CSP используется здесь как инстру-

мент стандартизации условий обслуживания и фиксации экономически обоснованных параметров сервиса, что позволяет сдерживать «ползучий» рост операционной сложности.

Кластер *D* включает клиентов с низкой прибыльностью и ограниченным потенциалом роста и характеризуется отрицательным либо маргинально нейтральным вкладом в создание стоимости. Стратегия взаимодействия с данным сегментом основана на минимизации операционной сложности и защите общей экономики бизнеса и предполагает применение надбавок за неэффективное поведение, установление минимальных требований к размеру заказа и частоте поставок, а в отдельных случаях — пересмотр формата сотрудничества. Это позволяет высвободить операционные и финансовые ресурсы для более перспективных сегментов клиентского портфеля.

В совокупности матрица стратегий CSP формирует структурированную модель управления клиентским портфелем, в которой рост выручки рассматривается как функция экономической эффективности и стратегической значимости клиентов. С позиции управленческого учета матрица обеспечивает прозрачность распределения ресурсов, а с позиции бизнеса — согласование целей продаж, логистики и финансов в рамках единой интегрированной системы управления развитием компании.

Таблица 1

Матрица стратегий Customer Service Package

Кластер	Характеристика	Стратегия
<i>A</i>	Высокая прибыльность, высокий рост	Совместные проекты, расширенный сервис
<i>B</i>	Низкая прибыльность, высокий рост	Стимулирование изменения поведения
<i>C</i>	Высокая прибыльность, низкий рост	Защита маржи, стандартный сервис
<i>D</i>	Низкая прибыльность, низкий рост	Надбавки, минимальные требования

Источник: составлено автором.

Математическое обоснование эффективности Customer Service Package

Для количественного обоснования эффективности Customer Service Package (CSP) используется упрощенная, но экономически интерпретируемая модель формирования логистических затрат, позволяющая выявить ключевые точки управленческого воздействия. Совокупные логистические затраты компании в общем виде представляются как сумма транспортных и складских затрат:

$$C_{\log} = C_{tr} + C_{wh}, \quad (3)$$

где C_{tr} отражает затраты на транспортировку продукции, а C_{wh} — затраты, связанные со складской обработкой и хранением. В рамках данного раздела фокус сделан на транспортной составляющей, поскольку именно она формирует основную долю логистических расходов в компаниях потребительского сектора и обладает наибольшей чувствительностью к параметрам клиентского поведения.

Транспортные затраты аппроксимируются следующей зависимостью:

$$C_{tr} = \sum_{i=1}^N q_i \cdot d_i \cdot r (1 + \alpha(1 - u_i) + \beta e_i), \quad (4)$$

где q_i — объем перевозимого груза по заказу i , d_i — расстояние перевозки, r — базовый тариф за единицу расстояния, u_i — коэффициент загрузки транспортного средства, e_i — доля неэффективного пробега, а коэффициенты α и β отражают чувствительность затрат к недозагрузке и неэффективным перемещениям соответственно.

Данная формализация подчеркивает принципиальный момент: тариф r является экзогенным параметром, слабо контролируемым компанией в среднесрочной перспективе, тогда как переменные u_i и e_i напрямую зависят от структуры логистического спроса и, следовательно, от клиентского поведения. Именно эти параметры выступают ключевыми драйверами роста затрат и одновременно основными объектами управленческого воздействия.

Customer Service Package воздействует на параметры u_i и e_i опосредованно — через изменение условий обслуживания клиентов.

Укрупнение заказов и консолидация поставок повышают коэффициент загрузки транспорта, снижение частоты доставок уменьшает количество рейсов и долю порожнего пробега, а стандартизация сервисных требований снижает операционную сложность маршрутизации. Тем самым CSP не влияет на тариф напрямую, но изменяет конфигурацию логистических потоков, в рамках которой тариф применяется более эффективно.

С управленческой точки зрения CSP выступает инструментом не столько прямой оптимизации затрат, сколько повышения эффективности использования логистических ресурсов. В терминах управленческого учета это соответствует переходу от контроля затрат к управлению драйверами затрат и принципам performance management [1]. Рост коэффициента загрузки транспорта и сокращение неэффективных перемещений приводят к высвобождению операционной емкости, создавая дополнительный потенциал для роста бизнеса без пропорционального увеличения затрат.

Таким образом, математическая модель подтверждает ключевой тезис статьи: устойчивый эффект повышения операционной эффективности достигается не за счет давления на тарифы, а за счет системного управления параметрами логистического спроса.

Заключение

Проведенный в статье анализ позволяет сделать фундаментальный вывод: устойчивый рост бизнеса в компаниях потребительского сектора невозможен без целенаправленной трансформации операционной модели и переосмысления роли логистики и клиентского сервиса в создании стоимости. Рост выручки, не сопровождаемый управлением структурой логистического спроса и операционной сложностью, приводит к размыванию маржи, снижению эффективности использования капитала и ухудшению устойчивости бизнеса.

Интеграция бюджетирования «с нуля», операционных плейбуков и Customer Service Package обеспечивает переход от реактивного управления затратами к проактивному управлению развитием бизнеса. В рамках данной модели логистика перестает быть вспомогательной функцией и становится инструментом управления прибыльностью, масштабируемостью и устойчивым ростом. Научная но-

визна статьи заключается в формализации взаимосвязи между управлением логистическим спросом, операционной моделью и финансовыми результатами бизнеса, а также в интеграции управленческих инструментов, традиционно рассматриваемых разрозненно. Практическая значимость работы состоит в том, что предложенная система может быть непосредственно использована компаниями потребительского сектора как основа для трансформации операционной модели и устойчивого развития в условиях ограниченных ресурсов и высокой конкурентной среды.

В заключение следует подчеркнуть, что предложенный подход не является разовой программой повышения эффективности. Он представляет собой долгосрочную управленческую парадигму, позволяющую компаниям расти, сохраняя контроль над прибыльностью, эффективностью использования капитала и устойчивостью операционной модели. Именно такая интегрированная логика управления становится ключевым фактором конкурентоспособности и создания стоимости в современном потребительском бизнесе.

Литература

1. ACCA. Performance Management and Cost Management. Association of Chartered Certified Accountants. L, 2018. P. 45—78.
2. *Christopher M.* Logistics and Supply Chain Management. L, Pearson Education, 2016.
3. CIMA. Managing Value Creation. Chartered Institute of Management Accountants, 2016.
4. *Gattorna J.* Dynamic Supply Chains: Delivering Value Through People. L, Pearson Education, 2010. P. 22—49.
5. *Ivanov D., Dolgui A., Sokolov B.* The Impact of Digital Technology and Industry 4.0 on the Ripple Effect and Supply Chain Risk Analytics // International Journal of Production Research. 2019. Vol. 57. No. 3. P. 829—846.
6. *Kaplan R.S., Anderson S.R.* Time-Driven Activity-Based Costing. Boston: Massachusetts Harvard Business School Press, 2007.
7. *Kaplan R.S., Norton D.P.* The Execution Premium: Linking Strategy to Operations for Competitive Advantage. Boston: Massachusetts Harvard Business School Press, 2008. P. 101—145.

8. Pyhrr P. Zero-Base Budgeting: A Practical Management Tool for Evaluating Expenses. N. Y.: John Wiley & Sons, 1973. P. 33—72.

Д.М. КАМАРИ

**К вопросу о влиянии инноваций на жизненный цикл
руководителя***

Аннотация. Жизненный цикл трудящегося в организации имеет прямую зависимость от производственных потребностей, от технологических и организационных решений. Эти процессы определяются взаимоотношениями между работодателем и работником. Они могут меняться в зависимости от социально-организационной модели, уровня квалификации и возраста сотрудников. Однако развивающаяся коррупция на фоне отхода от мировых стандартов и регионализации усложняют инновационное развитие стран постсоветского пространства. Цель исследования заключается в определении степени влияния коррупции на эффективность управления предприятием в условиях перехода на инновационную деятельность в России. В результате проведенного исследования был сделан вывод о том, что средний срок пребывания генерального директора частного предприятия сокращается в России в связи с неэффективной кадровой политикой, обусловленной отсутствием инновационной организационной структуры, низкими зарплатами и минимизацией издержек путем оптимизации кадров. Также коррупция в трудовых отношениях развивается и в государственных учреждениях, продолжая тормозить процессы социально-экономического развития регионов России. В связи с этим в такой развивающейся стране, как Россия, требуется совершенствование законодательства в области труда и судебных наказаний за разного рода коррупционные нарушения.

Ключевые слова: коррупция, трудовые отношения, инновации, кадровая политика, регионализация.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Камари Д.М. К вопросу о влиянии инноваций на жизненный цикл руководителя // *Философия хозяйства*. 2026. № 1. С. 192—208. DOI: 10.5281/zenodo.18723472.

Abstract. The life cycle of a worker in an organization is directly dependent on production needs, technological and organizational solutions. These processes are determined by the relationship between the employer and the employee. They can vary depending on the socio-organizational model, skill level and age of employees. However, the developing corruption against the background of a departure from world standards and regionalization complicate the innovative development of the post-Soviet countries. The purpose of the study is to determine the degree of influence of corruption on the effectiveness of enterprise management in the context of the transition to innovation in Russia. The object of the research is analyze the reasons of shortening the life cycle of a CEO under the influence of innovations. As a result of the conducted research, it was concluded that the average tenure of a CEO of a private enterprise is decreasing in Russia due to inefficient personnel policy due to the lack of an innovative organizational structure, low salaries and minimizing costs by optimizing personnel.

Keywords: corruption, labor relationships. Innovation, personnel policy, regionalization.

УДК 338.2
ББК 65

Вводная часть

В настоящее время ускоренное развитие горизонтальной модели социальной мобильности постепенно отражается на жизненном цикле трудовых ресурсов в отдельных предприятиях как России, так и всего остального мира. Это свидетельствует о глубоком кризисе, в который погрузились рабочие отношения. Россия оказалась в эпицентре этих тенденций. Среди трудовых ресурсов высококвалифицированные молодые кадры часто меняют место работы. Однако не только высокий спрос на кадры становится стимулом к смене работы. Работодателям стало выгоднее чаще менять кадровые ресурсы, так как оплата вновь пришедших специалистов начинается с минимального уровня. Такое явление называется умышленная кадровая коррупция. Она распространяется благодаря высокой социальной мобильности. В условиях развития эффективной оплаты труда, перемещение между разными социальными группами позволяет индивиду

лучше изучить имеющиеся возможности увеличения перечня доступных ему ресурсов. Особенно важным это становится в условиях развития инфляционных явлений, когда затраты на обучение растут. Зная об этом, работодатели умышленно злоупотребляют своими полномочиями. Тем не менее постепенное сокращение периода пребывания высококвалифицированных кадров на предприятиях снижает эффективность их деятельности, а значит, в долгосрочной перспективе такая деятельность приносит больше убытков, чем пользы. Период убыточности зависит напрямую от степени коррумпированности предприятия. Труд высококвалифицированного специалиста перестает быть убыточным тогда, когда работник полностью приспосабливается к условиям труда и оплаты. Эти процессы протекают очень сложно, особенно для специалистов высокого уровня, которые ожидают от организации должной корпоративной культуры. Эта культура построена на взаимоотношениях между работниками и работодателем. Частая смена одного сотрудника на другого приводит к постоянной перестройке в системе отношений между работниками и работодателями. В таких условиях корпоративная культура перестает отвечать эффективной работе персонала, так как она противоречит целям компании. Инновационный потенциал от такой деятельности снижается. Вместе с этим происходит быстрое снижение эффективности от деятельности работодателя.

Цель, объект и методы исследования

Проблеме влияния коррупции на эффективность управления предприятием посвящено огромное количество как зарубежных, так и отечественных исследований. Между исследователями существуют расхождения относительно влияния коррупции на развитие предприятия. Одни утверждают, что коррупция позволяет преодолевать разные бюрократические барьеры, которые возникают в процессе взаимодействия с государственными органами (С. Friedrich, S. Huntington, J. Okrah, A. Nepp и др.) [13; 15; 22, 83—94]. Это позволяет компаниям развиваться и получать государственные подряды. Некоторые отечественные исследователи утверждают, что в краткосрочной перспективе коррупция в России даже носит положительный эффект. Но другие считают, что коррупция наносит репутационный ущерб и генеральными директорам и чиновникам (D. Kaufmann, S.-J. Wei, S. Anokhin, W. Schulze и др.) [17, 7—15; 10, 465—476].

Д. Кауфманн и Ш.-Д. Вэй оспаривают гипотезу С. Хангтингтона и его последователей. Используя данные фирм, они пришли к выводу, что коррупция порождает еще больше коррупции и бюрократии. Некоторые исследователи, опираясь на «теорию высших эшелонов» (С. Кошелева), полагают, что организационные результаты являются отражением стратегического выбора управленческого персонала [6, 83—103]. Выбор в сторону коррупции приводит к тому, что компания выстраивает всю свою организационную деятельность в этом направлении. Третьи (А. Суерво-Сазурра и др.) считают, что вопрос недостаточно хорошо изучен и требуется более тщательное рассмотрение степени влияния коррупции [12, 48—49].

Цель исследования сводится к выяснению влияния коррупции на срок полномочий и эффективность управления предприятием руководителем в условиях перехода на инновационную деятельность в России. Объект исследования — ускорение сокращения инновационного цикла руководителя из-за развития коррупции. Научная новизна заключается в попытке объяснить влияние коррупции на эффективность руководителя в России. В качестве методов исследования используется метод количественного анализа показателей среднего срока пребывания руководителя предприятия на своей должности. Был сделан вывод о том, что средний срок пребывания генерального директора предприятия в России сокращается в связи с неэффективной кадровой политикой, обусловленной отсутствием инновационной организационной структуры.

Рынок труда в условиях изменения производственных отношений

Понятие «коррупция» содержится в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О противодействии коррупции». Согласно этому закону, коррупция — это «злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения личной выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера». Однако такое определение не отражает полностью суть коррупционных явлений. Сложно понять, можно ли считать коррупцией массовый перевод сотрудников на внештатную работу или массовые сокращения из-за оптимизации расходов на

персонал. Все это по причине существования тонкой грани между оптимизацией и коррупцией, которую иногда трудно различить. Оптимизация возникает от потребностей производства. На этой основе формируются особенности рынка труда. Многие явления на современном рынке труда показывают ускоренное развитие частной монополии. Она отличается очень низким участием профсоюзного движения в процессах взаимодействия между работодателем и сотрудниками. Поэтому монополия нелегко приживается на рынке труда. Но она распространена в странах Западной Европы и Северной Америки. Некоторые страны взаимодействуют с работниками путем подписания коллективного договора, а другие ведут переговоры на уровне отдельных организаций. В США практика ведения переговоров настолько быстро развивается, что возникают весьма противоречивые и спорные способы взаимодействия с работниками. Это касается использования ограничительных ковенантов. «Соглашения о неконкуренции и непереманивании» между конкурентами на рынке призваны ограничить возможности сотрудников и в конечном итоге приводят к сокращению возможностей сотрудников, в том числе и по части оплаты труда. Подписывая подобный договор, работник обязуется не устраиваться на аналогичные должности даже после увольнения и не оказывать консультационные услуги конкурентам. Фактически ограничительные ковенанты являются следующим этапом за коллективными договорами по усилению позиции работодателя на рынке труда. Так работодатель сужает возможности работника и ставит его в узкие рамки. Зависимость работника от работодателя все больше усиливается, а значит, выбор организации постепенно сужается. К таким трудовым и дисциплинарным инновациям часто прибегают технологические компании, которые пытаются удержать своих сотрудников.

В России преимущественно все больше распространяется взаимодействие на уровне подписания коллективных договоров. Однако в последнее время немало говорится и о необходимости распространения ковенантов. Для этого потребуются внести корректировки на законодательном и подзаконном уровнях. Между прочим, Россия, в отличие от других стран, имеет опыт перехода на строгую трудовую дисциплину, которая граничит чуть ли не с возрождением посессионного права. Это имело место в СССР и может повториться. К таким трудовым отношениям может привести рост консенсуса между

работодателями. Он очень высок на рынке труда в России. Это касается не только зон, в которых высока концентрация организаций (Москва и Санкт-Петербург), но и в зонах с низкой плотностью. Отличительной чертой в России является наличие не только частной, но и частно-государственной и государственной монополии. Она развивается в определенных секторах на основе консенсуса разных участников — авиастроение, вагоностроение, нефте- и газодобыча, атомная промышленность, ракетостроение, исследования и разработки и т. д. Этот консенсус затрагивает и бюджетные организации (образовательные, научные, здравоохранение и пр.). Формирование монополии в определенных секторах сжимает возможности государственных органов по регулированию зарплат [4, 101—103]. Остается только минимальный размер оплаты труда. Считается, что его повышение влияет на рост средних зарплат. Однако это не всегда так. Коллективные договоры, которые подписываются на несколько лет вперед, сильно тормозят процесс роста зарплат. Способствуют этому двойственность в положениях об индексации зарплат и привязка повышения зарплат к росту эффективности организации. В Европе, в США и в целом в мире разница между минимальной зарплатой и средней постепенно сокращается. Точно такое же явление характерно для зарплат разных возрастных и квалификационных групп занятого населения. Зачастую низкоквалифицированные кадры могут зарабатывать одинаково или больше, чем высококвалифицированные специалисты. При этом региональные различия, которые существовали в разных странах мира, будут постепенно уменьшаться. Если раньше только в Нью-Йорке была самая высокая оплата за труд, то постепенно к этому переходят и другие штаты. К федеральной стандартизации оплаты труда стремится и Россия, особенно в бюджетной сфере несмотря на то, что в большинстве регионов давно существует стандартная минимальная заработная плата.

Возрастные и квалификационные особенности трудовых ресурсов в России и в мире

Спрос и предложение трудовых ресурсов зависят от производственных отношений. По состоянию на 2024 г. численность населения мира достигла 8,17 млрд чел. Из них 3,5 млрд можно отнести к занятым. При этом глобальное соотношение занятости к численности населения с 2000-х гг. снижается среди молодежи в возрасте

от 15—24 лет. С тех пор увеличивается количество возрастных трудовых ресурсов (с 55 лет и старше). В России численность занятого населения от 60 лет с 2017 по 2022 г. повысилась на 1,2 млн чел. Большая часть занятого населения старше 60 лет не только в России, но и в мире предпочитает неформальную занятость. Проследить процесс увеличения или уменьшения занятого населения в неформальном секторе крайне трудно из-за постоянных изменений. Объясняется это не только ростом продолжительности жизни, но и увеличением среднего трудового цикла работника. В этом большую роль оказывает политика по повышению пенсионного возраста в развитых и развивающихся странах. С 2017 г. во многих европейских странах таких, как Германия, Австрия, Нидерланды и др., пенсионный возраст увеличился. Он будет и дальше расти из-за ограниченности средств в фондах. При этом минимальный размер пенсии в разных странах мира ниже прожиточного минимума (ПМ). В США размер пенсии составляет 800 долл., что в два раза меньше реального прожиточного минимума в стране. В России минимальная пенсия отстает от прожиточного минимума на незначительную сумму в 3 тыс. р. Однако именно ПМ является границей бедности. Это означает, что количество занятого населения старше 64 лет только будет увеличиваться. Однако большая часть занятого населения старше 64 лет представляет собой квалифицированных или высококвалифицированных кадров. Если представители занятого населения старше 64 лет не выходят на пенсию, они продолжают оставаться у своего предыдущего работодателя или оседают в организациях образования, науки, культуры и медицины. В России это не только бюджетные организации, но и частные. Некоторые неквалифицированные кадры предпочитают работать в сфере оказания услуг. Впрочем, существует огромная разница между разными странами в участии рабочей силы старше 64 лет. Выше всего это различие видно в Японии. Там работает 9,3 млн чел. старше 65 лет, или 13,5% от всего занятого населения (2023) [18]. За Японией следуют Южная Корея и США. В США численность представителей занятого населения старше 65 лет составляет 11 млн чел. В этой стране основная часть старшего работающего поколения занята в сфере оказания услуг (недвижимость, продажи, страховая сфера и т. д.). Средний возраст занятого в мире изменился с 33,8 лет в 1990 г. до 39,6 в 2025 г. [20]. Именно занятое население от 35 до 60 лет наиболее многочисленно. Они представляют основную часть

рабочей силы. Наиболее высокие зарплаты приходятся на эту категорию работников, которые к этому возрасту накапливают достаточное количество опыта и навыков для того, чтобы применять их и тем самым зарабатывать больше. Однако разрыв между зарплатами старшего поколения и среднего постепенно сокращаются. Наиболее уязвимым остается поколение работников до 25 лет, которое только начинает свой путь. Разрыв между зарплатой молодого специалиста и его старших коллег может быть значительным. В России сложно проследить зависимость роста зарплат от возраста и трудового стажа. Зарплата среднестатистического россиянина растет в течение первых 10—20 лет с начала момента трудовой деятельности. По мнению некоторых аналитиков, максимальная зарплата достигается у мужчин в возрасте 30—34 лет и у женщин в возрасте 25—29 лет [1]. Далее она идет на понижение, достигая минимума к предпенсионному и пенсионному возрасту. Тем не менее, думается, что эти показатели занижены на 5 лет. В других странах, таких как США, максимальная зарплата достигается позже, к 45—54 годам [21], хотя в США только 37,7% населения в возрасте 25 лет и старше окончили колледж или высшее учебное заведение. В мире страны по уровню высшего образования среди молодого населения очень сильно отличаются. В России достаточно высокий процент молодых кадров с высшим образованием. Помимо России, к числу стран с самым высоким процентом получения высшего образования относятся Канада, Люксембург, Ирландия и Япония. Следует обратить внимание, что в некоторых странах с высоким уровнем охвата высшим образованием среди молодежи в возрасте от 25 до 34 лет, как и в России, максимальная зарплата в среднем достигается на 5—8 лет раньше (Ирландия, Великобритания, Австралия), чем в странах с более низким охватом высшим образованием. Однако в Канаде максимальная зарплата занятого населения наступает в 45—54-летнем возрасте [16]. После 65 лет она сокращается почти вдвое в этой стране. В Японии и Южной Корее пик зарплат приходится на 54—60 лет. Объясняется это высокой продолжительностью жизни. Разница в зарплатах между молодыми и старшими поколениями в европейских странах может составлять от 25 до 40% от максимального значения. Тем не менее, общие доходы занятого населения разных возрастных групп могут быть не столь значительными из-за регулярных социальных выплат, которые получает старшее поколение после 65 лет в виде пенсий.

Меньше всего получает за свой труд несовершеннолетнее поколение от 5 до 18 лет. Число таких работников в мире увеличивается не только в наименее развитых странах, но в развитых и развивающихся. Кажется, что Россия оказалась в стороне от этой тенденции. Согласно данным Росстата, количество работников от 15 до 19 лет составляет 414 тыс. чел. (2022), что на 52 тыс. меньше, чем в 2018 г. [9, 20]. Но со временем это может измениться. С 1 июня 2023 г. в России был принят закон, который позволяет принимать на работу подростков с 14 лет с письменного согласия родителей. Из-за общего роста вакансий в сфере розничной торговли и острой нехватки кадров в 2024 г. подростки будут все больше привлекаться на внештатной основе. Розничная торговля растет во всем мире, а значит, общее количество подростков и старшего поколения за 65 лет будет постепенно увеличиваться на рынке труда.

При всем этом текучка кадров в России достаточно высокая. 34,8% от всего занятого населения меняло работу раз в пять лет (2022). В 2020 г. это число было выше — 38%. Это более одной трети от всего занятого населения. Самая высокая текучка кадров затронула сферы торговли (43%), транспортировок (33%), культуры, спорта, досуга (33%) и образования (28%). Ежегодная текучка кадров в этих отраслях составляет от 7 до 15% [9, 31].

Жизненный цикл руководителя предприятия в условиях инновационного развития в России

Кадровая коррупция на предприятиях и организационные трудности перехода от оптимизации к инновациям оказывают сильное влияние на срок пребывания руководителей на своей должности. В России после карантинных ограничений 2020—2023 гг. и санкций произошла серьезная смена руководства многих ведущих системных предприятий России. С тех пор произошли перестановки на ведущих предприятиях России. Для понимания ситуации был сделан анализ данных о руководителях 45 ведущих промышленных и строительных предприятий Санкт-Петербурга. Он показал, что средняя продолжительность пребывания на должности генерального директора составляет 6,4 года. Приблизительно такие же показатели при анализе срока пребывания руководителя в финансовых организациях Санкт-Петербурга — 6,3 года. В среднем это выше на 1,4 года, чем в других

странах мира. В Екатеринбурге средний срок пребывания руководителя промышленного предприятия составил 7 лет. В Москве самые низкие показатели — 4,8 года. Причина таких расхождений между городами сводится к уровню спроса и предложения кадров. Чем выше спрос на кадры, тем выше мобильность рабочей силы. В Екатеринбурге из-за ограниченного количества кадров спрос ниже, чем в Москве. Возможность компаний Екатеринбурга сменить персонал, в том числе руководящий, меньше, чем в столице. Возможно, поэтому получило распространение такое явление, как временный менеджмент. Срок такого менеджера составляет 1—1,5 года [14, 37—50]. Хотя предпосылки к временному менеджменту формировались еще в конце 1990-х гг.

Таблица 1

Средний возраст генерального директора в разных городах и областях Российской Федерации

Город/регион	Средний срок пребывания генерального директора на должности	Количество обследуемых предприятий	Годы
Москва, Московская область	4,8 года	40	2023—2024
Санкт-Петербург, Ленинградская область	6,3 года	45	2023—2024
Екатеринбург, Свердловская область	6,9 года	40	2023—2024
Волгоград, Волгоградская область	7 лет	40	2023—2024
Челябинск, Челябинская область	6,5 года	40	2023—2024
Омск, Омская область	5,5 года	40	2023—2024
Пермь, Пермский край	6 лет	40	2023—2024

Источник: составлено автором на основе данных реестра аудиторских организаций.

Р. Капелюшников и Н. Демина на базе панельных данных «Российского экономического барометра» за 1997—2003 гг. пришли к выводу о том, что средний стаж работы генерального директора на должности составлял 8—9 лет [5, 32; 8, 164]. Это свидетельствует о том, что за 20 лет произошло сокращение продолжительности пребывания генерального директора на своей должности на 4 года.

Проблема с персоналом на российских предприятиях гораздо сложнее. Она сводится к выстраиванию отношений между руководителем и работниками. Трудовые отношения стали все более тесными за счет использования средств телекоммуникаций и контроля. Это приводит к росту горизонтальной мобильности, которая ведет к изменению понимания сущности руководителя. При этом прямая связь между руководителем высшего звена и работником усложнилась из-за роста ожиданий работников и более рационального управления со стороны работодателя.

Проблема коммуникации между руководителем и сотрудниками занимает значительное место в понимании причин неэффективного управления. Осознание этого необходимо, поскольку хорошая коммуникация является краеугольным камнем эффективного управления. Согласно классической норме управляемости, на одного руководителя полагается 5—7 подчиненных. Чтобы рассчитать коэффициент эффективности связи руководителя с сотрудниками, можно воспользоваться следующей формулой:

$$\text{коэффициент эффективности} = \frac{\text{количество поддерживаемых полноценных связей}}{\text{общее число сотрудников}} * 100\%$$

Таким образом, если у руководителя находится в подчинении 50 сотрудников, но поддерживает он хорошую связь и отношения только с семью сотрудниками, то коэффициент эффективности такого руководителя составляет 14%. В то же время многое зависит от темпов увеличения размера предприятия. Если предприятие растет или уменьшается быстрыми темпами, то меняется его персонал и организационная структура. В этом случае эффективность руководителя идет на убыль. За процессом оптимизации кадров следует инновация. С реализацией такого алгоритма возникают трудности. Вследствие этого срок пребывания руководителя уменьшается.

Эффективность руководителя начинает исчерпываться с того момента, как заканчивается инновационный потенциал его и его окружения. И хотя в некоторых исследованиях утверждается, что руководитель раскрывается только после четырех лет работы на предприятии [23, 208—217], на самом деле многое имеет индивидуальный характер. Опросы разных лет показывают, что начальник, склонный к нововведениям, более привлекателен для работников, чем консерватор (ВЦИОМ) [2]. Особенно это необходимо становится в бюджетной сфере, где работает более 40% от занятого населения. Средний срок пребывания руководителя в бюджетных организациях кардинально отличается. В сфере образования (общее и среднее), здравоохранения, культуры и науки он составляет от 10 лет. Высока доля руководителей бюджетных организаций, которые находятся на своей должности свыше 15 лет. В таких организациях высока доля нарушений, в том числе и в области трудовых прав. Одним из факторов может быть и возрастной состав бюджетных организаций, который более консервативен по сравнению с молодым поколением. И хотя появляются исследования, доказывающие обратное, количество нарушений опровергает эту гипотезу [26, 543—576]. Например, анализ проверок организаций начального и среднего образования Генеральной прокуратурой в Москве показал, что в среднем в 50—60% случаев выявляются нарушения [3]. Однако этот процесс вовлекает разные заинтересованные стороны, которые участвуют в процессе получения ренты. В любом случае такая коррупция приводит к серьезным издержкам в образовании. Со временем она приводит и к сокращению государственных расходов на образование [19, 263—279]. Между прочим, с 2019 г. идет планомерное сокращение расходов на образование с 4,8 трлн р. в 2019 г. до 4,7 трлн в 2022 г. [7, 26]. Но это лишь одна сфера. Коррупция затрагивает все сферы, в том числе и оборонно-промышленный комплекс, и научные исследования. Исследование Д. Атанасули и А. Гужара на базе данных о компаниях Центральной и Восточной Европы показало, что фирмы, более зависимые от контрактов, расположенных в более коррумпированных регионах, имеют более низкое качество управления, более централизованный процесс принятия решений и более низкий уровень образования административного персонала [11, 1014—1034]. Согласно данным Transparency International, Россия в 2023 г. оказалась в одном

ряду по уровню коррупции с такими странами, как Киргизия, Уганда, Либерия и Гвинея [24].

В инновационной кадровой политике коррупция проявляется в виде фиктивного трудоустройства, удержания заработной платы, использования служебного положения и т. д. Все это отражается на инновационном потенциале предприятия и должно учитываться при выстраивании правильной инновационной стратегии. Все это требует совершенствования законодательства, судебной системы и создания условий для работы общественных институтов, которые имеют большое значение для борьбы с неформальными институтами [25, 441—468]. К примеру, в ТК РФ не содержатся сведений относительно ограничений по количеству выдвижений на должность руководителя (генерального директора или директора). Иными словами, руководители как государственных, так и частных предприятий могут переизбираться неограниченное количество раз. Более того, с 2014 г. появилась возможность назначать двух и более генеральных директоров. Те или иные меры должны способствовать переходу на инновационное развитие. Однако низкие зарплаты и инновации несовместимы, так как инновационное развитие предполагает работу команд и людей для выстраивания оптимальной стратегии. Налаживание процессов инновационного развития предусматривает привлечение высококвалифицированных специалистов, которые оценивают высоко свой труд. Особенно это касается иностранных специалистов.

Заключение

Таким образом, сокращение жизненного цикла простых сотрудников отражается и на жизненном цикле руководителя. Тому способствует тенденция к оптимизации расходов на персонал и высокий уровень коррупции, который отражается на государственных и частных организациях. Его рост за последние два года замедлил инновационное развитие страны из-за снижения расходов на образование и научные исследования. Прежде всего, это касается инновационной кадровой политики. Все это выразилось в дисбалансе роста зарплат в разных отраслях и уровня социально-трудовых конфликтов, которые стали все более напряженными. К тому же происходит изменение возрастных и квалификационных особенностей как управляющих кадров, так и простого персонала. Старение кадров в

тех или иных отраслях может негативно сказаться на общем развитии, так как творческий потенциал такого занятого населения ниже, чем у более молодого поколения. Основная проблема большинства организаций России сводится к переходу от оптимизации на инновации в условиях неизвестности. Именно поэтому управление консервативными методами становится фактором замедления развития и роста коррупции в России. Для того чтобы улучшить ситуацию, страна нуждается в совершенствовании законодательства и судебной системы.

Литература

1. Аналитики назвали возраст зарплатного максимума у россиян: URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2022/vozr-zarpl-maksimum/> (дата обращения: 10.12.2025).
2. Идеальный босс — 2021. ВЦИОМ 03 ноября 2021 г.: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnyi-boss-2021> (дата обращения: 10.12.2025).
3. Камари Д.М. Гендерный разрыв в оплате труда россиян растет // Независимая газета. 2025: URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2025-01-15/3_9171_kb.html (дата обращения: 10.12.2025).
4. Камари Д.М. Целесообразность использования индекса Кейтца: за и против // Социально-трудовые исследования. 2025. № 1. С. 100—107.
5. Капелюшников Р.И., Демина Н.В. Обновление высшего менеджмента российских промышленных предприятий: свидетельства «Российского экономического барометра» // Российский журнал менеджмента. 2005. № 3. С. 27—42.
6. Кошелева С.В. Компания как отражение влияние личности руководителя: от предложений к доказательствам, от практики к теории // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. № 3. С. 89—103.
7. Образование в цифрах: 2023: Краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.К. Озерова и др. М., 2023.
8. Роцин С.Ю., Солнцев С.А. Рынок труда топ-менеджеров в России. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2006. 251 с.
9. Труд и занятость в России. 2023: Стат. сб. М.: Росстат, 2023.

10. *Anokhin S., Schulze W.* Entrepreneurship, innovation, and corruption // *Journal of Business Venturing*. 2009. Vol. 24. Iss. 5. P. 465—476.
11. *Athanasouli D., Goujard A.* Corruption and management practices: Firm level evidence // *Journal of Comparative Economics*. 2015. Vol. 43. Iss. 4. P. 1014—1034.
12. *Cuervo-Cazurra A.* Corruption in international business // *Journal of World Business*. 2016. No. 51 (1). P. 35—49.
13. *Friedrich C.* *The Pathology of Politics: Violence, Betrayal, Corruption, Secrecy and Propaganda*. N. Y.: Harper & Row, 1972. 287 p.
14. *Goss D.* Understanding interim management // *Human Resource Management Journal*. 1998. Vol. 8. P. 37—50: URL: <https://interimcfo.wordpress.com/wp-content/uploads/2015/01/understanding-in-interim-management.pdf> (дата обращения: 10.12.2025).
15. *Huntington S.* *Political Order in Changing Societies*. New Haven-London: Yale University Press, 1973. 263 p.
16. Income of individuals by age group, sex and income source. Statistics Canada: URL: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=1110023901> (дата обращения: 10.12.2025).
17. *Kaufmann D., Wei S.-J.* Does «Grease Money» Speed up the Wheels of Commerce? // NBER. Working Paper 7093. 1999. P. 1—29: URL: <https://www.nber.org/papers/w7093> (дата обращения: 10.12.2025).
18. Labor force in Japan from 2014 to 2023, by age group. Statista: URL: <https://www.statista.com/statistics/1123355/japan-total-labor-force-by-age-group/> (дата обращения: 10.12.2025).
19. *Mauro P.* Corruption and the composition of government expenditure // *Journal of Public Economics*. 1998. Vol. 69. Iss. 2. P. 263—279.
20. Median age of global labor force from 1990 to 2025. Statista: URL: <https://www.statista.com/statistics/996530/median-age-global-labor-force-years/#:~:text=In%202019%2C%20the%20median%20age,to%20increase%20to%2039.6%20years> (дата обращения: 10.12.2025).
21. Median usual weekly earnings of full-time wage and salary workers by age and sex. U.S. Bureau of labor statistics: URL: <https://www.bls.gov/charts/usual-weekly-earnings/usual-weekly-earnings-current-quarter-by-age.htm> (дата обращения: 10.12.2025).

22. *Okrah J., Nepp A.* The Contradictory Role of Corruption in Corporate Innovation Strategies // *Foresight and STI Governance*. 2022. Vol. 16. Iss. 3. P. 83—94.

23. *Okrah J., Irene B.* The effect of top managers' years of experience on innovation // *International Journal of Innovation Studies*. 2023. Vol. 7. P. 208—217.

24. Our Work in Russia. Transparency International: URL: <https://www.transparency.org/en/countries/russia> (дата обращения: 10.12.2025).

25. *Puffer S., McCarthy D., Boisot M.* Entrepreneurship in Russia and China: The impact of formal Institutional Voids // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2010. Vol. 34. Iss. 3. P. 441—468.

26. *Rudolph C., Zacher H.* How, Why and When is the average age of employees related to climate for innovation? The Role of Age Diversity, Focus on Opportunities, and Work engagement // *Group and Organization Management*. 2022. Vol. 49. P. 543—576.

References

1. Analitiki nazvali voзраст zarplatnogo maksimuma u rossiyan: URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2022/vozzr-zarpl-maksimum/> (data obrashcheniya: 10.12.2025).

2. Ideal'nyj boss — 2021. VCIOM 03 noyabrya 2021 g.: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnyi-boss-2021> (data obrashcheniya: 10.12.2025).

3. *Kamari D.M.* Gendernyj razryv v oplate truda rossiyan rastet // *Nezavisimaya gazeta*. 2025: URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2025-01-15/3_9171_kb.html (data obrashcheniya: 10.12.2025).

4. *Kamari D.M.* Celesoobraznost' ispol'zovaniya indeksa Kejtca: za i protiv // *Social'no-trudovye issledovaniya*. 2025. № 1. S. 100—107.

5. *Kapelyushnikov R.I., Demina N.V.* Obnovlenie vysshego menedzhmenta rossijskih promyshlennyh predpriyatij: svidetel'stva «Rossijskogo ekonomicheskogo barometra» // *Rossijskij zhurnal menedzhmenta*. 2005. № 3. S. 27—42.

6. *Kosheleva S.V.* Kompaniya kak otrazhenie vliyaniya lichnosti rukovoditelya: ot predlozhenij k dokazatel'stvam, ot praktiki k teorii // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2008. № 3. S. 89—103.

7. *Obrazovanie v cifrah: 2023: Kratkij statisticheskij sbornik* / T.A. Varlamova, L.M. Gohberg, O.K. Ozerova i dr. M., 2023.
8. *Roshchin S.YU., Solncev S.A. Rynok truda top-menedzherov v Rossii*. M.: Izdat. dom GU-VSHE, 2006. 251 c.
9. *Trud i zanyatost' v Rossii. 2023: Stat. sb.* M.: Rosstat, 2023.

V

**АКТУАЛЬНАЯ
СОЦИОЛОГИЯ**

О.А. ГАБРИЕЛЯН, А.А. ЗОТКИН

**Перспективы использования теории архетипов
в конструировании образа героя в медиапространстве
России***

Аннотация. В статье предпринята попытка обоснования использования теории архетипов в конструировании образа героя в медиапространстве России. Использована типология архетипов К. Пирсон, а также их связь с уровнями потребностей и моделями мотивации. На результатах трех эмпирических исследований изучено отношение респондентов к образам героев советского, зарубежного и современного российского кино, каждый из которых соответствовал тому или иному архетипу. Выведена итоговая матрица, обосновывающая взаимосвязь восприятия архетипов через образы кино и мотивационных моделей поведения.

Ключевые слова: герой, архетип, образ, смысл, медиа, социология кино.

Abstract. The article attempts to substantiate the use of the theory of archetypes in constructing the image of a hero in the media space of Russia. The typology of K. Pearson archetypes is used, as well as their relationship with levels of needs and models of motivation. Based on the results of 3 empirical studies, the respondents' attitude to the images of heroes of Soviet, foreign and modern Russian cinema was studied, each of which corresponded to one or another archetype. A final matrix is derived that substantiates the relationship between the perception of archetypes through images of cinema and motivational behaviors.

Keywords: hero, archetype, image, meaning, media, sociology of cinema.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 24-28-00413 («Образ героя в современном российском медиапространстве: состояние и перспективы»).

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Габриелян О.А., Зоткин А.А. Перспективы использования теории архетипов в конструировании образа героя в медиапространстве России // Философия хозяйства. 2026. № 1. С. 211—232. DOI: 10.5281/zenodo.18723512.

УДК 304
ББК 87.6, 60.527

Введение

Герой — это смысловой конструкт, являющийся точкой ориентации и притяжения в общественном сознании. Поэтому концепты «герой» и «героическое» понимаются нами как инструменты трансформации социальной реальности с целью сохранения общества как системы в целом, его структур и институтов в частности (к таковым мы, в первую очередь, относим государство). Тема героев и героического имеет прямое отношение к социальной и политической мифологии того или иного общества. Через механизмы мифологизации героического выстраивается долгосрочная конструкция идентичностей внутри социума или его отдельных составляющих, благодаря чему общность получает более высокий уровень устойчивости и перспективу развития. Это соответствует условиям современности, в которых, как справедливо отметили М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги, «попытки административной формы социализации должны уступить место формам партнерского взаимоотношения поколений» [3, 174].

Процессы трансформации социокультурного пространства российского общества в исторической перспективе постсоветского периода проходили нелинейно и имели несколько главных составляющих, что было рассмотрено нами в отдельной работе [4]. Развивая эту тему в контексте вопроса о конструировании образа героя и символики героического, хотели бы обратить внимание на слова современного российского писателя Глеба Боброва, опубликованные в социальной сети ВКонтакте (07.08.2024): «Речь веду о нашей исторической и традиционной “слабине” — мягкой силе... Документальных фильмов о СВО и в целом о десятилетии трагедии Донбасса снято огромное количество. Проблема здесь в том, что документальный фильм, как и любая публицистика, живет очень непродолжительное время. Это продукт, по большому счету, даже самый качественный, на злобу дня. Художественный фильм, наоборот, смотрят поколениями. Шедевры — несколькими поколениями».

Почему мы ставим основной акцент на производстве образов героев и образцов героического именно через кинематографическую продукцию? Технологическое развитие человечества стимулировало

поэтапный переход к производству и распространению смыслов через культурные формы устного и графического творчества, рукописной культуры, печатного текста, теле- и радиовещания XX в. и, наконец, современных интернет-медиа. Процессы ускорения производства и обмена информацией стимулировало появление массовой культуры и перехода ее потребителей на быстро считываемые готовые образы.

Второй характерной чертой данной работы является попытка уловить какие-либо общие основы восприятия героев и героического в воспринимаемых (или считываемых) образах киногероев. Идеей для выделения такой основы общности восприятия из огромного множества киногероев стала теория архетипов К.Г. Юнга [14]. Общие принципы функционирования общностей и формирования устойчивых моделей коммуникации посредством архетипических форм были обоснованы нами в отдельной работе [2]. При всем разнообразии архетипических форм, воплощаемых в образах героев, следовало выделить какую-то устойчивую основу определенного набора архетипов, воспринимаемых аудиторией. Эта идея, в частности, была прекрасно воплощена в работах американского теоретика сценарного искусства К. Воглера, в частности в его работе «Путешествие писателя» [1], основанной на работах американского культуролога Дж. Кэмпбелла «Тысячеликий герой» [6] и российского филолога В.Я. Проппа «Морфология волшебной сказки» [10]. Основываясь на идее Дж. Кэмпбелла о том, что сюжет любой истории является производным от мономифа (модели, которая лежит в основе любого повествования), и на идеях В. Проппа о постоянных функциях действующих лиц сюжета истории, К. Воглер предложил универсальную структуру истории для сценаристов и подбор архетипов для формирования образов героев. В результате работа К. Воглера стала обязательным пособием для продюсеров, сценаристов и режиссеров Голливуда. Собственно, попытка достижения такой же *цели* — поиска универсальных «ключей» восприятия героев и героического в пределах отечественного культурного ареала — преследуется авторами данной статьи.

В отечественном научном пространстве тема исследования представлений о героях и героическом весьма распространена и насчитывает десятки работ. Однако отметим, что на формирование идей данного исследовательского проекта весомое влияние оказала

книга социологических очерков В.В. Радаева «Смотрим кино, понимаем жизнь» [11], в которой рассмотрено влияние на российскую аудиторию наиболее знаковых кинолент позднесоветского и постсоветского периодов. Отдельные работы посвящены исследованию кино с позиций социологического анализа [8]. Немаловажной для данной темы представляется работа И.В. Троцук и М.В. Субботиной, в которой изложены результаты качественного исследования (на основе контент-анализа) влияния кинематографа на представления о героизме в среде молодежи. Исходя из цели нашего исследования, представляет интерес выведение авторами указанной статьи 5 основных типов героев: воин, авантюрист, благотворитель, спасатель, вдохновитель [12, 151]. Кроме того, в контексте изучения представлений о героях и героическом в среде молодежи нельзя не упомянуть работы с позиций социально-психологического подхода, выполненные на основании исследований, проведенных в регионах нашей страны [13; 5]. При этом в научной литературе нами не были обнаружены работы, в которых были бы реализованы подходы к переосмыслению темы героев и героического с позиции теории архетипов в современном российском медиапространстве, что, в свою очередь, позволяет предполагать *научную новизну* в данной тематике.

Типология архетипов личности

Возвращаясь к цели нашей работы, сформулируем главный вопрос: возможны ли в современных условиях информационного общества эффективное конструирование и продвижение посредством массмедиа образов героев, через которые будут транслироваться модели героического поведения в социально-психологические и ценностные установки?

Нельзя не сказать и о значительных успехах на этом культурном поле. Внимание аудитории к таким фильмам, как «Движение вверх», «Чемпион мира», «Время первых», и другим кинопремьерам последнего десятилетия говорит о совпадении запросов общества и реализуемых инициатив в культурной политике государства. Но пока что эти успехи напоминают или результаты несистемного прощупывания поиска точек воздействия на культурное поле общественных структур, или даже просто удачные совпадения. Исходя из этого, актуальной задачей и для государства, и для кинематографического

цеха, и для научного сообщества является поиск механизмов минимизации издержек и повышения эффективности смыслообразования в необходимом для страны и общества ключе. Здесь представляется целесообразным упомянуть о социоориентированной и медиаориентированной концепциях СМИ.

Логика первой концепции заключается в понимании установок и ожиданий аудитории, ответе на ее запросы и предоставлении ей такого медиапродукта, который будет максимально возможно воспринят ею. Вторая концепция, наоборот, обосновывает социализирующую роль медиа, формирующих установки, вкусы и предпочтения аудитории, которая следует теми маршрутами, которые прокладывают для нее СМИ. Нам представляется необходимость интеграции положений обеих упомянутых концепций. Мы считаем, что в разные периоды может преобладать та или иная модель.

Все теоретические положения были изложены нами для актуализации проблемы конструирования образов героев и образцов героического в массовых установках. Исходя из положений социоориентированной модели отношений аудитории и медиа, мы предполагаем необходимость поиска определенных «точек» сопряжения массовых установок и продуктов, предлагаемых медиа на информационном рынке (при этом мы ограничиваем круг только кинематографической продукцией). Поиск универсальных механизмов конструирования образов героев, с нашей точки зрения, имеет наибольшую вероятность именно через использование архетипических форм. Однако при всем разнообразии архетипических форм и их типологий перед нами возникла задача выбора наиболее подходящей нашей исследовательской задаче. Таковой нам представляется типология архетипов личности, обоснованная в работах Кэрол Пирсон и используемая в современном брэндинге. Базируясь на теории К.Г. Юнга и развивая ее, К. Пирсон также высоко оценивала вклад уже упомянутой нами ранее работы Дж. Кэмпбелла «Тысячеликий герой» и рассматривала архетипы как важнейшие элементы в *системе управления значением* [9, 28]. Она предложила 12 основных архетипов личности, увязав их с основными теориями мотивации поведения [9, 35—36]. Эта структура представлена в табл. 1.

Таблица 1

**Взаимосвязь теорий мотивации и типологии архетипов
К. Пирсон**

Мотивация, по типологии К. Пирсон	Уровни потребностей, по А. Маслоу	Мотивация, по типологии Всемирного центра изучения рекламы	Архетипы, по типологии К. Пирсон
Стабильность и контроль	Безопасность	Стабильность	Опекун (Заботливый) Правитель Творец
Независимость и самореализация	Самоактуализация	Самопознание	Ребенок (Простодушный) Мудрец Искатель
Риск и мастерство	Признание	Изменения	Герой Маг Бунтарь
Принадлежность и удовольствие	Принадлежность и любовь	Принадлежность	Славный малый Любовник (Возлюбленный) Шут

Источник: [9, 35—36].

Кроме того, обосновывая наш выбор в пользу типологии К. Пирсон, отметим ее понятность и воспринимаемость для людей, так как в нее включены основные типы личности и их функции [9, 33]. Так, например, К. Воглер в своей книге «Путешествие писателя» делал акцент на необходимости установления эмоциональной связи зрителя с героем на экране, формирования некой идентичности, поскольку архетип героя, как считал автор, соответствует эго (по терминологии З. Фрейда). В таких условиях достигается успешное восприятие образов героев и транслируемых через них смыслов. И, на наш взгляд, типология, предложенная К. Пирсон, соответствует решению поставленной нами исследовательской задачи.

Социологический мониторинг «Молодежь Крыма»

Переходя к практической части нашего исследования, дадим его краткое описание. Вопросы по теме героев и героического были включены в социологический мониторинг «Молодежь Крыма», который с 2020 г. регулярно (с периодичностью дважды в год) проводится научным сообществом «Социология Крым» и Школой практической философии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Соответственно, вопросы по нашей теме были включены в анкеты 7-й, 8-й и 9-й волн указанного мониторинга. Опросы молодежи Крыма (Республика Крым и г. Севастополь) проводились методом простой случайной выборки, которая репрезентирует молодежь Крыма (17—35 лет) по основным социально-демографическим показателям. 7-я волна мониторинга проводилась в апреле—мае 2023 г., объем выборки составил 1223 респондента, ошибка выборки $\approx 2,8\%$. 8-я волна мониторинга проводилась в декабре 2023 г., объем выборки составил 1100 респондентов, ошибка выборки $\approx 2,9\%$. 9-я волна мониторинга проводилась в мае—июне 2024 г., объем выборки составил 1034 респондента, ошибка выборки $\approx 3\%$. Таким образом, мы ограничиваем практическую часть нашего исследования, во-первых, возрастной когортой молодежи, во-вторых, Крымским регионом. Ограничение исследовательского внимания молодежью, с нашей точки зрения, является вполне обоснованным ввиду значения именно этой возрастной группы как наиболее активного социального актора, от конфигурации установок и моделей социального поведения которого зависит дальнейшая траектория развития нашего государства и общества. Что касается ограничения только Крымским регионом, то, помимо простого объяснения исследовательской доступности данной группы для авторов данной статьи, следует отметить еще один факт. Мы предполагаем, что, благодаря развитию информационных технологий, молодежь находится в пределах единого культурно-информационного поля с приблизительно идентичными установками, предпочтениями и вкусами. Поэтому в сфере информационно-культурных предпочтений различия между молодежью разных регионов страны вряд ли будут значимыми (разве что между жителями мегаполисов и населением, проживающим в иных типах населенных пунктов). В остальном же мы предполагаем, что отображенная картина в одном регионе будет если

не полностью тождественной, то достаточно близкой к другим регионам.

Результаты исследования

В первую очередь мы попытались рассмотреть, какие характерные черты (или функции) героев респонденты считают наиболее значимыми. Ответы на этот вопрос по результатам 7-й волны мониторинга имели следующую конфигурацию (см. табл. 2).

Таблица 2

Кого из перечисленных типов личности, обладающих определенными качествами, лично Вы бы стали считать героем? (множественный ответ)

Суждения респондентов	7-я волна, апр. 2023, %
Спасаящий жизнь других людей	52,5
Борец за справедливость и правду	46,4
Защитник людей от угроз и опасности	40,6
Жертвующий собой ради других	32,1
Мудрец, несущий свет истины и знаний	29,2
Харизматичный лидер, воодушевленный идеей и ведущий за собой людей	28,2
Трудолюбивый мастер, достигающий совершенства в своем деле	27,5
Отважный храбрец, не испытывающий страха перед опасностью, готовый к риску	20,0
Первооткрыватель, первопроходец, изобретатель	19,9
Бывший бедняк, преодолевший трудности и достигший успеха и богатства	17,5
Щедрый меценат, помогающий нуждающимся	17,4
Новатор и неконформист, бросающий вызов устаревшему	16,3
Спортсмен, достигающий новых рекордов на мировом уровне	8,6
Затрудняюсь ответить	3,7
Другое	1,4

В 8-й и 9-й волнах мониторинга было проведено уточнение альтернатив ответов к этому вопросу, поэтому результаты ответов мы приводим в отдельной таблице (см. табл. 3).

Таблица 3

Кого из перечисленных типов личности, обладающих определенными качествами, лично Вы бы стали считать героем? (множественный ответ)

Суждения респондентов	8-я волна, дек. 2023, %	9-я волна, май 2024, %
Спасаящий жизнь других людей	55,4	42,8
Борец за справедливость и правду	46,2	48,2
Защитник людей от угроз и опасности	44,1	42,1
Жертвующий собой ради других людей	34,7	33,3
Мудрец, несущий свет истины и знаний	27,5	24,6
Мастер, достигающий совершенства в своем деле	27,1	24,2
Человек, который следует собственным убеждениям	25,5	22,1
Харизматичный лидер, ведущий за собой людей	22,7	18
Человек, преодолевший трудности и достигший успеха и богатства	22,2	18,7
Первооткрыватель, изобретатель	19,9	13,6
Храбрец, готовый к риску	15,5	15,4
Щедрый бизнесмен, помогающий нуждающимся	14,2	14,4
Человек, бросающий вызов устаревшему	13,2	10,2
Спортсмен, достигающий новых рекордов на мировом уровне	8,6	11,3
Свой вариант	1,5	0,9
Затрудняюсь ответить	0,5	5

Исходя из полученных результатов, можно видеть, что ряд качеств (или функций) героя оценивается респондентами высоко. К ним относятся, в первую очередь, спасение жизней других людей, борьба за справедливость и правду, защита людей от угроз и опасности. Во всех трех волнах исследования доля ответов респондентов по указанным альтернативам превысила 40%. Если с качествами спасения жизни людей и защиты их от угроз все выглядит вполне обоснованно, так как они относятся к потребностям первичных уровней витального характера и обеспечения безопасности, то высокая оценка отстаивания справедливости и правды относится к более высоким уровням пирамиды потребностей.

Следующим качеством, которое оценили как героическое около трети респондентов, является готовность к самопожертвованию. Проводя анализ понятия «герой», И.В. Троцук и М.В. Субботина пришли к следующему выводу: «Самоотверженность упоминается в большинстве определений героя, т. е. необходимый компонент героизма — самопожертвование» [12, 142]. Результаты нашего исследования показали, что такие качества, как самоотверженность и готовность к самопожертвованию, хоть и достаточно высоко оцениваются респондентами, но при этом занимают не самые высокие позиции. Этому находится свое объяснение. Поскольку исследуемая нами молодежь прошла этапы своей социализации в условиях достаточно благополучного периода первых десятилетий XXI в., она не в полной мере осознает степени разного рода рисков и угроз, которые носят для них, скорее, характер виртуально-информационных явлений, чем реальных событий, требующих адекватных поведенческих реакций и формирования соответствующих ценностных установок и устойчивых моделей социального поведения. Кроме того, этапы социализации современной молодежи тесно связаны с ее бесконтрольной интеграцией в глобальное информационное пространство. Интернет фактически стал оттеснять иные социальные институты на вторые и третьи роли агентов социализации. Глобальные тренды в информационном пространстве первых десятилетий XXI в. как раз и были направлены на разрушение устойчивых коллективистских образований, связанных «жесткими» социальными связями (по терминологии М. Грановеттера), вытесняя их формированием ценностных установок гипертрофированного индивидуализма, для носителей которого появился специальный термин «поколение снежинок». Это

отдельная тема, которая раскрывает целый пласт проблем современности. В условиях тотального распространения через информационные и культурные каналы философии гедонизма и эгоизма такие качества, как самоотверженность, готовность к самопожертвованию и сподвижничеству, увы, могут только терять значимость в ценностном наборе молодежи.

На средних уровнях оценки мы зафиксировали такие качества, как мудрость и передача знаний, мастерство и достижение совершенства, а также следование своим убеждениям. К относительно более низкому уровню оценок респондентами (менее 20%) можно отнести такую группу качеств, как достижение успеха и богатства, харизма лидера, храбрость, меценатство, нонконформизм, первенство в изобретениях, открытиях и спорте. В то же время полученные результаты демонстрируют устойчивость одних позиций и, наоборот, определенную нестабильность других. Заметные колебания мнений респондентов прослеживаются относительно таких качеств, как спасение жизней других людей, харизма лидера, первенство в открытиях, изобретениях. Мы также считаем, что, оценивая личностные качества, характерные для героев, респонденты дают ответ, исходя из внутренней проекции на свою личность. Полученная по результатам ответов конфигурация внутреннего состояния молодежи представляется не только довольно разбалансированной, но и в определенной степени пассивной. На уровне первичных гипотез можем предполагать, что значительный сегмент представителей современной молодежи скорее ждут героя, но не готовы проявить эти качества лично.

В данный период наша страна находится в той фазе, когда трудные времена создают сильных людей. Предполагаем, что в нынешних условиях борьбы России в отстаивании своего суверенитета будут созданы условия для формирования образов нового поколения героев, на примере которых будут воспитываться новые поколения молодежи, что в целом соответствует задачам патриотического воспитания [7]. Героические фигуры необходимо формировать и продвигать через информационно-культурные каналы не только на основе реальных личностей (как, например, Юрий Гагарин), но и собирательных образов (как, например, Василий Теркин). Посмотрим, какая конфигурация предпочтений героев, созданных кинематографом, характерна для современной молодежи.

Для достижения поставленной задачи нами был осуществлен отбор образов кинематографических персонажей, соответствующих 12 архетипическим типам личности в соответствии с типологией, предложенной К. Пирсон. Отбору таких образов предшествовало проведение нескольких фокус-групп (от 4 до 6 перед каждой волной мониторинга) для выбора наиболее воспринимаемых и узнаваемых («считываемых») персонажей кино. Определенная трудность на каждом этапе отбора заключалась в том, что образов, абсолютно и полностью соответствующих только одному архетипу, крайне мало. Кинематография, как и другие виды искусства, создает, преимущественно, персонажи, в которых интегрированы несколько архетипов. Мы пошли по пути отбора тех персонажей кино, где тот или иной архетип продемонстрирован более выразительно относительно других составляющих данного образа.

Подчеркнем, что нашей задачей было понимание, какие архетипы воспринимаются респондентами с большей симпатией, т. е. эмоциональным откликом. Исходя из этой задачи, нами были включены образы разных персонажей современного российского и зарубежного кино в 7-ю, 8-ю и 9-ю волны мониторинга (их детальное описание дано выше). После проведения 7-й волны мониторинга участники фокус-групп обратили внимание на необходимость включения в анкеты образов из советского кино как легко узнаваемых и воспринимаемых респондентами. Принимая целесообразность такого предложения, мы ввели подборки образов из советского кино в 8-й и 9-й волнах нашего мониторингового исследования. Будучи ограниченными объемом данной статьи, мы не можем привести весь список образов киногероев, включенных в анкеты трех исследований (да в этом и нет особой необходимости, так как важны не сами персонажи, а возможность увидеть обобщенную реакцию на те или иные архетипы). Суммарно в трех волнах исследования были использованы более 90 образов персонажей современного российского, зарубежного и советского кино.

Полученные результаты были обобщены нами в таблицах с группировкой по архетипам. Сначала посмотрим конфигурацию восприятия архетипов через образы советского кино (см. табл. 4).

Таблица 4

**Воспринимаемость архетипов через образы советского кино
(множественный ответ)**

Архетипы	8-я волна, дек. 2023, %	9-я волна, май 2024, %
Бунтарь	13,7	16,1
Возлюбленный / Любовник	30,1	39,4
Герой / Воин	12,7	33,7
Ребенок / Простодушный	13,5	12,5
Искатель	12,1	41,8
Маг	17,6	18,2
Мудрец	41,8	27,5
Опекун	10,3	5,1
Правитель	31,4	15,7
Славный малый / Друг	40,5	39,8
Творец	22,9	19,7
Шут	15,7	9,4

Здесь можно видеть, что наиболее высокий и стабильный уровень эмоционального восприятия и симпатии вызвали образы, соответствующие архетипам Возлюбленный и Славный малый. Высокий уровень и нестабильность восприятия у образов, соответствующих архетипу Мудрец. Заметны контрастные разрывы в уровне восприятия разных образов, соответствующих архетипам Герой/Воин, Искатель, Правитель. Средний, и устойчивый уровень восприятия персонажей, относящихся к архетипам Творец и Маг. Низкий уровень симпатии вызвали персонажи советского кино, относящиеся к архетипам Бунтарь, Ребенок, Опекун и Шут (причем два последних имеют еще и заметную нестабильность в показателях). В целом можем отметить, что, несмотря на общую «считываемость» респондентами образов из советского кино, чувствуется, что молодежь, постепенно удаляясь от советской эпохи, которую воспринимает как историю из учебников и рассказов старших родственников, все более исключается из самого контекста советской культуры, перестает воспринимать героев

той эпохи как своих, что, наверное, является результатом объективных процессов затухания одних культурных трендов и роста других. Возможно, помимо прочих факторов, это также объясняет такие существенные разрывы в одних и тех же позициях. При этом отметим, что аналогичные эффекты мы можем наблюдать и в других подборках персонажей, соответствующих тем или иным архетипам, например в зарубежном кино (см. табл. 5).

Таблица 5

**Воспринимаемость архетипов через образы зарубежного кино
(множественный ответ)**

Архетипы	7-я волна, апр. 2023, %	8-я волна, дек. 2023, %	9-я волна, май 2024, %
Бунтарь	16,1	16,7	26,9
Возлюбленный / Любовник	28,9	9,6	36,1
Герой / Воин	28	37,9	18
Ребенок / Просто- душный	15,8	29,6	31,9
Искатель	7,9	17,8	10,6
Маг	19,6	32,9	22,9
Мудрец	37	24,7	27
Опекун	12,9	9	9,4
Правитель	13,2	13,8	6,5
Славный малый / Друг	32,7	50,3	39,9
Творец	23,7	34	27
Шут	52,3	15,5	22,3

Здесь можно наблюдать нестабильность восприятия образов, относящихся практически ко всем архетипам. Однако при этом у нас оставалась возможность оперировать парными показателями. Исходя из предложенной модели оценки, мы можем трактовать как довольно высокий уровень эмоционального восприятия персонажей зарубежного кино, относящихся к архетипам Возлюбленный, Герой/Воин, Ребенок, Мудрец, Творец, Шут, Славный малый (причем

у последнего наблюдаются относительно более высокие и стабильные показатели). К среднему уровню эмоционального восприятия можно отнести архетип Маг. Наконец, к группе образов, оцениваемых респондентами на среднем или невысоком уровнях, можно отнести Бунтаря, Искателя, Опекуна, Правителя.

Рассмотрение результатов восприятия архетипов через образы, продуцируемые современным российским кино (см. табл. 6), переводит нас уже в практическую плоскость перспектив конструирования образов героев и трансляции моделей героического поведения непосредственно в культурное поле нашего общества.

Таблица 6

**Воспринимаемость архетипов через образы современного
российского кино (множественный ответ)**

Архетипы	7-я волна, апр. 2023, %	8-я волна, дек. 2023, %	9-я волна, май 2024, %
Бунтарь	6,2	12,2	13,2
Возлюбленный / Любовник	19,4	27,1	28,3
Герой / Воин	44,8	21,8	45,5
Ребенок / Просто- душный	25,8	31,9	30,3
Искатель	6,4	4,9	15,2
Маг	—	5,2	9,8
Мудрец	4	1,7	2,5
Опекун	15,2	10	11,8
Правитель	19,4	20,3	6,4
Славный малый / Друг	29,5	38,5	9,8
Творец	13,2	10,1	22,1
Шут	26,7	22,2	13,5

Конфигурация полученных результатов демонстрирует не только предпочтения молодежной аудитории, но и позволяет увидеть отдельные проблемные секторы современного российского кинема-

тографа, который должен выполнять роль влиятельного агента социализации и транслятора смыслов. Так, например, современному отечественному цеху кинематографии следовало бы уделить внимание конструированию и продвижению образов, соответствующих архетипам Мудреца, Искателя, Творца. В остальном мы можем видеть тенденции, примерно схожие с другими подборками персонажей (советского и зарубежного кино). Характерной чертой современного российского кино просматривается более эффективное воплощение образов, относящихся к архетипу Герой/Воин. Также в современном отечественном кино, исходя из результатов нашего исследования, вполне качественно преподносятся зрителю образы, относящиеся к архетипам Возлюбленный, Славный малый, Шут.

По результатам анализа отношения к подборкам персонажей советского, зарубежного и современного российского кино в трех волнах нашего мониторинга мы можем вывести некие итоговые расчеты, характеризующие эффект восприятия того или иного архетипа через образы киногероев. Размышляя над возможностью выведения такого общего знаменателя, мы предложили следующую матрицу, в которой каждый архетип получает баллы по итогам восприятия киногероев, ему соответствующих, во всех трех подборках. При этом используется градация по показателю уровня восприятия (высокий — 2 балла, средний — 1 балл, низкий — 0 баллов) и устойчивости, т. е. наличия или отсутствия значительных разрывов показателей в оценке образов, соответствующих тому или иному архетипу (стабильный — 1 балл, нестабильный — 0 баллов). Максимальный уровень итоговой оценки, которую мог бы получить тот или иной архетип, представленный через образы киногероев, составляет 9 баллов. Исходя из заданных параметров, у нас получилось следующее распределение результатов (см. табл. 7).

Подсчет результатов по указанным параметрам продемонстрировал, что молодежной аудиторией максимально эффективно воспринимаются образы киногероев, соответствующих архетипам Славный малый/Друг (8 баллов), Возлюбленный (7 баллов), Герой/Воин (6 баллов), Ребенок/Простодушный (6 баллов) и Творец (6 баллов). На довольно высоких позициях оценки аудиторией также оказались архетипы Мудрец и Маг (по 5 баллов). Позиции ниже среднего медианного уровня заняли образы, относящиеся к архетипам Правитель (3 балла) и Шут (4 балла). Наконец, на самом низком уровне оценки

молодежной аудиторией оказались персонажи кино, соответствующие архетипам Бунтарь, Искатель и Опекун (по 2 балла).

Таблица 7

Итоговое распределение результатов восприятия архетипов через образы героев кино

Архетипы	Советское кино		Зарубежное кино		Современное российское кино		Итог, балл
	Уровень	Устойчивость	Уровень	Устойчивость	Уровень	Устойчивость	
Бунтарь	0	1	1	0	0	0	2
Возлюбленный / Любовник	2	0	2	0	2	1	7
Герой / Воин	2	0	2	0	2	0	6
Ребенок / Простодушный	0	1	2	0	2	1	6
Искатель	2	0	0	0	0	0	2
Маг	1	1	1	1	0	1	5
Мудрец	2	0	2	0	0	1	5
Опекун	0	0	0	1	0	1	2
Правитель	2	0	0	0	1	0	3
Славный малый / Друг	2	1	2	1	2	0	8
Творец	1	1	2	1	1	0	6
Шут	0	0	2	0	2	0	4

Подсчет результатов по указанным параметрам продемонстрировал, что молодежной аудиторией максимально эффективно воспринимаются образы киногероев, соответствующих архетипам Славный малый/Друг (8 баллов), Возлюбленный (7 баллов), Герой/Воин (6 баллов), Ребенок/Простодушный (6 баллов) и Творец (6 баллов). На довольно высоких позициях оценки аудиторией также оказались

архетипы Мудрец и Маг (по 5 баллов). Позиции ниже среднего медианного уровня заняли образы, относящиеся к архетипам Правитель (3 балла) и Шут (4 балла). Наконец, на самом низком уровне оценки молодежной аудиторией оказались персонажи кино, соответствующие архетипам Бунтарь, Искатель и Опекун (по 2 балла).

Таблица 8

**Итоговое распределение показателей восприятия архетипов
через образы героев кино в соответствии с моделями
мотивации и уровнями потребностей**

Мотивация, по типологии К. Пирсон	Уровни потребностей, по А. Маслоу	Мотивация, по типологии Всемирного центра изучения рекламы	Восприятие архетипов через образы героев кино, баллы	Итог, балл
Стабильность и контроль	Безопасность	Стабильность	Опекун (Заботливый) — 2 Правитель — 3 Творец — 6	11
Независимость и самореализация	Самоактуализация	Самопознание	Ребенок (Простодушный) — 6 Мудрец — 5 Искатель — 2	13
Риск и мастерство	Признание	Изменения	Герой — 6 Маг — 5 Бунтарь — 2	13
Принадлежность и удовольствие	Принадлежность и любовь	Принадлежность	Славный малый — 8 Любовник — 7 Шут — 4	19

Теперь вернемся к теоретической модели взаимосвязи теорий мотивации и типологии архетипов К. Пирсон, отображенной в табл. 1, и дополним ее итоговыми баллами, выведенными в предложенной выше матрице. Таким образом, мы получаем интегрированную картину (см. табл. 8), выводящую нас на понимание конфигурации запросов молодежной аудитории на архетипические образы, что в конечном итоге может оказывать влияние на мотивацию ее социального поведения.

Выводы

Исходя из полученных результатов восприятия архетипов и распределения их по кластерам мотивации и потребностей, видно, что современная молодежь имеет наиболее выраженную потребность в принадлежности, удовольствии и любви. Потребности в безопасности, стабильности и контроле находятся на относительно низких позициях в их условной мотивационной карте. Уровни потребностей в самоактуализации (и соответствующая ему мотивация к независимости и самореализации) и признании (которому сопутствует готовность к изменениям, риску, повышению своего мастерства) также выражены незначительно, ненамного превышая показатели уровня потребностей в безопасности и стабильности. На основании такой конфигурации мы бы хотели отметить, во-первых, что современную молодежь вряд ли стоит рассматривать в рамках дихотомии «стабильность — изменения». На общем фоне эти потребности актуализированы весьма слабо. Во-вторых, выведенные результаты подтверждают наши наблюдения, сделанные на основе анализа оценки респондентами героических качеств (см. выше), когда мы пришли к выводу о преобладании в оценках молодежи установок пассивного отношения к героям и героическому, ввиду их общих установок гипертрофированного индивидуализма и ориентации на гедонистические жизненные модели. Вполне логично, что «поколение снежинок», не переживавшее кризисов и плотно интегрированное в глобальное информационное пространство, будет ориентировано на потребности принадлежности и удовольствий, пассивно ожидая героя без готовности к героическому в моделях своего социального поведения. С одной стороны, это проблема государства и общества, которую необходимо решать для конструирования у молодых граждан набора ценностных установок и устойчивых моделей социального поведения, соответствующих рискам и вызовам времени. Но, с другой стороны, это является своего рода «чистым листом», возможностью для конструирования как гражданина нового типа, соответствующего условиям времени, так и новых социальностей, которые будут обеспечивать устойчивость общественного организма и его главных социальных институтов (в первую очередь, государства). Таким образом, полученная конфигурация восприятия архетипов через об-

разы кино и связанные с ней уровни потребностей и модели мотивации может использоваться как отправная точка в конструировании смыслов и коррекции ценностных установок и моделей социального поведения в соответствии с целями и задачами дальнейшего развития государства и общества.

В завершении данной статьи отметим, что предложенный нами подход к конструированию образов героев в медиапространстве посредством использования теории архетипов показал определенную эффективность на уровне эмпирических исследований, результаты которых проходили проверку в трех волнах социологического мониторинга. Разумеется, проходя первые этапы своей апробации, он нуждается в дальнейшем осмыслении, более детальной проработке и уточнении.

Литература

1. *Воглер К.* Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 432 с.
2. *Габриелян О.А., Сулейменов И.Э.* Теория сложных систем: ноосферный контекст. Симферополь: Изд-во КФУ им. В.И. Вернадского, 2023. 345 с.
3. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 384 с.
4. *Зоткин А.А.* Конструирование символов героического и образов героев в медиапространстве российского общества: условия и возможности // Практическая философия: состояние и перспективы: Сборник материалов VI научной конференции (с международным участием). Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. С. 58—62.
5. *Кузнецова О.Е.* Социальные представления о «герое нашего времени» у студентов разной профессиональной направленности // Национальный психологический журнал. 2018. № 3 (31). С. 139—147.
6. *Кэмпбелл Дж.* Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2018. 464 с.
7. *Магарил С.А.* Смыслы патриотизма — исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 142—151.

8. *Мартыненко Т.С.* Кино как предмет социологического анализа: особенности современного кинематографа // Вест. Моск. ун-та. Сер. Социология и политология. 2023. № 29 (2). С. 120—139.
9. *Пирсон К.* Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
10. *Пронн В.Я.* Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 144 с.
11. *Радаев В.* Смотрим кино, понимаем жизнь: 20 социологических очерков. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2023. 288 с.
12. *Троцук И.В.* Оценка влияния кинематографа на социальные представления о героизме: апробация одного подхода // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 4. С. 140—158.
13. *Чернобровкина С.В.* Образ героя современных подростков // Вестник Омского университета. Сер. Психология. 2013. № 2. С. 23—32.
14. *Юнг К.Г.* Архетипы и коллективное бессознательное. М.: Изд-во АСТ, 2019. 544 с.

References

1. *Vogler K.* Puteshestvie pisatelya. Mifologicheskie struktury v literature i kino. М.: Al'pina non-fikshn, 2015. 432 s.
2. *Gabrielyan O.A., Sulejmenov I.E.* Teoriya slozhnyh sistem: noosfernyj kontekst. Simferopol': Izd-vo KFU im. V.I. Vernadskogo, 2023. 345 s.
3. *Gorshkov M.K., SHeregi F.E.* Molodezh' Rossii v zerkale sociologii. K itogam mnogoletnih issledovanij. М.: FNISC RAN, 2020. 384 s.
4. *Zotkin A.A.* Konstruirovanie simvolov geroicheskogo i obrazov geroev v mediaprostranstve rossijskogo obshchestva: usloviya i vozmozhnosti // Prakticheskaya filosofiya: sostoyanie i perspektivy: Sbornik materialov VI nauchnoj konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem). Simferopol': IT «ARIAL», 2023. S. 58—62.
5. *Kuznecova O.E.* Social'nye predstavleniya o «geroe nashego vremeni» u studentov raznoj professional'noj napravlenosti // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2018. № 3 (31). S. 139—147.
6. *Kempbell Dzh.* Tsyachelikij geroj. SPb.: Piter, 2018. 464 s.

7. *Magaril S.A.* Smysly patriotizma — istoricheskie transformacii // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. № 1. S. 142—151.

8. *Martynenko T.S.* Kino kak predmet sociologicheskogo analiza: osobennosti sovremennogo kinematografa // Vest. Mosk. un-ta. Ser. Sociologiya i politologiya. 2023. № 29 (2). S. 120—139.

9. *Pirson K.* Geroj i buntar'. Sozdanie brenda s pomoshch'yu arhetipov. SPb.: Piter, 2005. 336 s.

10. *Propp V.YA.* Morfologiya volshebnoj skazki. M.: Labirint, 2001. 144 s.

11. *Radaev V.* Smotrim kino, ponimaem zhizn': 20 sociologicheskikh ocherkov. M.: Izdat. dom Vyshej shkoly ekonomiki, 2023. 288 s.

12. *Trocuk I.V.* Ocenka vliyaniya kinematografa na social'nye predstavleniya o geroizme: aprobaciya odnogo podhoda // Kommunikologiya. 2018. T. 6. № 4. S. 140—158.

13. *CHernobrovkina S.V.* Obraz geroya sovremennyh podrostkov // Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Psihologiya. 2013. № 2. S. 23—32.

14. *YUng K.G.* Arhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe. M.: Izdvo AST, 2019. 544 s.

Г.С. ШИРОКАЛОВА

Историческая память студентов: унификация и разнообразие*

Аннотация. В статье, подготовленной на основе результатов социологического исследования Российского общества социологов «Культурные традиции и связь поколений», анализируется влияние отказа от государственной идеологии и провозглашения политического многообразия в Конституции РФ на историческую память российских студентов. Коммуникативная семейная память сохраняет ряд традиций, в частности включения подавляющего большинства

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Широкалова Г.С. Историческая память студентов: унификация и разнообразие // Философия хозяйства. 2026. № 1. С. 232—248. DOI: 10.5281/zenodo.18723547.

членов семьи в празднование Дня Победы и Дня защитника Отечества 23 февраля, поскольку предыдущие поколения сопричастны к ним либо через участие в Великой Отечественной войне, либо через службу в армии, которая была обязательной для мужчин. Праздники, не наполненные эмоциональной сопричастностью, второстепенны. Историко-политический плюрализм последних десятилетий о Второй мировой войне формирует безразличие ко многим событиям, в частности сносу памятников тем, кто сражался с армией Гитлера, и установке сотрудничавшим с ней. В результате значительная часть студентов безразлична к символам общей истории стран СНГ — памятникам, посвященным героям Отечественной войны. Автор приходит к выводу, что при отсутствии ценностной шкалы «можно/нельзя» в условиях конституционного запрета государственной идеологии и закрепления права на противоположные экономические, политические интересы и культурные ценности, невозможно через уроки истории сформировать патриотизм как вариант национальной идеи, функционал которой объединение граждан для достижения некоего общественного идеала, способного консолидировать общество.

Ключевые слова: региональные особенности, федеральные округа, историческая память, национальная идея, патриотизм, студенты.

Abstract. The article, prepared on the basis of the results of a sociological study of the Russian Society of Sociologists «Cultural Traditions and the connection of generations», analyzes the impact of rejection of state ideology and the proclamation of political diversity in the Constitution of the Russian Federation on the historical memory of Russian students. Communicative family memory preserves a number of traditions, in particular, the participation of the vast majority of family members in the celebration of Victory Day and Defender of the Fatherland Day on February 23, since previous generations were involved in them either through participation in the Great Patriotic War or through military service, which was mandatory for men. Holidays that are not filled with emotional engagement are secondary. The historical and political pluralism of the last decades about the Second World War forms indifference to many events, in particular the demolition of monuments to those who fought

with Hitler's army and the installation of collaborators with it. As a result, a significant part of the students are indifferent to the symbols of the common history of the CIS countries — monuments dedicated to the heroes of the Patriotic War. The author concludes that in the absence of a value scale «it is possible/impossible» in the context of the constitutional prohibition of state ideology and the consolidation of the right to opposing economic, political interests and cultural values, it is impossible through the lessons of history to form patriotism as a variant of a national idea, the functionality of which is the unification of citizens to achieve a certain social ideal capable of consolidating society.

Keywords: regional peculiarities, Federal districts, historical memory, national idea, patriotism, students.

УДК 316
ББК 60.54

Введение. Согласно статье 13 Конституции РФ, в Российской Федерации признается идеологическое многообразие, и никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. В «либеральное постсоветское время сначала была предпринята попытка жить без всякой идеологии, а государство должно было предстать чем-то вроде ночного сторожа. Все подобного рода потуги провалились» [2, 181]. Без идеологии не может существовать ни одно государство, поскольку оно базируется на потребности человека в нравственном и социальном идеале [11, 138], в большей или меньшей степени разделяемом его гражданами. Следовательно, идеология подспудно существует, но «запрет» на употребление термина требует поиска эвфемизма. Таковым предложено словосочетание «национальная идея».

Поскольку это не юридический термин, то его содержание может изменяться в соответствии с текущими задачами государства и отдельных политических сил. Попытки сформулировать национальную идею делали и левые, и либеральные, и национально-патриотические силы, но ни одна из них не была адекватной политическому моменту, что отразилось в стихах барда Т. Шаова: «Осталось-то выяснить самую малость: / Какой у страны стратегический путь? / Запад, Восток, евразийство? Сакральность? / Короче, оглобли куда повернуть? // Ищут пожарники, / ищет милиция, / Машут Бердяевым и

Солженицыным. / Ищут давно, но не могут найти / Путь, по которому надо идти» [22, 160].

Наконец, в 2004 г., освещая встречу в МГУ кандидата в президенты В.В. Путина, «Российская газета» цитировала: Путин заявил: «Различные страны, регионы мира очень активно развиваются. Если мы будем понимать нашу 1000-летнюю историю, думать о накопленных природных богатствах и почивать на лаврах, мы захиреем окончательно». По этой причине «мы должны быть конкурентоспособны во всем — и человек, и отрасль, и население, и страна. Вот это должна быть наша основная национальная идея» [16]. Правда, в видео с выступлением Путина этого пассажа нет [4], возможно, в газете была «обкатка» новой версии национальной идеи, которая «не прижилась», хотя задача достижения конкурентоспособности после 2014 г. актуализировалась в связи с усилением санкций.

В феврале 2016 г. на встрече с активом Клуба лидеров по продвижению инициатив бизнеса президент заявил: «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. ...Это и есть национальная идея». Но для ее осознания недостаточно, чтобы «президент или еще кто-либо об этом один раз сказал. ...нужно постоянно об этом говорить, на всех уровнях» [18]. Говорить о патриотизме стали много.

В интервью в передаче «Москва. Кремль. Путин» 10 мая 2020 г. В.В. Путин отметил, что «Для России высокие идеалы патриотизма имеют особую ценность. На них основана непобедимая сила духа нашего народа, которая не раз удивляла и восхищала весь мир. Чувство патриотизма — важнейшая часть общенациональной культуры, стержень нашей генетической памяти» [15]. В этом заявлении прозвучал отсыл к прошлому, что является одной из общепринятых стратегий в предвоенное/военное время, т. е. опять шла переадресация от будущего к объединяющему прошлому — Победе в Великой Отечественной войне, поскольку идеал будущего применительно к современной России наполняется разным содержанием в зависимости от социального статуса и политических взглядов социальных групп [17].

Напомним: в Российской империи было две культуры: дворянская и крестьянская. В СССР их пытались объединить, но они возродились в России. По этой причине «попытки формирования единой

для всех национальной идеи патриотизма через актуализацию памяти о Великой Отечественной войне не ликвидировали заданный в предыдущие десятилетия ценностный разрыв в оценках советского прошлого» [24]. Остаются прежние двойные стандарты: с одной стороны, забвение/развенчание героев, которое началось в конце 1980-х гг. с критики декабристов [10], продолжилось ниспровержением авторитета участников Великой Октябрьской революции [7], а затем и героев Великой Отечественной войны, с другой — шла/идет мифологизация новых, в том числе тех, которые сотрудничали с Гитлером [13].

Социология — диагност войны смыслов. Как идеологическая война смыслов отразилась в общественном сознании студенческой молодежи, мы анализировали на основе результатов исследования Российского общества социологов (РОС) 2020 г. [25, 212—226]. В данной статье рассмотрим ее итоги на примере исследования РОС, проведенного весной 2022 г., т. е. во время начала специальной военной операции [8; 9].

Был опрошен 9751 респондент из всех федеральных округов России, но для анализа выберем Дальневосточный и Сибирский федеральные округа, чья роль в Великой Отечественной / Второй мировой войнах была различной. Выбор округов обусловлен тем, что: а) социальная структура населения на протяжении веков формировалась под влиянием факторов, отличных от Европейской России; б) молодежь этих территорий становится объектом изучения реже; в) сепаратизм рубежа XX—XXI вв. тлеет до сих пор [23].

Начнем с ответов студентов на вопрос, насколько патриотизм свойственен разным поколениям (табл. 1).

Таблица 1

**Мнение студентов о патриотизме трех поколений,
% от опрошенных**

Доля патриотов в поколении	ДФО	СФО
Ваше поколение	38,9	37,3
Поколение отцов / матерей	80,2	76,8
Поколение дедушек / бабушек	90,6	92,8

Напомним: исследование проводилось в начале специальной военной операции, когда российские войска имели знаковые успехи на фронте. Различия между федеральными округами в рамках статистической погрешности между поколениями весьма существенны. Идентифицировали свое поколение как патриотов немногим более трети, что в два раза меньше, чем в поколении «отцов». Родившееся в военное/поствоенное время поколение «дедов» тоже отличается от тех, кто социализировался в эпоху «перестройки», но не столь резко. Причины утраты значимости взаимосвязи «я и моя страна» многослойны, а по характеру и объективны, и субъективны. Миграционные потоки молодежи из РФ в первые месяцы спецоперации подтвердили наличие проблемы отчуждения от страны. Впрочем, это общемировая тенденция, и один из ярких ее признаков — межстрановая миграция, затронувшая все континенты. В «обществе потребления» это неизбежная реакция на ситуацию риска, в чем бы он ни проявлялся.

Патриотичность молодежи изучается многими учеными, но выводы далеко не всегда у них совпадают. Разница методик, конечно, корректирует показатели, но в данном случае важна иерархия ответов, которая подчеркивает приоритетность для молодых качеств, позволяющих вписаться в современную российскую реальность, а для этого нужны иные качества, чем поколению «дедов». В этом плане показательны оценки поколения 60+, приводимые Л.И. Ростовцевой и В.П. Щербаковой. На вопрос «Как бы Вы охарактеризовали современную молодежь?» можно было дать до трех вариантов ответов из 9 позиций. Патриотизм вышел на 6—7 место с показателем 16,0%. Перед ним: умная (53,6%), целеустремленная (44,8%), прагматичная (39,2%), отзывчивая (30,4%), самонадеянная (22,4%), эгоистичная (16,0%) [21]. На что направлены «ум», «целеустремленность», «прагматичность» молодежи? Ценностное наполнение этих характеристик может быть противоположным.

На вопрос «Что формирует патриотизм?» тульские школьники 8—11 классов дали следующие ответы: «история предков и рода» — 79,4%, религия и менталитет народа — 26,9%, технико-экономические и гуманистические достижения страны — 15,9%, искусство — 12,35, природа и хозяйствование — 13,9, высокий уровень благосостояния — 10,5%. На их основании Л.И. Ростовцева, М.Л. Гельфонд и Е.Ю. Мирошина делают вывод, «что не стоит преувеличивать вопрос о трансформации ценностной системы за годы реформ —

у тульской школьной молодежи по-прежнему приоритетны традиционные духовно-нравственные ценности» [20, 210]. Как видим, позицию о возможности формирования патриота «словом» разделяют не только президент и Министерство образования.

Но, во-первых, ответы подростков, чей многолетний образ жизни подчинен усвоению знаний, и не могут быть иными. Во-вторых, ценностная система не сводится к упоминанию патриотизма. Аналогичный оптимистический вывод мы могли бы сделать на основе распределения ответов на вопрос о том, отмечают ли 9 мая в семье респондентов, поскольку включенность разных знаменательных дат в повседневность семей закладывает основу традиционного поведения (табл. 2). Но длительность существования традиции зависит, прежде всего, от коммуникативной памяти семьи.

Таблица 2

**Политические праздники, отмечаемые в семьях студентов,
% от опрошенных**

Какие события отмечает ваша большая семья?	Вы лично	Отец, мать	Бабушка, дедушка
Дальневосточный федеральный округ			
День Победы (9 Мая)	84,6	87,8	86,6
День защитника Отечества (23 февраля)	80,3	86,3	77,0
День России (12 июня)	35,7	36,5	36,7
День народного единства (4 ноября)	34,8	36,5	36,4
День Конституции (12 декабря)	18,6	20,6	21,8
Сибирский федеральный округ			
День Победы (9 Мая)	78,5	85,7	88,3
День защитника Отечества (23 февраля)	76,1	83,3	78,3
День России (12 июня)	38,7	43,1	41,1
День народного единства (4 ноября)	27,6	31,7	31,1
День Конституции (12 декабря)	13,8	14,3	14,3

Примечание: коэффициент V Крамера [0...1]: 0,060, вероятность ошибки (значимость): 0,000.

Примечательно, что студенты дистанцируют патриотизм и историческую память, что вновь ставит вопрос об эффективности воспитания патриотизма через просветительство на уроках истории. Из политических праздников День Победы остается наиболее содержательно мотивированным для всех поколений, особенно на Дальнем Востоке по причине фронтового прошлого на этой территории. Несколько ниже значимость Дня защитника Отечества. Но и в том, и в другом случаях примерно в каждой шестой семье нет традиции/ритуала их празднования. С уходом поколений патриотически настроенных «дедов» и «отцов» и утраты коммуникативной памяти значимость домашней традиции будет угасать.

Уменьшение авторитета Победы в войне у всех поколений объясняется политической/социальной позицией членов семьи в эпоху СССР, социальным статусом в современной России и полифонией мнений о советском прошлом со времен перестройки и продолжающейся до сих пор, которую активно поддерживают и государственные радио/телевидение [14], и сети.

Остановимся на таком факторе, как двойственность позиции СМИ об исторических событиях России. Она очевидна для студентов, что отразилось в распределении ответов на вопрос о роли СМИ в формировании уважительного отношения к стране: лишь около трети из ответивших выбрали однозначно положительную оценку, а 11% затруднились с ответом (табл. 3). Это свидетельство «утраты национальной и культурной идентичности» самими СМИ, которые «изменение массового сознания» превратили в «мощный инструмент уничтожения отдельных государств и народов» [12, 31].

Сравнение отношения к политическим государственным праздникам показывает, что информирование о празднике дает повод к их отмечанию, но зависит, в том числе, от объявления его выходным днем. День России и День народного единства — выходные дни, каково их смысловое наполнение для россиян — сложный вопрос, но мало вероятно, что две трети граждан России знают историю появления этих красных дней календаря.

Таблица 3

**Мнения студентов о роли СМИ в формировании уважения
к России, % от опрошенных**

СМИ формируют уважение к современной России	ДФО	СФО
не согласен	12,4	16,8
не совсем согласен	48,6	48,7
согласен	39,0	34,5
ИТОГО:	100,0	100,0
Среднее	0,2664	0,1768
Стандартное отклонение	0,6664	0,6951

Примечание: коэффициент V Крамера [0...1]: 0,068, вероятность ошибки (значимость): 0,000.

Знание истории Дня России дает право на его негативную оценку. Так, доктор исторических наук, депутат Государственной Думы РФ М.Н. Матвеев считает, что 12 июня не может быть праздником, поскольку это «день развала великой страны, объявления России независимости от самой себя, поэтому считаю, что празднование 12 июня надо отменить. А главным национальным праздником считать День Победы, 9 мая» [5]. Впрочем, в своей позиции он может опираться на мнение В.В. Путина, охарактеризовавшего еще «в 2005 году в послании Федеральному Собранию ... распад СССР как крупнейшую геополитическую катастрофу прошлого века» [19], ведь старт ему дан 12 июня 1990 г. Декларацией о государственном суверенитете РСФСР, и первоначально праздник именовали Днем независимости.

12 декабря перестало быть нерабочим днем в 2005 г., но поскольку является памятным днем в государственном календаре, то о нем напоминают все СМИ. Конституция — основной документ страны, и, естественно, что подсознательно день ее принятия должен уважаться. Немногие сравнивали ее с Конституцией СССР, но есть некая результирующая события, произошедшего 12 декабря

1993 г., — ностальгия по СССР. «Каждый второй россиянин убежден, что в СССР было больше хорошего (51%), и только 5% говорят об обратном, еще 38% полагают, что хорошего и плохого было поровну. Чем старше человек, тем чаще он видит в СССР больше хорошего: среди граждан старше 60 лет так ответили 63%, это в два раза больше в сравнении с 18—24-летними (31%). Молодые граждане чаще других говорят, что в те времена было и хорошее, и плохое (48 и 43% среди 18—24-летних и 25—34-летних соответственно)» [3].

Еще один показатель «расщепления» исторического сознания — отношение к истории СССР как стране, объединявшей 15 союзных республик (табл. 4). Союз, который идеологами перестройки характеризовался искусственным образованием (но был/остается геополитически необходимым для всех стран), преобразован в СНГ и, судя по отношениям со странами, вошедшими в него, не справился с поставленными задачами, что и проявилось в оценке студентами общей истории.

Таблица 4

Мнение студентов о сохранении уважения к общей истории страны как наследия СССР, % от опрошенных

Уважение к общей истории	ДФО	СФО
нет	13,6	21,5
и да, и нет	49,6	54,5
да	36,8	24,1
ИТОГО:	100,0	100,0
Среднее	0,2325	0,0262
Стандартное отклонение	0,6716	0,6753

Примечание: коэффициент V Крамера [0...1]: 0,110, вероятность ошибки (значимость): 0,000.

Доля выбравших вариант «и да, и нет» может перейти в любую полярную группу под влиянием самых разных факторов, в том числе миграционных, о которых мы еще не упоминали. Ошибки в мигра-

ционной политике, ярчайшим проявлением которой стала криминальная хроника, представленная главой Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкиным [1], также стали фактором отчуждения от стран и народов СНГ (табл. 5).

Таблица 5

Отношение студентов к сносу памятников советского времени в странах, входивших в состав СССР, % от ответивших

В настоящее время в странах, входивших в состав СССР, сносят памятники советского времени. Что вы думаете по этому поводу?	ДФО	СФО
Считаю, что из истории нельзя вычеркивать события в угоду каждой новой власти	43,6	53,8
Думаю, что это сознательное разрушение общей для народов СНГ памяти, истории	40,8	42,9
Страны суверенны и вольны поступать так, как считают правильным	27,5	24,7
У каждого народа есть свои герои. Не надо пропагандировать чужих	16,4	14,5
Полагаю, что это «корректировка» истории после открытия архивов	10,9	10,5
Это расплата за несправедливое отношение к республикам во времена СССР	9,4	7,4
Мне лично все равно	17,8	15,6
Другое	1,4	1,8
ИТОГО:	167,8	171,2

Примечание: поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, сумма % в ИТОГО может быть больше 100%; коэффициент V Крамера [0...1]: 0,035, вероятность ошибки (значимость): 0,000.

У читателя есть возможность трактовать данные как оптимистические, опираясь на первые строки в табл. 5. Но, вероятно, одни и те же респонденты выбрали близкие по смыслу варианты ответов.

Исходя из тренда нарастающего отчуждения между странами и их гражданами, более важны другие позиции и их отличие между федеральными округами в рамках статистической погрешности. Каждый четвертый оправдывает снос памятников суверенитетом стран; для каждого шестого сражавшиеся в одних окопах стали «чужими героями». Полифония мнений на протяжении трех десятилетий отразилась в объяснениях причин «открытием архивов» и воспроизводстве сюжетов 1990-х о колонизаторской политике Москвы по отношению к союзным республикам. Но увеличиваться будет, прежде всего, доля равнодушных и отнюдь не из-за отсутствия информации об общей судьбе, а из-за поведения мигрантов в России — как взрослых, так и детей [6].

Заключение. Дискуссионность содержания понятия «патриотизм» как основания национальной идеи для россиян не должна сводиться к теоретическим уточнениям и ссылкам на тысячелетнюю историю. Задача гораздо шире: что нужно изменить в стране для того, чтобы ее граждане почувствовали себя равноправными гражданами?

Выбранная государством стратегия на воспитание патриотизма через информирование школьников и студентов о российской истории недостаточна. У каждой страны есть победы и поражения, и превращение исторической науки в пропаганду/агитацию вызовет отторжение у подростков и кризис смыслов у повзрослевшей молодежи. Любая теория проверяется практикой: желанна та страна, преобразования в которой соответствуют потребностям и ценностям ее граждан. Слова о том, что Великую Отечественную войну выиграл учитель, верны в том смысле, что учитель обеспечил возможность социального старта, вертикальной мобильности. Но он смог это сделать потому, что был одним из элементов большой системы, цель и смысл существования которой основывались на ценностях и желаниях большинства.

Литература

1. *Бастрыкин А.* Пока русские на фронте, мигранты атакуют наши тылы: URL: http://www.youtube.com/watch?v=9_RaQzxpZBU (дата обращения: 18.06.2024).

2. *Бенедиктов Н.* Записки о русском. Н. Новгород: Книги, 2020. 272 с.

3. ВЦИОМ. Новости: 100 лет СССР: забыть нельзя вернуться?: URL: [http:// wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja](http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja) (дата обращения: 18.06.2024).

4. Выступление Владимира Путина перед доверенными лицами // Президент России: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22393>. 12.02.2004 (дата обращения: 08.06.2024).

5. Депутат Госдумы отказался поздравлять жителей Самарской области с Днем России // Новости Самары и Самарской области — ГТРК Самара: URL: <https://tvsamara.ru/news/deputat-gosdumy-otkazalsya-pozdravlyat-zhitelei-samarskoi-oblasti-s-dnem-rossii/> (дата обращения: 18.06.2024).

6. Деструктивный потенциал // Советская Россия: URL: <http://sovross.ru/2024/06/05/destruktivnyj-potencial/> (дата обращения: 18.06.2024).

7. Добрались до могилы первого главы Советов // Советская Россия: URL: <http://sovross.ru/2024/06/05/dobralis-do-mogily-pervogo-glavy-sovetov/> (дата обращения: 18.06.2024).

8. Дулина Н.В., Засылкин В.П., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5 (80). С. 151—154. DOI: 10.26105/SSPU.2022.80.5.014 (дата обращения: 17.06.2024).

9. Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 61—78. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5 (дата обращения: 17.06.2024).

10. Казьмирчук Г.Д., Латыш Ю.В. Дискуссионные вопросы движения декабристов в постсоветской историографии: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/diskussionnye-voprosy-dvizheniya-dekabristov-v-postsovetskoy-istoriografii/viewer> (дата обращения: 17.06.2024).

11. Кальней М.С. Феномен идеологии, ее место и роль в современных социокультурных условиях // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 5. Ч. 1 / РАН.

ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества / Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2022. 1182 с.

12. *Коптелова Т.И.* Технология создания кумира (медиахаризма в парадигме органической философии) // *Философия хозяйства*. 2019. № 1. С. 27—34.

13. О кампании по сносу памятника Краснову в Ростовской области и ее влиянии на обсуждение памятников в России // Инициатива канала по сносу памятника фашистам: URL: <https://kamaz16.ru/150624/novosti-pamyatnik-krasnovu-v-gostovskoj-oblasti/> (дата обращения: 15.06.2024).

14. Памятник Краснову снести нельзя поставить: URL: <https://yandex.ru/video/preview/5473108733362355785> (дата обращения: 15.06.2024).

15. «Посвятить себя развитию страны»: Путин назвал патриотизм национальной идеей России // РТ на русском: URL: <https://russian.rt.com/russia/article/745442-putin-patriotizm-nacionalnaya-ideya> (дата обращения: 08.06.2024).

16. Путин в МГУ // *Российская газета*: URL: <http://rg.ru/2004/02/13/putin.html> (дата обращения: 08.06.2024).

17. Путин концентрируется. Михаил Делягин о важных изменениях в конфигурации российской власти: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XLGiHxcXjGw> (дата обращения: 18.06.2024).

18. Путин назвал единственно возможную для России национальную идею // РБК: URL: <http://www.rbc.ru/politics/03/02/2016/56b1f8a79a7947060162a5a7> (дата обращения: 08.06.2024).

19. Путин назвал распад СССР трагедией и «распадом исторической России» // РБК: URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/12/2021/61b5e7b79a7947689a33f5fe> (дата обращения: 08.06.2024).

20. *Ростовцева Л.И., Гельфонд М.Л., Мирошина Е.Ю.* Патриотизм в сознании молодежи // *Философия хозяйства*. 2019. № 1. С. 206—215.

21. *Ростовцева Л.И., Щербакова В.П.* Взаимоотношения поколений в семье: конфликт или контакт? // *Философия хозяйства*. 2024. № 3. С. 195—210.

22. *Смирнов С.Н.* Политические аспекты бардовской песни в современной России // *Мир России*. 2005. Т. XIV. № 3. С. 142—162.

23. Сушко А.В. Исторические идеи и политические практики Сибирского сепаратизма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 192—206.

24. Широкалова Г.С. Историческая правда о СССР: от кого и для кого? // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 238—252.

25. Широкалова Г.С. Чей пепел «стучит в сердце»? // Русская цивилизация, Великая Победа и новые вызовы XXI века: Сборник материалов научной конференции, прошедшей 12 ноября 2020 г., организованной РИИИ и Институтом наследия (Из цикла «Русская цивилизация в исторической ретроспективе и перспективе») [Электронное сетевое издание]. М.: Институт наследия, 2022. 228 с. DOI: 10.34685/НИ.2022.13.44.002.

References

1. Bastrykin A. Poka russkie na fronte, migranty atakuyut nashi tyly: URL: http://www.youtube.com/watch?v=9_RaQzxpZBU (data obrashcheniya: 18.06.2024).

2. Benediktov N. Zapiski o russkom. N. Novgorod: Knigi, 2020. 272 s.

3. VCIOM. Novosti: 100 let SSSR: zabyt' nel'zja vernut'sya?: URL: <http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja> (data obrashcheniya: 18.06.2024).

4. Vystuplenie Vladimira Putina pered doverennymi licami // Prezident Rossii: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22393>. 12.02.2004 (data obrashcheniya: 08.06.2024).

5. Deputat Gosdumy otkazalsya pozdravlyat' zhitelej Samarskoj oblasti s Dnem Rossii // Novosti Samary i Samarskoj oblasti — GTRK Samara: URL: <https://tvsamara.ru/news/deputat-gosdumy-otkazalsya-pozdravlyat-zhitelei-samarskoi-oblasti-s-dnem-rossii/> (data obrashcheniya: 18.06.2024).

6. Destruktivnyj potencial // Sovetskaya Rossiya: URL: <http://sovross.ru/2024/06/05/destruktivnyj-potencial/> (data obrashcheniya: 18.06.2024).

7. Dobralis' do mogily pervogo glavy Sovetov // Sovetskaya Rossiya: URL: <http://sovross.ru/2024/06/05/dobralis-do-mogily-pervogo-glavy-sovetov/> (data obrashcheniya: 18.06.2024).

8. *Dulina N.V., Zasyplin V.P., Mansurov V.A., Pronina E.I., SHirokalova G.S., SHkurin D.V., YUr'ev P.S.* Kul'turnye tradicii i svyaz' pokolenij (informaciya o nauchnom proekte) // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 5 (80). S. 151—154. DOI: 10.26105/SSPU.2022.80.5.014 (data obrashcheniya: 17.06.2024).

9. *Dulina N.V., Mansurov V.A., Pronina E.I., SHirokalova G.S., SHkurin D.V., YUr'ev P.S.* Narodnaya kul'tura v ocenках rossijskoj studentcheskoj molodezhi // Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie. 2022. T. 8. № 3. S. 61—78. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5 (data obrashcheniya: 17.06.2024).

10. *Kaz'mirchuk G.D., Latysh YU.V.* Diskussionnye voprosy dvizheniya dekabristov v postsovetsoj istoriografii: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/diskussionnye-voprosy-dvizheniya-dekabristov-v-postsovetsoj-istoriografii/viewer> (data obrashcheniya: 17.06.2024).

11. *Kal'nej M.S.* Fenomen ideologii, ee mesto i rol' v sovremennyh sociokul'turnyh usloviyah // Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. Ezhegodnik. Vyp. 5. CH. 1 / RAN. INION. Otd. nauch. sotrudnichestva / Otv. red. V.I. Gerasimov. M., 2022. 1182 s.

12. *Koptelova T.I.* Tekhnologiya sozdaniya kumira (mediaharizma v paradigme organicheskoy filosofii) // Filosofiya hozyajstva. 2019. № 1. S. 27—34.

13. O kampanii po snosu pamyatnika Krasnovu v Rostovskoj oblasti i ee vliyanii na obsuzhdenie pamyatnikov v Rossii // Inicijativa kanala po snosu pamyatnika fashistam: URL: <https://kamaz16.ru/150624/novosti-pamyatnik-krasnovu-v-rostovskoj-oblasti/> (data obrashcheniya: 15.06.2024).

14. Pamyatnik Krasnovu snesti nel'zja postavit': URL: <https://yandex.ru/video/preview/5473108733362355785> (data obrashcheniya: 15.06.2024).

15. «Posvyatit' sebya razvitiyu strany»: Putin nazval patriotizm nacional'noj ideej Rossii // RT na ruskom: URL: <https://russian.rt.com/russia/article/745442-putin-patriotizm-nacionalnaya-ideya> (data obrashcheniya: 08.06.2024).

16. Putin v MGU // Rossijskaya gazeta: URL: <http://rg.ru/2004/02/13/putin.html> (data obrashcheniya: 08.06.2024).

17. Putin koncentriruetsya. Mihail Delyagin o vaznyh izmeneniyah v konfiguracii rossijskoj vlasti: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XLGiHxcXjGw> (data obrashcheniya: 18.06.2024).

18. Putin nazval edinstvenno vozmozhnyu dlya Rossii nacional'nyu ideyu // RBK: URL: <http://www.rbc.ru/politics/03/02/2016/56b1f8a79a7947060162a5a7> (data obrashcheniya: 08.06.2024).

19. Putin nazval raspad SSSR tragediej i «raspadom istoricheskoy Rossii» // RBK: URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/12/2021/61b5e7b79a7947689a33f5fe> (data obrashcheniya: 08.06.2024).

20. *Rostovceva L.I., Gel'fond M.L., Miroshina E.YU.* Patriotizm v soznanii molodezhi // *Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 1. S. 206—215.

21. *Rostovceva L.I., SHCHerbakova V.P.* Vzaimootnosheniya pokolenij v sem'e: konflikt ili kontakt? // *Filosofiya hozyajstva*. 2024. № 3. S. 195—210.

22. *Smirnov S.N.* Politicheskie aspekty bardovskoj pesni v sovremennoj Rossii // *Mir Rossii*. 2005. T. XIV. № 3. S. 142—162.

23. *Sushko A.V.* Istoricheskie idei i politicheskie praktiki Sibirskogo separatizma // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. № 426. S. 192—206.

24. *SHirokalova G.S.* Istoricheskaya pravda o SSSR: ot kogo i dlya kogo? // *Filosofiya hozyajstva*. 2022. № 3. S. 238—252.

25. *SHirokalova G.S.* CHEj pepel «stuchit v serdce»? // *Russkaya civilizaciya, Velikaya Pobeda i novye vyzovy XXI veka: Sbornik materialov nauchnoj konferencii, proshedshej 12 noyabrya 2020 g., organizovannoj RIII i Institutom naslediya (Iz cikla «Russkaya civilizaciya v istoricheskoy retrospektive i perspektive»)* [Elektronnoe setevoe izdanie]. M.: Institut naslediya, 2022. 228 s. DOI: 10.34685/ HI.2022.13.44.002.

О.А. МАЙКОВА, М.Ф. ФРИДМАН

От «вертикали власти» к «горизонтали доверия»: правовые и социально-философские аспекты адаптации наукоградов к реформе местного самоуправления*

Аннотация. Исследование посвящено анализу трансформации социально-политического ландшафта на муниципальном уровне в контексте реформы 2025 г. (Федеральный закон № 33-ФЗ), интегрирующей местное самоуправление в «единую систему публичной власти». Авторы аргументируют, что для наукоградов преодоление возникшего кризиса невозможно в логике административного компромисса и требует внедрения конфликтно-трансформационной модели взаимодействия. Данная модель должна обеспечить синергию между «вертикалью» (делегированные государственные полномочия) и «горизонталью» (самоорганизация граждан). Ее правовым каркасом могут стать детализированные соглашения с субъектом РФ о разграничении полномочий, сопряженные с программами наращивания муниципальной компетентности и создания гарантированных институциональных ниш для общественного контроля. Теоретическая значимость работы заключается в операционализации концепта «низовой субъектности» для анализа муниципалитета не как пассивного объекта управления, а как коллективного политического актора, а также в применении категориального аппарата философии морали к эмпирическому исследованию волонтерских практик. Практическая значимость состоит в разработке конкретных переговорных рамок для администраций наукоградов при заключении соглашений о передаче полномочий и в формулировке рекомендаций по институционализации общественного участия в условиях реформированной системы публичной власти.

Ключевые слова: гражданское общество, добрая воля, местное самоуправление, муниципальная реформа, наукоград.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Майкова О.А., Фридман М.Ф. От «вертикали власти» к «горизонтали доверия»: правовые и социально-философские аспекты адаптации наукоградов к реформе местного самоуправления // *Философия хозяйства*. 2026. № 1. С. 248—260. DOI: 10.5281/zenodo.18723571.

Abstract. The study is devoted to the analysis of the transformation of the socio-political landscape at the municipal level in the context of the reform of 2025. (Federal Law No. 33-FZ), which integrates local self-government into a «unified system of public authority». The authors argue that for science cities, overcoming the crisis is impossible in the logic of an administrative compromise and requires the introduction of a conflict-transformational model of interaction. This model should ensure synergy between the «vertical» (delegated state powers) and the «horizontal» (citizens' self-organization). Its legal framework may include detailed agreements with the constituent entity of the Russian Federation on the division of powers, coupled with programs to increase municipal competence and create guaranteed institutional niches for public control. The theoretical significance of the work lies in the operationalization of the concept of «grassroots subjectivity» for the analysis of the municipality not as a passive management object, but as a collective political actor, as well as in the application of the categorical apparatus of moral philosophy to the empirical study of volunteer practices. The practical significance lies in the development of specific negotiation frameworks for the administrations of science cities when concluding agreements on the transfer of powers and in the formulation of recommendations on the institutionalization of public participation in a reformed system of public authority.

Keywords: civil society, goodwill, local government, municipal reform, science city.

УДК: 321(470-22):316.344.6:342.25

ББК: 66.3 (Рос2), 1

Введение

Принятие Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [11] знаменует собой не просто масштабную административную трансформацию, но и существенный сдвиг в парадигме государственного строительства в России. Местное самоуправление, традиционно рассматривавшееся в отечественной правовой доктрине как обособленный, хотя и производный от государства институт публичной власти [14, 45], законодательно оформляется в качестве ее интегральной подсистемы. Данная «вертикализа-

ция» управления, безусловно, нацелена на повышение скоординированности, управляемости и эффективности решения задач государственного масштаба. Введение реформы провоцирует не только правоприменительные, но и смысловые коллизии. Она заставляет заново ответить на вопросы, которые прежде казались решенными. Что остается от «самоуправления», когда его основные рычаги зависят от воли субъекта РФ? Где проходит грань между координацией и подчинением? И, наконец, какой тип гражданина воспроизводится в этой новой системе — пассивный получатель услуг или активный соавтор городской среды, чьи действия мотивированы не только интересом, но и «доброй волей» в кантовском понимании [3]?

Ответы на эти вопросы становятся вопросом выживания для наукоградов. Их судьба зависит не от абстрактных показателей, а от конкретного качества жизни, которое удерживает ученых и инженеров [9]. Для Королёва это означает, что адаптация к ФЗ № 33 — это не бюрократическая задача, а стратегическая битва за свою идентичность. Речь идет о том, чтобы в условиях укрепляющейся «вертикали власти» не позволить порваться «горизонтали доверия» — сети гражданских связей, без которой любой город, а наукоград тем более, превращается в безликую спальню.

Целью данной работы является вскрыть это противоречие и показать его в действии. Мы не ограничимся анализом правовых рисков для «низовой субъектности» муниципалитета. Нам важно проследить, как эти риски деформируют поле для гражданской инициативы и переводят энергию «доброй воли» из созидательного русла в протестное. На примере Королёва мы намерены: 1) диагностировать правовые точки напряжения, создающие угрозу местной автономии; 2) продемонстрировать, как эта неопределенность провоцирует кризис доверия и меняет ландшафт гражданской активности; 3) предложить принципы для модели, в которой новая «архитектура власти» не подавляла бы, а канализировала общественную энергию.

Теоретико-методологические основания

Понятие «низовой муниципальной субъектности» выступает центральной аналитической категорией данного исследования. Оно сознательно конструируется в точке напряжения между правовой догматикой и социально-политической философией. В узкоюридической трактовке это совокупность компетенций, закрепленных в

уставе. Однако такой подход оказывается редуктивным. Предлагаемое нами понятие «низовой муниципальной субъектности» намеренно избегает сведения к сумме формальных компетенций. Мы определяем ее как способность территории быть источником права, а не его пассивным реципиентом. Речь идет о трех взаимосвязанных компетенциях: 1) суверенитет воли: способность генерировать уникальные правовые решения — местные законы, а не типовые положения, подменяющие мышление ссылкой на методичку; 2) суверенитет ресурса: не просто исполнение спущенного сверху бюджета, а стратегическое распоряжение финансовыми потоками в рамках своей ответственности, где каждый рубль — это политический выбор в пользу определенного будущего; 3) ответственность перед городом, а не перед отчетом: подотчетность, реализуемая через прозрачные политические процедуры перед жителями, а не через составление оправдательных документов для проверяющих из вышестоящего центра [6, 112]. В этом понимании сильный муниципалитет — это не тот, кто безусловно исполняет инструкции. Это политический актер, способный к опережающему действию, выстраиванию собственной повестки и вступлению в сложные переговоры с регионом с позиции силы, а не просителя.

В социальной философии эта конструкция находит основание в гегелевской концепции «корпорации» [2, 298]. По Г.В.Ф. Гегелю, местное самоуправление выполняет роль «корпорации». Корпорация является важнейшим этическим институтом гражданского общества. Она опосредует отношение индивида к государству, прививая ему «дух целого». В настоящее время муниципалитет и является такой «корпорацией», под которой подразумевается пространство, в котором абстрактный гражданин становится конкретным горожанином. Этот гражданин осознает причинно-следственную связь между своим участием и локальными изменениями на территории местного значения.

Категория «доброй воли» (И. Кант) [3, 414] вводится нами для анализа мотивации гражданской активности, выходящей за пределы утилитарного расчета. В публичной сфере эта философская категория находит свое практическое воплощение в деятельности гражданского общества и волонтерства. Волонтерство, территориальное общественное самоуправление, гражданский мониторинг являются

практиками, движимыми внутренним моральным императивом солидарности. Они не зависят от принуждения извне и не занимаются поиском выгоды. В основе данных конструкций лежат солидарность и сформированное у индивида чувство долга перед сообществом. Именно такие практики, по Р. Патнэму, и формируют «социальный капитал» — ткань доверия и взаимных обязательств, снижающую транзакционные издержки коллективного действия [4, 185]. Между тем, по Ю. Хабермасу, сфера, где рождается такая коммуникативно порожденная воля, постоянно подвергается колонизации со стороны системных подсистем власти и денег, которые подменяют дискурс понимания логикой администрирования [12, 456].

В российском контексте этот конфликт приобретает специфические черты. Исследования Е.Г. Ясина [15] и С.П. Перегудова фиксируют феномен «параллельной гражданственности»: самоорганизация зачастую развивается в обход, а иногда и в прямой оппозиции к формальным институтам, видя в них не партнера, а препятствие [5]. Следовательно, проблема заключается не в отсутствии «доброй воли» как таковой, а в том, какие институциональные и правовые условия позволяют ей легально кристаллизоваться и влиять на принятие решений, а какие — приводят к ее маргинализации и переходу в протестные формы. Разработанная в 2025 г. реформа порождает риск ущерба активных коммуникативных действий граждан, поскольку она акцентирует внимание на административную «управляемость».

Таким образом, низовая субъектность и гражданская активность связаны не линейной причинностью, а отношением взаимной конституции. Сильный муниципалитет не «дает каналы» для реализации «доброй воли», он является их порождающим условием. В свою очередь, развитое гражданское общество выступает не «помощником» власти, а источником ее перманентной легитимации через публичный диалог.

Правовая архитектура реформы 2025 г. и вызов субъектности

Новый закон [11] радикально меняет ландшафт, вводя три категории полномочий: исключительные, которые могут быть изъяты субъектом РФ (ЖКХ, образование) и которые могут быть переданы муниципалитету (дорожная деятельность, обращение с ТКО). Эта си-

стема создает беспрецедентную для муниципалитетов правовую неопределенность, особенно в переходный период 2025—2027 гг. Муниципалитет, подобный Королёву, уже сегодня должен формировать бюджет на 2026 г., не зная, сохранит ли он с 2027 г. ключевые социальные и инфраструктурные функции [9].

Это порождает феномен «бюджетной ловушки». Муниципалитет оказывается перед разрушительным выбором:

- планировать, «как обычно», рискуя получить в 2027 г. портфель не обеспеченных финансированием долгосрочных контрактов (например, на капитальный ремонт школ или внедрение «умных» систем ЖКХ);

- перейти к «консервативному планированию», замораживая стратегические инвестиции, что для наукограда равносильно стратегическому поражению — деградации инфраструктуры и потере кадров.

Данная неопределенность напрямую ведет к атрофии низовой субъектности. Муниципалитет, лишенный гарантий в отношении своего будущего функционала и ресурсов, де-факто утрачивает способность к стратегическому целеполаганию, превращаясь из субъекта развития в пассивный объект управленческих решений, спускаемых сверху.

Правовой конфликт как симптом кризиса доверия

Оптическим прибором, позволяющим увидеть абстрактные риски реформы в конкретной социальной материи, выступает текущая ситуация в Королёве. Здесь в режиме реального времени разворачивается диагностирующий конфликт между формальным правом и стихийной самоорганизацией. С одной стороны, администрация демонстрирует активность в рамках привычных, «безопасных» исключительных полномочий. Так, в октябре 2025 г. инициированы публичные слушания по корректировке Генерального плана [7]. Это свидетельствует о проведении работ по реализации проектов точечного благоустройства. С другой стороны — вразрез уставным целям муниципалитета по созданию благоприятной среды для науки принимаются инфраструктурные решения, определяющие качество жизни на десятилетия вперед.

Конфликт вокруг дороги через Лосиный остров — не частный градостроительный конфликт, а симптом системного сбоя в новой

модели публичного управления. Проект реконструкции 7-километровой трассы через национальный парк «Лосиный остров» позиционируется как панацея для решения транспортных проблем 250 тыс. жителей [10]. Данный проект был запущен вопреки заключениям профильных экологов, при фактическом игнорировании позиции муниципалитета, а также массовых протестов. Официальные обращения администрация Королёва (исх. № от 15.02.2024) с требованием комплексной экологической экспертизы не получили содержательного, аргументированного ответа. Де-факто муниципалитет формально уведомлен, но содержательно лишен голоса.

Ответная гражданская активность приняла форму профессионально организованного народного сопротивления. Координировалась протестная активность такими инициативными группами, как «Сохраним Лосиный остров», «Экозащита! — Королёв». Они организовали постоянный волонтерский экологический мониторинг, документально фиксируя нарушения в режиме реального времени. Собранные эмпирические данные и фотодокументация систематически публиковались в социальных сетях и на независимых новостных порталах, выступая в качестве контрэкспертизы официальным отчетам. Этот случай — классический пример «хабермасовской» колонизации публичной сферы системной логикой. Граждане, столкнувшись с неработающими официальными процедурами, инициировали альтернативное производство легитимности, создав параллельные каналы сбора и верификации информации.

Системная логика административного решения (логика «цель—средство») тотально подавила пространство публичного дискуссии (логику взаимопонимания). В результате, «добрая воля» жителей, которая в ином сценарии могла быть направлена на соучастное проектирование транспортных решений, была канализирована в русло правозащитного протеста. Волонтерский мониторинг в этой ситуации указывает на окончание диалога. Произошел акт гражданского неповиновения, основанный на тотальном недоверии к официальным институтам. Таким образом, правовая неопределенность реформы материализуется в распаде социальной ткани (П. Штомпка определяет подобные состояния как кризис доверия, разрушающий основу коллективного действия [13]) и переводе социального капитала из созидательного состояния в оборонительное.

Гражданское общество и волонтерство: от протеста к соуправлению

В этих условиях принципиально важным становится поиск новых форматов для реализации «доброй воли». Реформа, при всей ее жесткости, создает и новые возможности. Передача ряда полномочий на муниципальный уровень открывает пространство для легального и институционализированного партнерства с гражданскими инициативами.

Педагогический и правовой аспект здесь неразделимы. Необходима системная работа по развитию муниципальной компетентности как среди сотрудников администрации (способность работать с гражданскими инициативами, оформлять социальный заказ), так и среди активистов (понимание бюджетного процесса, правовых основ МСУ). Как справедливо отмечается в исследованиях, посвященных правовым аспектам волонтерства [1], легализация таких практик требует создания четких институциональных рамок и программ поддержки. Волонтерские практики из сферы «помощи ближнему» должны масштабироваться до уровня социального соучаствующего проектирования.

Для Королёва это могло бы означать не абстрактные пожелания, а институциональные изменения.

1. Заключение детализированного соглашения с Московской областью, в котором, наряду с финансовыми потоками, был бы прописан механизм привлечения волонтерских и экспертных сообществ города (например, от РКК «Энергия», ЦНИИмаш), вузов (ТУ), а также активистов существующих объединений (например, волонтерского центра «Королёв — город добрых дел», занимающегося помощью пожилым и благоустройством) к реализации переданных полномочий (например, в сфере «умного» освещения или экологического мониторинга).

2. Легализация и ресурсная поддержка практик «соседских центров» и ТОС, которые уже существуют в микрорайонах (например, инициативная группа в мкр. Юбилейный по озеленению), через включение их проектов в муниципальную программу «Формирование комфортной городской среды» (Постановление администрации г.о. Королёв № 1100-па от 2024 г.).

3. Создание муниципального центра поддержки гражданских инициатив, выполняющего не только грантовую, но и образовательно-консультационную функцию, помогающего оформить общественную инициативу в социальный проект или вклад в программу благоустройства.

4. Внедрение цифровых платформ соучастия, где обсуждение проектов (от дизайна сквера до концепции «умного квартала») велось бы не формально, а с обязательной обратной связью и учетом результатов при принятии итогового решения.

Заключение

Муниципальная реформа 2025 г., таким образом, является не финальным актом, а отправной точкой для сложного процесса перезагрузки отношений между государством, местным самоуправлением и гражданским обществом. Для наукограда Королёв и подобных ему территорий основным вызовом становится не столько техническая адаптация к новым правилам, сколько стратегическая задача — наполнить новую «вертикаль власти» содержательной «горизонталью доверия».

Успех будет зависеть от способности власти на всех уровнях распознать, легализовать и встроить феномен «доброй воли» в новые управленческие процедуры. Это требует не только безупречной юридической техники при составлении соглашений о разграничении полномочий, но и социальной чуткости, и педагогического внимания к развитию культуры местного самоуправления. Только в этом случае укрепление государственного начала станет не ограничением, а ресурсом для реализации интеллектуального и гражданского потенциала уникальных российских городов-наукоградов.

Таким образом, реформа ставит наукограды перед экзистенциальным выбором: либо стать высокоэффективными, но лишенными политического лица административными цехами в региональной «вертикали», либо, ценой огромной юридической и гражданской работы, отстоять право на особый статус — быть лабораториями нового публичного управления, где правовая определенность служит каркасом для свободного проявления «доброй воли». Королёв, с его научным потенциалом, призван стремиться ко второму сценарию.

Литература

1. *Быстрицкий С.А.* Волонтерство в системе местного самоуправления: правовые и социальные аспекты // *Власть*. 2024. № 5. С. 123—130.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
3. *Кант И.* Критика практического разума // Кант И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 413—415.
4. *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Пер. с англ. М.: Ad Marginem, 1996. 287 с.
5. *Перегудов С.П.* Гражданское общество: «приводные ремни» и «разрывные муфты» // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 3. С. 78—94.
6. *Пешин Н.Л.* Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели. М.: Статут, 2022. 350 с.
7. Постановление Администрации г.о. Королёв МО от 10.10.2025 № XXX «О проведении публичных слушаний по проекту внесения изменений в Генеральный план...».
8. Проблемы переходного периода реализации Ф3-33 (2025—2027 гг.). Аналитическая записка. Королёв: Центр муниципального управления, 2025.
9. О перспективах развития и мерах поддержки территорий с высоким научно-технологическим потенциалом. Материалы круглого стола в Совете Федерации от 16.07.2025 // Официальный сайт Совета Федерации: URL: http://science.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/169350/ (дата обращения: 15.01.2026).
10. Техническая документация и материалы общественных обсуждений по объекту «Капремонт и реконструкция автомобильной дороги через НП «Лосиный остров»». ГБУ МО «Мосавтодор», 2024—2025.
11. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Президент России: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51732> (дата обращения: 15.01.2026).

12. *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь Мир, 2016. 592 с.

13. *Штомпка П.* Доверие — основа общества. М.: Логос, 2012. 352 с.

14. *Шугрина Е.С.* Муниципальное право Российской Федерации: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2023. 768 с.

15. *Ясин Е.Г.* Приживется ли демократия в России. М.: Новое издательство, 2005. 384 с.

References

1. *Bystrickij S.A.* Volonterstvo v sisteme mestnogo samoupravleniya: pravovye i social'nye aspekty // *Vlast'*. 2024. № 5. S. 123—130.

2. *Gegel' G.V.F.* Filosofiya prava. M.: Mysl', 1990. 524 s.

3. *Kant I.* Kritika prakticheskogo razuma // *Kant I. Sobr. soch.:* V 8 t. T. 4. M.: SChoro, 1994. S. 413—415.

4. *Patnem R.* Shtoby demokratiya srabotala. Grazhdanske tradicii v sovremennoj Italii / Per. s angl. M.: Ad Marginem, 1996. 287 s.

5. *Peregudov S.P.* Grazhdanskoe obshchestvo: «privodnye remni» i «razryvnye mufty» // *Polis. Politicheskie issledovaniya.* 2019. № 3. S. 78—94.

6. *Peshin N.L.* Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie v Rossii: problemy razvitiya konstitucionno-pravovoj modeli. M.: Statut, 2022. 350 s.

7. Postanovlenie Administracii g.o. Korolyov MO ot 10.10.2025 № НКХКН «O provedenii publichnyh slushanij po proektu vneseniya izmenenij v General'nyj plan...».

8. Problemy perekhodnogo perioda realizacii FZ-33 (2025—2027 gg.). Analiticheskaya zapiska/ Korolyov: Centr municipal'nogo upravleniya, 2025.

9. O perspektivah razvitiya i merah podderzhki territorij s vysokim nauchno-tehnologicheskim potencialom. Materialy kruglogo stola v Sovete Federacii ot 16.07.2025 // Oficial'nyj sajt Soveta Federacii: URL: http://science.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/169350/ (data obrashcheniya: 15.01.2026).

10. Tekhnicheskaya dokumentaciya i materialy obshchestvennyh obsuzhdenij po ob"ektu «Kapremont i rekonstrukciya avtomobil'noj

dorogi cherez NP “Losinyj ostrov”». GBU MO «Mosavtodor», 2024—2025.

11. Federal'nyj zakon ot 20.03.2025 № 33-FZ «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v edinoj sisteme publichnoj vlasti» // Prezident Rossii: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51732> (data obrashcheniya: 15.01.2026).

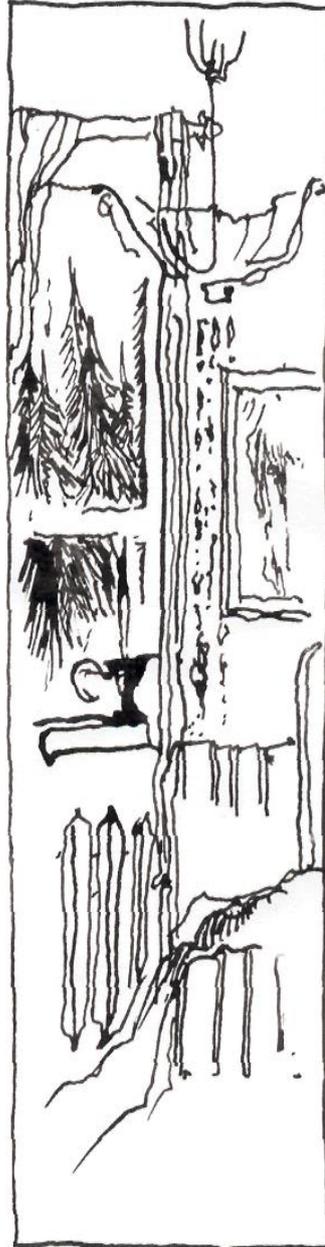
12. *Habermas YU.* Strukturnoe izmenenie publichnoj sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva. M.: Ves' Mir, 2016. 592 s.

13. *SHtompka P.* Doverie — osnova obshchestva. M.: Logos, 2012. 352 s.

14. *SHugrina E.S.* Municipal'noe pravo Rossijskoj Federacii: Uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2023. 768 s.

15. *YAsin E.G.* Prizhivetsya li demokratiya v Rossii. M.: Novoe izdatel'stvo, 2005. 384 s.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

80-летие Р.С. Гринберга

Выражая искреннюю признательность за неизменную поддержку философско-хозяйственного течения гуманитарной мысли и систематическое личное участие в публичной деятельности Центра общественных наук МГУ и лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ, редакция журнала поздравляет Вас, дорогой Руслан Семенович, выдающегося ученого экономиста-гуманитария с юбилеем и желает здоровья, творческих и деловых успехов!

3—5 декабря 2025 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция «Россия в 2025 году: социум, хозяйство, культура» (в смешанном формате). На пленарном заседании конференции выступили 13 докладчиков: доктора наук Ю.М. Осипов, А.Л. Андреев, У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), М.М. Гузев (Волжский), С.Г. Ковалев (СПб.), А.В. Кузнецов, П.С. Лемешенко (Минск, Белоруссия), Р.М. Нижегородцев, А.И. Субетто (СПб.), К.А. Хубиев, И.Г. Шевченко; кандидат наук В.В. Кашицын (Новороссийск); член комитета по финансовой политике, Российского союза промышленников и предпринимателей А.А. Козлачков.

На секционных заседаниях выступили: доктора наук М.Л. Альпидовская, Т.Б. Бердникова (Белгород), О.В. Брижак, И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), А.И. Ильинский, Ю.А. Кропин, К.В. Молчанов, Г.Р. Наумова, С.С. Носова, А.А. Олейников, М.Ю. Павлов, Д.Н. Платонов, Е.А. Погребинская, Л.Г. Чередниченко, Н.А. Шапиро (СПб.); кандидаты наук И.Н. Белоногов, О.В. Доброчеев, Т.А. Ерофеева, П.П. Жуликов, Е.С. Зотова, С.В. Кайманаков, Э. Мартин (Е.Н. Иогансон) (Лондон, Великобритания), С.С. Мерзляков, Г.В. Михайлова, Н.П. Недзвецкая, А.Н. Норкина, С.Б. Павлов, Е.А. Починкова (Новороссийск), Т.В. Рахимов, О.Н. Рыбковская, И.П. Смирнов, Р.Е. Соколов, В.И. Стасевич, В.А. Ушанков (СПб.), Г.В. Фадейчева, Е.Х. Хабибуллина, В.В. Чапля (Краснодар), Е.В. Шелкопляс (Иваново), Т.Ю. Яковец; научный сотрудник Т.С. Сухина; инженеры И.З. Гелисханов, А.М. Маковская; аспиранты А.О. Кадиров (СПб.), И.И. Простаков, М.Р. Савчук; студенты магистратуры Л.А. Гаврилова, И.П. Ясевич; студенты бакалавриата В.Д. Анненков, Д.Д. Артеменко, М.М. Базарова, А.С. Бегунов, А.В. Беляева, А.А. Василевская, М.А. Володина, Д.А. Гладышук, М.Д. Довгаль, Е.Е. Животова,

А.А. Зайцев, А.А. Иванникова, А.И. Киселев, А.В. Кичигина, Д.Э. Клипчаева, И.В. Клопова, А.Д. Козлова, С.А. Кулешова, А.А. Марушкина, Б.Р. Мухамедалиев, А.В. Попов, А.Г. Тихомирова, Д.В. Тятихина, Е.С. Фояева, У.П. Фурт, А.В. Цопа, А.А. Шакирова; соискатель ученой степени к.э.н. А.И. Сироткина; президент ООО «Белый кот» Т.В. Воеводина.

5 декабря в рамках конференции состоялась панельная дискуссия «Камо грядеши: 2025-й и далее», в которой приняли участие доктора наук Ю.М. Осипов (ведущий), С.В. Бирюков (Кемерово), Ф.И. Гиренок, С.В. Киселев, Д.В. Кузин, С.Н. Сильвестров; президент Фонда экономических исследований М.Л. Хазин.

Ю.М. ОСИПОВ

Стоит того!*

Аннотация. Представлены наброски вступительного доклада к Международной научной конференции «Россия в 2025 году: социум, хозяйство, культура», состоявшейся 3—5 декабря 2025 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: Россия, РФ, Бытие-История, актуальный, событийный и ментальный калейдоскоп, Хаос, хаосмос, Запад, Европа, Азия, Восток, Юг, глобализм, многополярный мир, война и мир, США, Трамп, трампизм, российский путь для России.

Abstract. The outline of the introductory report to the International scientific conference «Russia in 2025: Society, Economy, Culture», held on December 3—5, 2025 at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, is presented.

Keywords: Russia, Genesis-History, current, eventful and mental kaleidoscope, Chaos, chaosmos, West, Europe, Asia, East, South, globalism, multipolar world, war and peace, USA, Trump, Trumpism, the Russian way for Russia.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Стоит того! // Философия хозяйства. 2026. № 1. С. 264—269. DOI: 10.5281/zenodo.18723595/

А что, собственно, сто́ит и, собственно, чего? Речь тут идет, не поверите, всего лишь о моих личных концептуальных набросках к декабрьской (03—05.12.2025) Международной научной конференции «Россия в 2025 году: социум, хозяйство, культура», вполне себе сто́ящих (заслуживающих), на мой взгляд, опубликования и ученого внимания. Да, я немало использовал из загодя наброшенного в своих выступлениях на самой конференции, а что-то осталось-таки за ее бортом. Однако при послеконференционном обращении к подготовительным текстам мне показалось, что они, точнее выраженные в них мысли, заслуживают не только моего собственного внимания, но и иного тоже, как пусть и неодобрительного, но все-таки внимания, а подумать-то тут все-таки есть над чем.

1. События идут за событиями, как и словеса за словесами (официальные, инсайдерские, комментаторские, пропагандистские). Захочешь, да ничего толком не поймешь, ибо все главное творится *за* событиями, в их тени, причем вовсе не такими уж самим себе адекватными, а потому всем, и даже их творцам вполне понятными и восприимчивыми и уж тем более мало имеющими отношения к обрамляющим их словесам, которые более служат прикрытием творимого, чем его адекватному трактованию. Отсюда и образ-метафора в виде *калейдоскопа*: внезапность, разноцветность, стихия, неопределенность, «непонятка». Такой вот событийный, не говоря уж о словесном, калейдоскоп — знамение времени, устраивающее ныне всех на свете «решалов», вращающих с упоением сей всемирный калейдоскоп, независимо от их принадлежности к той или иной части света, региону, стране, группе стран, да и просто к какой-либо «неофициальной силе», включая и криминальные.

2. Неоспоримое первенство в персональном олицетворении сего всемирного калейдоскопа принадлежит ныне, конечно, Трампу с его трампизмом, когда сам Трамп вовсе не так президент США, как именно главный в калейдоскопическом замесе всемирного масштаба «решала», причем вполне себе и театрального пошиба. Именно Трамп с трампизмом и задает сегодня тон в и так уже свихнувшейся на комедиантстве мировой политреальности.

3. РФ, в силу своей еще-таки имеющейся финансово-технологической зависимости от Запада и внешнего для нее мира, как и нахлобученной на себя искусственной «вестерности», хочет она того или нет, идет более всего за Трампом и ему *навстречу*, как бы это движение ни прикрывалось секретностью, недосказанностью, ничегонеговорением, пустозвонством, даже и вроде бы ведущейся на территории Украины (ныне Укрóины) войной с Западом, а такому вот заключению способствует не так историческая встреча президентов США и РФ на Аляске в Анкоридже, о сути которой нам, конечно же, ничего не известно, как открытое заявление президента РФ о непрепятствовании доллару со стороны РФ, а также его же приглашение американского капитала к возвращению в РФ, а лучше сказать, к продолжению своего хозяйничанья в России, в частности, как кажется, в сырьевых, редкоземельных, а вовсе не в высокотехнологических секторах. Я не даю никаких судейских оценок то ли сближению, то ли возобновлению... нет, конечно, не дружбы... а хотя бы взаимодействия, надеюсь, взаимовыгодного, между РФ и США, ибо не обладаю для таких оценок необходимой информацией, но явно воздерживаюсь от какой-либо по этому поводу эйфории, хотя и понимаю хваткую неизбежность происходящего, кстати, очень как-то сопряженного, почти что и невзначай, с платой со стороны РФ за возможное по трамповскому проекту замирение на Украине. Ах, эта русская Аляска, ах, этот американский Анкоридж!

4. Событийно-словотворческому калейдоскопу вполне адекватно соответствует вырвавшийся сегодня на свободу *Хаос*, который не надо путать с физическим броуновским хаосом, ибо это иной хаос — социо-полит-хозяйственно-экзистенциальный, однако он не просто ныне есть, мало того, доминирует, как раз и служа основанием, средой, почвой для выше рассмотренной калейдоскопичности. Недаром же возникла концепция «управляемого хаоса», которую мы можем дополнить идеей «управления через хаос», не забывая и о том, что хаос — на то и хаос, чтобы, захватив в социохозяйственной жизни некий приоритет, влиять и на сознание, разум, бессознание, безумие людей, в особенности как раз «решал», отчего к нашему пониманию Хаоса и его роли надо бы добавить еще и хаос, вольно или невольно царящий, условно говоря, в головах людских, а ныне как раз особенно... Хаосмос, то бишь возникающий в Хаосе и из Хаоса подвижный, то бишь немало и по-своему и хаосный порядок — так

называемый в Хаосе хаотический порядок — *Хаосмос* (то бишь не совсем уже хаос, но при этом совсем и не космос, а нечто меж ними среднее, возникающее благодаря воздействию на ту или иную локальность того или иного проективного и по-своему силового *аттрактора*) служит так или иначе человеку и его экзистенции, но отменить Хаос он не может, да и не должен, более того, вынужден возвращаться в Хаос, чтобы вновь вернуться в как-то упорядоченную реализацию бытия человеческого, но уже по обыкновению в каком-то ином образе.

5. Заметим особо, что есть еще некий культивируемый, устойчивый и настойчиво оберегаемый, даже, можно сказать, осознанно организованный хаос, буквально крышуемый властями, государствами или теми же монопольно-корпоративной и банковско-финансовой системами, включая и уголовные, в наличии чего можно без труда убедиться в разгулявшемся или, наоборот, оцепеневшем хаосе в таких сферах РФ-бытия, как образование, гуманитарная наука, ЖКХ, предпринимательство, банковское дело, торговля, ценообразование и т. д. и т. п. Удобно, наверное, все это для правящего верха, но, увы, и вполне объективно для него же небезопасно — хаос имеет способность, если не страсть, разогреваться до неконтролируемого и вырываться с пыхом-жаром наружу, а коли еще добавить вездесущую коррупцию, разнообразные «мошенства» (отнюдь не только телефонное укронацистское), то непременно вырываться на «обезумленный» простор с никому не ведомыми последствиями!

6. Наша конференция посвящена, как, собственно, и все декабрьские конференции многих и многих лет, России, причем России как испокон веку бытующей данности, так и современной, совсем недавно и активно отрицаемой, даже и охотно поносимой, пусть ныне и немало внешне вестернизированной, но все-таки России, а не прикрывающей ее и в самом деле заметно, если не вызывающе, вестернизированной РФ. И ежели до последнего времени (хотя бы до мюнхенской речи нашего президента, а затем крымских событий 2014 г. или совсем уж точно до начала в 2022 г. СВО) мы говорили и писали о России и о тревожной отечественной тематике как бы для себя, не будучи не только услышанными, но и вполне себе замалчиваемыми (да не в именах, что не так уж и важно, а в выдаваемых нами идеях), то ныне о России, русских, русскости, русском мире, русском языке,

имперскости России открыто говорят многие, в том числе и из властей предрежащих, конечно, по большей части сдержанно, но все-таки говорят, что не может не вызывать у нас удовлетворения, а главное, что подтверждает давнишний наш тезис, что без России, господа, никуда — НИКУДА!, что приходится-таки к ней обращаться, ибо либо Россия есть, и ты есть вместе с нею, либо России нет, но и тебя, дорогой, тоже нет! Тут стоит над чем поразмышлять нашим правящим верхам и окончательно отбросить всякие нероссийские в России «концепции» и «проекты», не говоря уж об антироссийских, от которых России только вред, и ничего хорошего для нее выйти просто не может!

7. А что говорит нам 2025-й год? Как раз вот обо всем этом и говорит, но не только: он говорит еще, что необходимы в стране крутые перемены — ПЕРЕМЕНЫ! — и в сторону как раз России, что перемены сии не просто назрели, а прямо-таки рвутся в явь! Отсюда и наша «столбовая дорога перемен», вовсе не случайно попавшая в тему нашей конференции. Что-о, разве это не ясно?! Россия — не Запад как таковой, и там, «в Западе», ее как равного партнера вовсе не ждут, и слава богу, что не ждут, более того России там вовсе и не место, хоть страна наша в ментально-культурном отношении прежде всего страна, конечно же, европейская, что не мешает ей оставаться, несмотря ни на что, аккурат российской страной. Это раз! А два состоит в том, что Россия и не Восток, в котором ее если и ждут, то, как и на Западе, лишь в качестве лакомого съестного блюда. Отсюда и три: Россия, будучи по размещению на планете и составу населения страной евразийской (северо-евразийской), есть не что иное, как... РОССИЯ!, и надеяться ей надо только на себя, на свои собственные силы, которых у нее в потенции в общем-то предостаточно. А что касается планетарных акторов, что на Западе, что на Востоке, что на Юге, что на Севере, ежели там таковые найдутся, то «суконное» правило тут только одно — взаимовыгодное сотрудничество! И никаких завиральных надежд на СНГ, ШОС, БРИКС и т. д. и т. п., как и на США, Китай, Индию или почти любого «европейца» с «азиатом», кроме, конечно, Белоруссии и, как ни странно, КНДР, а на данный момент еще кое-кого вроде Венгрии, Ирана и Венесуэлы, может, Вьетнама, даже и Индонезии с Сингапуром, но, но, но!.. И государству нашему у нас полный вперед, коли надо, и новому Госплану, и

новой (изрядно национализированной) финансово-банковско-кредитной системе, не говоря уж о новой армии, — в общем, *перемены, перемены, перемены*, которые уже не ждут тишайше, а вопиют остервенело и нетерпеливо, чего как раз уже не ждет и отчего вопиет и сама Россия! Вот она какая для России императивная актуальность, что внутри себя, что вовне.

Ю.М. ОСИПОВ

Актуальная Россия в актуальном мире*
(дополнение)

Аннотация. Представлены некоторые размышления на тему состоявшейся на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 3—5 декабря 2025 г. Международной научной конференции «Россия в 2025 году: социум, хозяйство, культура».

Ключевые слова: Россия, Бытие-История, актуальный, событийный и ментальный калейдоскоп, Хаос, хаосмос, глобализм, многополярный мир, война и мир.

Abstract. Some reflections on the topic of the International scientific conference «Russia in 2025: Society, Economy, Culture» held at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University on December 3—5, 2025 are presented.

Keywords: Russia, Genesis-History, current, event and mental kaleidoscope, Chaos, chaosmos, globalism, multipolar world, war and peace.

УДК 304
ББК 65в

I. В мире, так и в связи с этим и в России, ныне преобладает не что иное, как то, что в названии пленарного заседания обозначено как «событийный калейдоскоп». Таковой действительно налицо, а под

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Актуальная Россия в актуальном мире (дополнение) // *Философия хозяйства*. 2026. № 1. С. 269—271. DOI: 10.5281/zenodo.18723624.

ним скрывается, служа ему питательной пищей, не что иное, как самый что ни на есть экзистенциально-хозяйственный хаос — ХАОС!

II. Последний вообще свойствен бытию, включая и земно-человеческое Бытие-Историю, ибо без хаоса ничего в мироздании нет — НИЧЕГО!, хотя и без умеривания сего первозданного хаоса через посредство упорядочивающего хаос до хаосмоса того или иного аттрактора в мире тоже ничего нет — НИЧЕГО!

III. Хаос функционально разнообразен: с одной стороны, он творящ, жизнедающ и жизнеотправляющ, разумеется, вкупе с теми или иными аттракторами и хаосмосами, а с другой — поглощающ, уничтожающ, смертоносен. Вообще он — хаос — всегда и везде, в том же человеке, и даже прославленный человеком *разум* в той или иной степени непременно хаотичен (или хаосен), будучи органично связанным с *безумием*, без которого разума вообще нет, а уж сознания тем более, включая бессознание, сверхсознание и подсознание, — и ничего тут не поделать: без хаоса никуда — НИКУДА!

IV. Одно дело — вспоможение со стороны хаоса жизни, человеку, разуму, сознанию, природе и т. д., что вообще-то обычно человеком и не замечается — ни этого вспоможения, ни самого хаоса. Совсем другое дело, когда хаос, будучи при этом не просто замечаемым, а чуть ли не находящимся в экзистенциально-хозяйственном приоритете, правда, либо все-таки обычно находящимся под контролем и особого рода управлением (в том числе и через сам же хаос), либо выходящим из-под, пусть и относительного, контроля и эффективного управления им самим или через него, в момент, так сказать, дикого загула-разгула хаоса, как это бывает в те же войны, революции, бунты, даже и реформы, да так он может загулять-разгуляться, что оказывается способным превратиться из подконтрольно-управляемого хаоса в *хаос управляющий*, и тут уж, как говорится, держись, человек: беспорядке, произвол, самодурство, грабеж, страдания, эпидемии, увечья, смерти. Что тут еще?

V. Однако есть то ли уникальный, то ли даже незамечаемый феномен даже не управляемого хаоса и даже не управления через хаос, это сегодня в мире и в России есть, а я бы сей феномен назвал *организованным хаосом*, может, по обстоятельствам, по необходимости или по «неможности» возникающим, однако таки благополучно существующим, да ладно бы где-то в мире, а в целом мире сие невозможно, а прямо у нас, в РФ, что оказалось вполне себе и возможным.

Внешне всё властно-силово-аттрактивно организовано, даже заорганизовано, вроде бы как вполне себе упорядочено, а вот внутри-то шевелится, булькает, бурлит, кипит самый что ни на есть настоящий хаос, однако не сам по себе хаос-разгуляка, а зажатый внутри себя или в себе замерший, хоть и всю подвижный хаос, вовсе и не воспринимаемый как хаос, однако все-таки не что иное, как... хаос — ХАОС!, вполне и антижизненный, и мертвенный, и смертоносный.

VI. Что-о, не верится? Тогда обратите свои пытливые взоры на нашу школу, на вузы, на науку, на здравоохранение, на систему ЖКХ, на природопользование, на дорожное и городское строительство, на железные дороги, на гражданские авиацию и авиастроение, на надзорные и правоохранительные органы, на те же суды, да на что угодно, вплоть до политики, культуры, искусства, театра, кино, масс-медиа... э-эх!.. и увидите всё одно и то же — зажатый в тиски, рукотворный, ведомый, как раз и вполне организованный, чуть ли не упорядоченный хаос — ХАОС!, доминирующий, властвующий, господствующий, при этом бойкий, мельтешащий, изобретательный, моществующий, нет, не броуновский вовсе, а наш — человеческий, да вот не жизненный, а всю мертвящий, abortирующий, убийственный, разумеется, прежде всего для полноценной, устремленной в будущее человеческой жизни, но ведь вот парадокс — и для себя тоже!

Т.С. СУХИНА

Особенности формирования российской идентичности*

Аннотация. Представлен обзор выступлений на секции «Идейно-культурное оснащение современности», состоявшейся 4 декабря 2025 г. в рамках Международной научной конференции «Россия в 2025 году: социум, хозяйство, культура», которая была проведена на экономическом факультете МГУ 3—5 декабря 2025 г. в гибридном формате.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сухина Т.С. Особенности формирования российской идентичности // Философия хозяйства. 2026. № 1. С. 271—277. DOI: 10.5281/zenodo.18723654.

Ключевые слова: культура, идеология, общество, человек, история политической экономики, искусственный интеллект, технологическая сингулярность.

Abstract. The review of the session at the section «Ideological and cultural equipment of modernity», held on December 4, 2025, as part of the International scientific conference «Russia in 2025: Society, Economy, and Culture», which was held at the Faculty of Economics of Moscow State University on December 3—5, 2025 is presented.

Keywords: culture, ideology, society, man, history of political economy, artificial intelligence, technological singularity.

УДК 330
ББК 65в

В рамках работы Международной научной конференции «Россия в 2025 году: социум, хозяйство, культура», проводившейся на экономическом факультете МГУ 3—5 декабря 2025 г. в гибридном формате по инициативе лаборатории философии хозяйства и научного совета «Центр общественных наук МГУ», 4 декабря 2025 г. состоялось заседание секции «Идейно-культурное оснащение современности».

В докладе «Культурное различие европейской политэкономии и русской школы экономической мысли» к.э.н. **Т.В. Рахимов** (НТК «Солтек») представил результаты сравнительного анализа различий основ традиций европейской и русской экономических школ. «Политическая экономия как наука возникла в философии просветительства XVIII в. с верой в предустановленную естественную гармонию. Первые экономисты-физиократы опирались на богословское мнение католического священника Николя Мальбранша (1638—1715). Экономика представлена ими в виде открытой системы, в которую Божественное Провидение ежегодно через землю дарует человечеству все необходимое для жизни. Экономисты настаивали на свободе торговли с лозунгом *laissez-faire* (*laissez passer* — разрешите действовать Провидению). Они верили, что свободная конкуренция сама установит необходимый баланс цен между производителями, торговцами и покупателями. В основу смитовского учения легла протестантская пуританская этика. Практика протестантов требовала неустанного

профессионального труда ради будущего отчета перед Богом. Обогащение и скупость. Система, предложенная Смитом, стала замкнутой: вместо Божественного Провидения миром правит бесстрастная “невидимая рука”. Для русской экономической мысли хозяйственная деятельность охватывала широкий спектр человеческих отношений, включая воспитание детей. Традиция гласит, что Бог есть истинный Владыка Вселенной, и все, чем владеет человек, он получил от Бога. Христианская любовь ставит идеалом не отобрание чужого, а свободное отдание своего на общую пользу. Бог иных делает богатыми, чтобы через свободу воли проявилась христианская любовь к ближнему. Бог сделал имущего посредником в раздаче Божественных благ. Благодетельность, дела милосердия, милостыня служат показателем общественной эффективности хозяйства».

Доклад «Идея возможности технологической сингулярности как проявление метафизической мутации сознания» к.и.н., публицист **Э. Мартин (Е.Н. Иогансон)** (г. Лондон, Великобритания) посвятила «критическому анализу технологической сингулярности (ТС), теоретической концепции, представляющей собой слияние технокультурных нарративов прогресса, в соответствии с которой рекурсивная способность искусственного интеллекта (ИИ) к самосовершенствованию может необратимо изменить человеческую цивилизацию. Уделив особое внимание критике тезиса, согласно которому экспоненциальный рост технологий может привести к кардинальной трансформации сознания посредством интеграции человека и ИИ, автор утверждает, что идея возможности ТС как антропологической точки невозврата является следствием нашей усиливающейся зависимости от техники, что, в свою очередь, является проявлением метафизической мутации сознания, заключающейся в постепенной утрате способности различения в сенсориуме человеческого восприятия. Подчеркивается опасность всеобъемлющего внедрения ИИ во все сферы человеческой жизни, а также риски, связанные с разработками сильного ИИ и искусственного суперинтеллекта. «Современная гипотеза ТС работает как технокультурный мем, постулирующий идею слияния человека и техники, тесно связанный с идеологией сторонников глобализма в постиндустриальном обществе. Целью этой идеологии является кардинальная когнитивная трансформация, в результате которой исчезнет критическое мышление, а самосознание

мутирует таким образом, что человек перестанет различать человеческое от нечеловеческого, воспринимая себя и окружающий мир через призму ИИ».

В докладе «Экономика интеллектуальной собственности: через структурные сдвиги к приращению общего блага» к.э.н. **Р.Е. Соколов** (Федеральный институт промышленной собственности, г. Москва) сосредоточился на раскрытии понятия «экономика интеллектуальной собственности» (ЭИС) как альтернативы инновационной экономике и экономике инноваций в русле концепции общего блага, а также выявлению степени смысловой насыщенности понятия «структурные сдвиги». Проведенный автором анализ литературы подтвердил, что «большинство отечественных исследователей определяет ЭИС как совокупность процессов, не столько коммерциализирующих результаты интеллектуальной деятельности, сколько вносящих определенный вклад в приращение общего блага посредством увеличения человеческого и интеллектуального капитала страны. Коммерциализация при этом играет подчиненную роль, но не менее важную. Структурный сдвиг как результат развития ЭИС выступает существенным структурным изменением хозяйствования, которое влияет на вектор динамики общего блага».

К.мед.н., директор Института развития человека (г. Иваново) **Е.В. Шелкопляс** в докладе «Принципы теории оптимума развития и софиасофии в концепции созидания общества гармоничного развития» подчеркнул, что «в число важнейших задач науки входит познание законов бытия человека и мира. Их постижение позволяет понимать суть прошлых и текущих событий, прогнозировать основные закономерности социальной эволюции. Вместе с тем процесс познания неразрывно связан с ошибками, которые, если не упорствовать в них, являются поводом для уточнения существующего знания. Ю.М. Осипов поставил вопрос о несовершенстве современной экономической науки, которая неудовлетворительно объясняет происходящие в экономике процессы и еще менее убедительно прогнозирует их характер в будущем. Известно, что экономика во многом — это психология отдельных людей (экономическая психология А. Смита) и масс (классовая психология К. Маркса). Современность требует дальнейшего развития антропологической и психологической теории в разделе индивидуального и группового как экономического, так и социального поведения».

Предложенная президентом Академии философии хозяйства Ю.М. Осиповым концепция софиасофии подчеркивает недостаточность использования лишь рациональных возможностей психики человека в познании, признанных психологической наукой. Он говорит о возможностях интуитивного постижения истины людьми науки, обладающими глубокими знаниями, жизненным опытом и талантом прозрения бытия современными пророками.

Теория оптимума развития (ТОР), разрабатываемая нами с 1980-х гг., позволяет на основе идей софиасофии и системно-холистического подхода конкретизировать многие принципы и технологии анализа мышления и поведения человека и социума. В ней принципиально по-новому (аналогов этой теории нет в западной цивилизации, основанной на философии индивидуализма) описываются две комплементарные пары мотивов поведения на уровне биологической, социальной и духовной жизни человека. Кроме того, представлены шесть базовых сомато-психических конституционально-адаптационных типов человека (яркие и умеренные интро-, центра- и экстраверты), особенности их социального поведения, сильные и слабые стороны каждого из типов, составляющих сбалансированную систему популяции людей. ТОР учитывает существование гармоничного и эгоцентрического типа социальных общностей. Описана и опубликована концепция модели созидания «Общества гармоничного развития», основанного на уходе от тысячелетних традиций эгоистического поведения, на возрастании гармонии отношений в семье и обществе, изменении многих базовых культурных, социальных и экономических принципов».

В выступлении на тему «Экономический и социальный строй Римейской (Византийской) империи и его актуальность для современной России» к.э.н. **О.Н. Рыбковская** (Институт отраслевого менеджмента РАНХиГС при Президенте РФ) обратила внимание на отсутствие в современной России успешного проекта жизнеустройства, альтернативного западному. Подчеркивая острую необходимость в разработке такого проекта, который отличался бы высокой духовностью и культурой, а также основанной на идее социальной справедливости социально-экономической модели, автор обращается к Римейской империи, рассматривая ее как первое в мире социальное

православное государство-цивилизацию, духовная основа которого — православие, пронизывало все сферы жизни общества, и прежде всего их политический и социально-экономический строй.

Доклад д.э.н., профессора **Д.Н. Платонова** (экономический факультет МГУ) и к.э.н., доцента **Е.Х. Хабибуллиной** (Московская финансово-юридическая академия) был посвящен контурам теории материкового хозяйства, намеченным в исследованиях русского евразийства и русского неодирижизма.

«В первой половине XX в. русскими евразийцами был проведен системный анализ всей совокупности естественных условий и факторов, характеризующих природное своеобразие хозяйственного положения России. “Материковое хозяйство” России — это особый тип хозяйства, кардинально отличающийся от типов хозяйства экономических единиц иного порядка: хозяйства “городского”, “территориального” (Голландия, Бельгия) или “национального” (Франция, Германия, Англия).

“Материковое хозяйство”, в понимании русского евразийства, — это самостоятельная, но “незамкнутая” система. Ее “незамкнутость” определяется наличием внешней торговли. Ее самостоятельность — возможностью завершить в ней самой основные процессы промышленно-сельскохозяйственного обмена. Материковый тип хозяйства России отличается от хозяйства океанических стран удаленностью подавляющей части своих территорий от незамерзающих незамкнутых морей и сугубой дороговизной сухопутных перевозок, с которыми неизбежно связана основная масса российских товарных потоков. Отсюда следует постановка стратегической цели — добиваться максимально возможного самообеспечения товарами, создаваемыми близлежащими отечественными хозяйственными единицами».

По мнению авторов доклада «грандиозный проект формирования органически спаянного материкового хозяйства, ориентированного на восточные концентрированные ресурсные богатства России, не только жизненно необходим для страны, но и вполне реален в силу ее уникальных геолого-экономических данных».

К.э.н **Я.И. Нисанов** (международный научный журнал «Малый бизнес, рынок и общество») в своем выступлении, посвященном соотношению принципа открытости научного знания и ограничений

информационного противоборства в развитии современной российской общественной науки, сформулировал следующие тезисы.

«1. Принцип открытости научного знания, мотивы и ценности развития науки как самоцели, как смысла жизни в познании сыграли важную роль в становлении и развитии научного познания как наиболее прогрессивного и объективного вида познавательной деятельности. Об этой миссии науки писали еще Сократ, Аристотель, более поздние авторы. Со временем, к XX в., оформилась и получила динамичное развитие отдельная отрасль знания — философия науки, а в самое последнее время в российской науке намечаются востребованные исследования в области аксиологии познания.

Таким образом, принцип открытости научного знания является едва ли не одним из базовых мотивов развития науки как вида познавательной деятельности. И ограничить этот принцип, перестроить его границы — далеко не административная задача.

2. Под информационным противоборством понимается борьба в информационной сфере (информационная война) посредством комплексного деструктивного воздействия на информационные системы и информационную инфраструктуру противоборствующей стороны, с одновременной защитой собственных информационных систем и инфраструктуры. В стране, где традиционно принималось во внимание материалистическое понимание истории, отношение к информационному противоборству остается недостаточно значимым, хотя можно ретроспективно заключить, что именно в информационном противоборстве долгое время СССР оставался привлекательной юрисдикцией — от момента идеологического обновления целей государства и вплоть до признания ошибочными “нерыночных” условий хозяйства. Эта эволюция и есть продукт деструктивного воздействия в рамках информационного противоборства.

3. Современное состояние российской общественной науки в вышеназванных соотношениях понятий имеет некоторую традицию в рамках развития военной социологии, плохо разработано и требует методичной и наукоемкой работы».

По мнению Я.И. Нисанова, обозначение этой проблематики, ее актуальности станет вехой в продолжении системной научной работы.

Е.С. ЗОТОВА

**Об актуальной гуманитарной мысли
(презентация трехтомника Ю.М. Осипова
«Иное достояние...»)***

Аннотация. Представлен обзор Международного научного симпозиума «Актуальная гуманитарная мысль», на котором состоялась презентация книги Ю.М. Осипова «Иное достояние: собрание превентивных текстов от политэкономии к философии хозяйства, от софиологии к софиасофии», который прошел на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 30 октября 2025 г. в смешанном формате.

Ключевые слова: Россия, актуальная гуманитарная мысль, научная школа философии хозяйства, софиасофия, Иное, Ю.М. Осипов.

Abstract. The article presents an overview of the International Scientific Symposium «Modern Humanitarian Thought» with the presentation of Yu.M. Osipov's book «Another Property: A Collection of Preventive Texts from Political Economy to Philosophy of Economy, from Sophiology to Sophiasophy», held at the Economic Faculty at Lomonosov Moscow State University on October 30, 2025 in a combined format.

Keywords: Russia, modern humanitarian thought, scientific school of philosophy of economy, sophiasophy, the Other, Yu.M. Osipov.

УДК 330; 0061; 008
ББК 65в

30 октября 2025 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в смешанном формате состоялся Международный научный симпозиум-презентация «Актуальная гуманитарная мысль», организованный лабораторией философии хозяйства и научным советом «Центр общественных наук МГУ», на котором был

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. Об актуальной гуманитарной мысли (презентация трехтомника Ю.М. Осипова «Иное достояние...») // Философия хозяйства. 2026. № 1. С. 278—293. DOI: 10.5281/zenodo.18723680.

представлен трехтомник Ю.М. Осипова «Иное достояние: собрание превентивных текстов от политэкономии к философии хозяйства, от софиологии к софиасофии» (сокращенное изложение см. [1]).

Открывая заседание, д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ) сказал: «Представленный в трехтомнике материал, разумеется, не весь, что создан мною по философии хозяйства, — на это потребовался бы минимум десятитомник. Это не более чем избранное, однако вполне отражающее авторскую версию философии хозяйства, обретшую поначалу если не совсем завершённую, то к сегодняшнему моменту уже достаточно определившуюся в своей специфической парадигме целостную *инософскую* (!) конфигурацию, позволившую создать не только адекватные ей ученые труды, но и соответствовавшие авторской версии дидактические подспорья, а затем и достичь софийных размыслительных вершин, не ограничившись русской философской софиологией конца XIX и XX вв., включая и булгаковскую (С.Н. Булгакова), заполучив незнамо как, то бишь металоогически-трансцендентно, иную версию мировоззренческой софийности — *софиасофскую*!

На сегодня можно с уверенностью сказать, что целостная авторская парадигма философии хозяйства не только есть, но и достаточно текстуально выражена, в частности, в представленном многогранном, вполне и полилектическом трехтомнике.

Да, есть оно, о чем ныне можно не только во всеуслышание заявить, но и попытаться утвердить в бескрайнем гуманитарном мирознании как не только красноречивое *достояние* русской, российской и мировой гуманитарной мысли, но и как, в силу своей смыслоконцептуальной неординарности, если не экстраординарности, достояние воистину иное — ИНОЕ!, а вдобавок еще и достояние самого занимающего важнейшее в представленной философии хозяйства почетное смыслообразующее когнитивно-стратегическое место ИНОГО!, что как раз и демонстрируется в этом трехтомнике.

Сегодняшнее мероприятие — безусловно, значимое событие на учено-гуманитарном поприще, можно сказать, ничтоже сумняшея, что это и своеобразный ментально-превентивный залп, смогший стать в силу собранного воедино взрывчатого смысло-концептуального философско-хозяйственного заряда!

Что ж, нам есть о чем поговорить, что обсудить, вот и попробуем это сделать, пройдясь по гуманитарному “бездорожью” возбуждающим подуснувший проксигуманитарный когнитив беспокойно-“бунташным” философско-хозяйственным катком!».

Начиная обсуждение, д.э.н., профессор **С.Г. Ковалев** (Санкт-Петербургский государственный экономический университет) в своем выступлении «Иное восприятие, иная экономическая наука. Размышление о бытии в книгах Ю.М. Осипова» выделил триединство, присущее автору и его творчеству.

Во-первых, по мнению докладчика, философия хозяйства Осипова — это иное восприятие и прочтение человеческой жизнедеятельности. Условно в истории мысли сформировались и выделились три концептуальных взгляда на экономическую деятельность и экономическую науку как ее отражение: 1) наука о хозяйстве; 2) наука об экономике; 3) наука о влиянии институтов на экономическую деятельность. В принципе это частные аспекты более широкого явления — воспроизводства человеческого общества на основе его хозяйственной жизнедеятельности, деятельности в планетарно-природной и космической среде, а применительно к России — ее державное воспроизводство. Важнейшие моменты жизни самого Ю.М. Осипова — это обращение к расширению проблематики экономической науки и ее софийному осмыслению, к разработке собственного — альтернативного существующей экономической теории — ракурса восприятия жизнеотправления и на этой основе, сквозь призму яркой гражданской позиции, выработка собственного мировоззренческого, философского восприятия России, ее судьбы, проблем. Если смотреть на историю широко, то исторический процесс — это поток сплетенных локальных судеб отдельных людей, неотделимых от общественных изменений, пертурбаций.

Трансформация жизни советского общества и ломка парадигмы социально-экономической науки, случившиеся в конце 1980-х — начале 1990-х гг., требовали новой методологии, нового понимания развернувшихся процессов. Соответственно, судьба Ю.М. Осипова — это не только его личностная судьба, не просто служение истине, но это вклад, причем очень весомый, в новое понимание предмета, содержания и актуализации проблематики гуманитарного знания.

Во-вторых, выход менее чем за два последних года 7 книг — «Сущее и вешее...» и двух трехтомников — «Российского перепутья: из века двадцатого в век двадцать первый, 1990—2023» и презентуемого сегодня «Иного достояния...» — это подвиг и автора, и издательский подвиг его коллег по лаборатории, и всех лиц и организаций, помогающих осуществить выпуск книг. И безусловно, это знаковое явление в российской общественной мысли. Причем эти книги не просто академический анализ, но и вклад в создание научного направления с оригинальной предметной проблематикой и методологией исследования. Речь идет о парадигме автора, включающей философию и теорию хозяйства, методологию познания хозяйства и самобытности России, осмысления мировых и отечественных реалий. Публикация трехтомника, составляющего единое целое, — гносеологический ответ автора на ситуацию в науке и в хозяйственной практике.

В-третьих, в издании дана квинтэссенция взглядов автора на философию хозяйства — понимание предметной области исследования — и предложена авторская позиция трактовки философии хозяйства как осмысления сущего, как софийности, как творческого развития подхода С.Н. Булгакова, сформулированы особенности собственной трактовки предмета и методологии. «Причем, что символично, и С.Н. Булгаков, и Ю.М. Осипов пришли к философии хозяйства самостоятельно, независимо от мировой научной мысли (в западной парадигме существует направление — философия экономики — в ракурсе позитивизма в науке). Для обоих это их гражданская и исследовательская позиция, реакция на состояние экономической науки, осознание, что на явления хозяйственной деятельности действительности нужно смотреть шире, глубже и не только с научно-позитивистской и материалистической позиции, но и с позиции Творца, неважно, в какой ипостаси он нисходит: то ли Замысла Божьего, то ли Разума Человеческого, то ли Космического. Важно, что разум проявляется, и замыслы надо осознавать, отсюда понимание философии хозяйства как знания-размышления о мире, как откровения, но не только от мира сего, отсюда и развитие содержания философии хозяйства — это уже и не хозяйство, и не наука, и не философия, и не софия, а все вместе — София Софийности — софиасофия, мудрость мудрости — и земной, и иной», — заключил профессор Ковалев.

Созданная и развитая Ю.М. Осиповым софиасофия, подчеркнул д.ф.н., профессор **Н.Б. Шулевский** (философский факультет МГУ), является логически необходимым и неизбежным завершением мировой мысли в ее поисках истины, своего основного слова и вечного смысла. «Это — высший, закономерный и завершённый плод в деле поиска мыслью своей непреложной правды, вне коей правды уже нет. Софиасофия — вечный поисковик истины и духовная гавань для корабля вечной и русской истины.

Познание вещей неизбежно и закономерно завершается познанием самого познания. Так возникает гносеология (эпистемология, когнитология). Этот шаг абсолютный дух сделал в философии Платона и Канта.

Мышление о вещах неизбежно и закономерно завершается тем, что мышление должно мыслить, изучать самого себя, становиться мышлением о мышлении. Логос вещей находит завершение во внутреннем логосе самого логоса. Так возникает логика. Этот шаг абсолютный дух сделал в философии Аристотеля и Гегеля.

Физика, изучающая материальный мир, неизбежно вынуждена включать в свое содержание исследование сверхфизического идеального мира. Так возникает метафизика. Этот шаг абсолютный дух сделал посредством философии неоплатонизма.

Мудрость, исследующая вещи и начала, неизбежно завершается тем, что она начинает исследовать саму себя, свое содержание, свои методы, свой смысловой организм. Мудрость здешнего мира и мира нездешнего завершается мудростью самой мудрости. Так возникает софиасофия. Этот шаг абсолютный дух сделал в русской философии Ю.М. Осипова.

Софиасофия представляет собой вершину мировой мысли, уникальную полилектическую методологию вечности, форму софийной импровизации русского ума, ведическое воображение русского духа. Софиасофия — это превентивный смысловой вклад в дело подготовки и созидания той эпохи, которая последует после апокалиптической катастрофы цивилизации, избравшей в качестве своего божества искусственный интеллект».

Говоря о софиасофии Ю.М. Осипова как о «высшей ступени гнозиса-мудрости всего сущего начала третьего тысячелетия», д.э.н., профессор **У.Ж. Алиев** (Образовательная корпорация «Туран»,

г. Астана, Казахстан) остановился на трех моментах. «Первое. В нынешнюю эпоху тотальной цифровизации и эйфории от искусственного интеллекта человечество порядком подзабыло о судьбе гуманитарных наук и гуманизации знания и образования, а если глубже — человека как такового, в истинном смысле слова — без какой-либо примеси машин, роботов, чипов, цифр, нейросетей, ИИ. И этот явный пробел в мышлении современного человека/человечества тонко и болезненно уловил профессор Осипов, посвятив научный симпозиум актуальной гуманитарной мысли и попав по сути в сердцевину глобального кризиса человеческого мышления. Еще К. Леви-Стросс говорил: “Двадцать первый век будет веком гуманитарных наук или его вовсе не будет”. Второе. Начав свою профессиональную, творческую и карьерную биографию с достославной политической экономии и осознав ее явную недостаточность в метафизическом освоении и построении картины мира, Юрий Михайлович стал осваивать более широкий аспект предметного поля — поле “хозяйства вообще”: теорию хозяйства, философию хозяйства, тем самым значительно расширив мыслительный горизонт своих коллег по цеху и перу. Дальше больше. Теперь он замахнулся и удачно попал в, казалось бы, “епархию чистых философов” — софиологию, развив ее в софиасофию, которую я назвал “высшей ступенью гнозиса-мудрости” на современном этапе, которая, на мой взгляд, не отрицает ни политическую экономию, ни социологию, ни традиционную философию и др., которые по отношению к софиасофии выступают “частными случаями” — более частными картинами мира. Третье. Весь этот невероятно трудный, в плане поиска себя в мире знаний, путь профессора Ю.М. Осипова дал весьма ощутимые результаты. Ныне он выдающийся самобытный мыслитель современности, правда неоднозначно воспринимаемый его интеллектуальным окружением, что вполне естественно (ведь всякое “иное” проходит три этапа его восприятия и оценки: первый — “что за чушь”, второй — “в этом что-то есть”, третий — “кто же об этом не знает”), признанный лидер нашего интеллектуально-духовного сообщества. И, наконец, явное этому доказательство — издание трехтомника уникальных мыслей “Иное достояние...”».

Выход в свет новой книги Ю.М. Осипова «Иное достояние...» — очевидно, рядовое явление в современной российской

науке и гуманитарной мысли, отмеченное далеко не только многолетними коллегами и сподвижниками ученого, сказал д.полит.н., профессор **С.В. Бирюков** (Сибирский институт управления РАНХиГС, г. Новосибирск). Российская наука — как и российское государство в целом — стоит сегодня перед системными вызовами, на которые требуется системный ответ. «Российская империя и Советский Союз, столкнувшись в свое время одновременно с идеологическим, политическим, социальным и экономическим вызовами, не смогли сформулировать на них ответы, подтверждающие их способность преодолеть кризисы и двигаться дальше; гуманитарные и общественные науки также не помогли в обоих случаях в поиске столь необходимых тогда ответов. Сегодня Россия сталкивается не только с беспрецедентным внешним давлением и попыткой ее “отмены” как исторического, культурного и политического целого, но и с подлинным вызовом Иного — постгуманизма, постэкономики, посткультуры, постполитики, посткапитализма — и на все эти вызовы требуется именно системный ответ; поскольку сложные общества, подобные российскому, ради обретения долгосрочной перспективы, нуждаются именно в такой перспективе. Книга Ю.М. Осипова — не ревияция достигнутого автором в науке, но именно рефлексия относительно возможностей используемой им научной методологии и социологии в современной ситуации. Представленная книга — действительная заявка на новый образ и новую модель гуманитарного знания, столь необходимые сегодня российской науке и обществу, а равно и российскому государству».

В своем докладе на тему «Идея гуманизма как основа актуального мировоззрения» к.э.н. **Н.П. Недзвецкая** (экономический факультет МГУ) обратила внимание на возрастание роли принципов гуманизма, который трактует личность как главную ценность мироздания, что особенно актуально в современную цифровую эпоху, когда наблюдается тенденция к «обезличиванию» человека. Сегодня возникает закономерная необходимость в создании целостной мировоззренческой основы, базирующейся на антропологии, философии, экономике, социологии, культуре. Так, в новой книге Ю.М. Осипова именно философия хозяйства предполагает подобную основу, возрождая «особую» философию ради хозяйственной жизни человека, рассматривая хозяйство как единство природного, духовного и социального начал, где человек играет центральную роль.

«Философия хозяйства охватывает всю жизнь, — подчеркнул д.х.н., профессор **Л.А. Асланов** (химический факультет МГУ), — поэтому она полезна всем, кто ищет свое кредо и область применения сил в науке. Опыт развития философии хозяйства Ю.М. Осиповым показывает, что нельзя останавливаться на общепринятых направлениях исследования, гнаться за так называемым экономическим эффектом, да и любым другим эффектом тоже. Нужно браться за неизведанное, крупномасштабное, избегая мелкотемья, несмотря на, казалось бы, непреодолимые трудности. Ю.М. Осипов показал, что в науке человек может не чадить, а ярко гореть».

«Иное достояние...» — это философско-литературный феноменальный труд, опередивший эпоху на десятилетия и трудно однозначно позиционирующийся в текущих отрезках времени какой-то одной фразой, заметил к.т.н., профессор **П.П. Жуликов** (Московский финансово-промышленный университет «Синергия»). При этом допустимо в действующей терминологии определить, что это обобщенный анализ иного знания, зародившегося в новой философско-созидательной школе — философия хозяйства Ю.М. Осипова. Сегодня трудно определить сущность и значимость этого феномена, но в ряду работ великих европейских философов это можно представить следующим рядом ценностных категорий: Кант сформулировал критическую философию разумного познания и определяющие принципы моральности и императива, Гегель обосновал диалектику абсолютного духа, развивающего процесс познания, — эти титаны и их последователи фактически создали основу развития мирового капиталистического хозяйства с его идеологией — экономиксом.

Ю.М. Осипов создал иное представление — философию хозяйства как идеологию развития постэкономического мирового хозяйства. Это абсолютно иное истоковое знание по понятным причинам напрочь отрицается экономикой, культурой и технологической цивилизацией. Требуется глубокое профессиональное изучение этого феномена для понимания его значимости. А сегодня «Иное достояние...» — это скорее всего кроки, направляющие исследования пытливых умов к разработке учений и проектов иного — более гармоничного — мироположения, подчеркнул профессор Жуликов.

В своем выступлении «Соразмыслительное пространство: от политэкономии до философии хозяйства» к.э.н., доцент **Е.А. Почин-**

кова (Новороссийский филиал Кубанского государственного университета) заметила: «Приходя в науку, начинающий ученый изучает существующие научные концепции, выбирает одну из них и двигается дальше в ее рамках. В дальнейшем лишь некоторым удастся создать собственное направление в науке, которое привлечет новых сторонников.

Любая фундаментальная теория основательно и всеобъемлюще описывает научную область. Но чем стройней и убедительней такая теория, тем меньше шансов у ее последователей привнести новое. История научной мысли свидетельствует, что рано или поздно любая теория будет заменена в связи с открытием новых фактов, противоречащих сложившемуся подходу. Утвердится новая доминирующая концепция.

Работа Ю.М. Осипова дает возможность увидеть движение, поиск и построение новой концепции. Показывает те ограничения и противоречия политэкономии, которые потребовали иного мировоззренческого подхода. Автор создает тем самым размыслительное пространство, в котором происходит обсуждение актуальных проблем. Это позволяет выйти за рамки ограничений отдельной научной школы, посмотреть на проблему с разных точек зрения. Пространство философии хозяйства позволяет выстроить междисциплинарные связи и преодолеть ограничения научной специализации».

В эпоху Возрождения начался масштабный по своим последствиям процесс «обожествления» человека, заметил д.э.н., профессор **И.Г. Шевченко** (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва). Под внешне привлекательными лозунгами началась борьба с метафизическим началом. Английская классическая политэкономия и ее развитие в рамках марксистской теории стали рассматривать человека как продукт прежде всего материального начала, экономического базиса. В конечном счете это превратилось в открытое богоборчество. Отрицая метафизическую сущность человека, его бессмертную душу, экономисты встали на путь восхваления животного начала в человеке. Концепция рационального потребителя, исследования когнитивных аспектов хозяйственной деятельности, манипуляции сознанием и эксперименты по чипированию являются звеньями одной цепи — это попытки полностью оторвать человека от Бога, превратить в послушное животное, убить человеческое в человеке, сделать его орудием сил зла.

Философия хозяйства, исследуя метафизическую компоненту общественного развития, сопротивляется этому процессу, что провоцирует скрытую и явную обструкцию этого движения человеческой мысли, считает профессор Шевченко.

В своем выступлении д.ф.н., профессор **Ф.И. Гиренок** (философский факультет МГУ) отметил, что любое хозяйство требует хозяина. «Экономика как наука бросает прямой взгляд на вещи, ее интересует суть дела и не интересуют детали. А хозяина не интересует сущность, его интересуют детали дела. У науки есть логика. У движения от одной детали к другой нет логики. У него есть хозяин. Как связаны детали? Они связаны образами, склеенными эмоциями и чувствами».

Софиасофия, как и метафизика, наряду с «белой» — от Создателя, бывает и «черной» — от его «оппонента», подчеркнул д.э.н., профессор **И.Р. Бугаян** (г. Ростов-на-Дону). Белая созидает одну сторону хозяйства — его общественный сектор, черная — другую — экономику. Диалектическое единство этих двух сторон и образует хозяйство любого государства. В мировом хозяйстве обнаруживаются два типа хозяйств: 1) римской генерации — преимущественно в БРИКС; 2) карфагенской — Британский мир и ЕС. В первом типе содержанием хозяйств выступает общественный сектор стран, во втором — экономика. «В общественных секторах хозяйств стран нет ни одного атома от экономики и наоборот. Поэтому разное содержание в первом и втором типе хозяйства раскалывает мир. Между отдельными странами, относящимися к разным типам хозяйства, нарушения баланса допустимы, но в мировом хозяйстве в целом — нет! Нынешние санкции — это кратчайший путь к катастрофе мира», — заметил профессор Бугаян.

В своем выступлении к.э.н. **В.В. Чапля** (директор НИИ анализа хозяйственных альтернатив, г. Краснодар) обратил внимание на проблему сохранения человека в условиях цифровых изменений, когда реальность все сильнее виртуализируется, а языком виртуального хозяйства становится ложь: фейки, искусственный интеллект, новостной поток неправды. При этом человечество привыкает действовать в окружении лжи, принимая хозяйственный регламент неведения. Реальный мир поглощается виртуальным, дистанционные технологии разрушают реальность. Договор на переход в виртуальный мир лжи — это инструмент контроля неправды. Однако регламент

защищает, пока в него верят. Для сохранения себя как творца человек должен избегать лжи. «Бог держит все под контролем — человек сохранится в правде свободы», — подчеркнул докладчик.

Свой доклад на тему «Концепция Ю.М. Осипова “Философия хозяйства как достояние размышляющего человечества”»: взгляд из будущего» д.э.н., доцент **М.Ю. Павлов** (экономический факультет МГУ) начал с развития важного вывода Юрия Михайловича, сделанного несколько лет назад: значимое достижение современной России — это преодоление отставания, характерного еще для СССР и для России 1990-х гг., в области потребления. Это значимое, труднопреодолимое отставание (на целое поколение) было одной из важнейших причин развала Советского Союза. Помимо отставания в технике, технологиях, моде, наблюдалось и отставание в быту — самое обескураживающее: женщины были вынуждены делать огромные объемы домашней работы, причем довольно тяжелой работы, ручную.

«Теперь необходимо преодолеть не менее серьезную проблему — отставание в ряде гуманитарных наук, особенно в области экономической теории, которая остается вторичной, догоняющей по отношению к странам Запада, базирующейся в основном на разработках США многодесятилетней давности. В этой связи следует отметить, — считает М.Ю. Павлов, — что работы Ю.М. Осипова, представленные в обсуждаемом сегодня трехтомнике, настолько современны, что его тексты, даже написанные много лет назад, воспринимаются будто созданы буквально сегодня. Ю.М. Осипов очень точно назвал их “превентивными”!»

В конце XIX — начале XX в., заметила д.и.н., профессор **Г.Р. Наумова** (исторический факультет МГУ), шло становление российских гуманитарных наук на основе соединения познания с идеальным и чувственным началом в деятельности «наукотворца», когда труд, в частности, историка воспринимался как живая связь между субъектом и объектом, а познание оценивалось как волевая деятельность, требующая энергии, напряжения, труда, когда историческим фактом считалось то, что стало явлением народной жизни. XX в. теснил гуманитарную составляющую. На смену ей в науках пришла социология, гуманитарные науки стали политологией либо в лучшем случае литературоведением, «воевавшим» за культурную ренту по великой русской литературе.

«В этих обстоятельствах зачастую хранителями гуманитарной компоненты становились ученые естественнонаучного и даже технического профиля. Личность и деяния М.В. Ломоносова оказались чрезвычайно востребованными. Одновременно двигателем развития гуманитарной составляющей в науке стало поколение фронтовиков, как никто прочувствовавших гуманизм в науке. Это поколение ушло, оставив много начинаний.

На современном этапе развития науки, которому к стати уже более 30 лет, важно было сохранить гуманистический тренд, выработанный нашими учителями. Только “наукотворцы” нового типа, и осознающие, и чувствующие гуманитарный запрос общества, противостоят общей тенденции угасания гуманитарной компоненты в науке. Явленный Юрием Михайловичем Осиповым труд под общим названием “Иное достояние...” дает нам шанс преодолеть этот кризис, в том числе в науках гуманитарных», — заключила профессор Наумова.

Три тома «Иного достояния...» — это логически строгие и философски метафоричные размышления о сути человека и трудностях этого познания, подчеркнула д.соц.н., профессор **Г.С. Широкалова** (Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Нижний Новгород). Начав с осиповской цитаты: «Пребывать в науке вовсе не значит ею всерьез заниматься, а всерьез заниматься наукой не значит приближаться хоть к какой-нибудь сущностной истине, как раз гуманитарной науке-то и менее всего доступной» [2, т. 1, 5], профессор Широкалова заметила, что точный диагноз явлению поставлен. Причин для диагноза — объективных и субъективных — немало. Главная — гуманитарные науки остаются на острие идеологической войны, ведущейся на многих фронтах. И здесь для социолога встает вопрос о двух формах самоцензуры ученых. Как правило, ее сводят к опасениям нарушить законы, особенно строгие в условиях военных действий. Реже говорят о другой — нежелании работать на зарубежные спецслужбы. Шпионы не нужны, когда показателем работы ученого, по приказу отечественного Минобрнауки, являются публикации, особенно в зарубежных журналах, которыми автор латентно финансирует ЦРУ и др. подобные структуры. Отсюда выбор: уйти в историю науки, проигнорировать риски и точки невозврата, дать оптимистические прогнозы и т. д. Что это, по Осипову, — «Ложь от незнания, от недознания, от большого знания, от перезнания» [2, т. 3, 64]?

Итак, вопрос для дискурса: нужна ли самоцензура второго вида или... нужен знакомый/знаковый гриф ДСП для гуманитарных публикаций? И как итог — личный выбор между полуправдой и истиной...

«Продукты рождает не земля, а вода, полагают на Востоке, — заметил к.т.н. **О.В. Доброчеев** (РНЦ “Курчатовский институт”). — По аналогии можно сказать, что знания тоже рождаются в потоках, но только “размыслительной деятельности”, один из которых — философию хозяйства — создает Ю.М. Осипов. Динамика этого потока удивительна. Зародившийся в начале XX в. в МГУ с работы С.Н. Булгакова 70 лет он развивался отдельными учеными. И только с книгами Ю.М. Осипова, с создания лаборатории и журнала “Философия хозяйства” начала бурно прирастать последователями, превратившись в международную Академию. В динамике этого учения можно обнаружить удивительную аналогию с марксистским учением, поскольку их становление протекало в рамках 140-летних волн глобальных нововведений».

И как марксистское учение породило во второй половине XX в. целую международную систему социалистических стран, так и учение философии хозяйства создало теоретический базис многополярного или, точнее, полицентричного мира, как его назвал на последнем Валдайском форуме президент В.В. Путин, заметил О.В. Доброчеев.

В своем выступлении «Взаимосвязь логики и интуиции в познании как условие прорывов и открытий» к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск) отметил, что логика всегда бытийствует в основании и ядре любого научного знания, формируясь и самоутверждаясь посредством объекта, предмета, метода и методологических посылок. «Таким образом, возникает смысловой абрис, включающий причинно-следственные связи в формате системы закономерностей. Но по мере развития, воспроизводства сонма противоречий неизбежно актуализируется новое знание, базирующееся на прорывах и открытиях, находящихся часто за пределами традиционной системной научной логики и исходных посылок. Старая логика дает сбой, новая еще не явилась, ибо объект погружается в экстремальное, энтропийное состояние противоречиво корреспондирующих субъектов. И здесь срабатывает *интуиция* как продукт синергии остатков традиционной логики и потребности самоорганизации переходного

хаоса. Она способствует неизбежности явления новой системной логики, но заменить ее пока не может, так как новое качество объекта пока не обозначилось. Поэтому тот путь и то движение, которое заявлено профессором Осиповым в теме монографии, во многом позволяют взглянуть в целом на развитие процесса поиска очертаний будущего системного конструкта объекта, который определенно выступает в форме Иного. Имеет значение здесь и посыл профессора Гиренка в его бинарных парах: Родина — Отчество, община — общество, государство — государь (самодержец), взвешенных в современном “молчащем” субъектно-человеческом противоречивом поле рассыпанного социума».

В заключение **Ю.М. Осипов** заметил: «Заинтересованное, синергичное, утвердительно-прорывное и, главное, духоподъемное обсуждение состоялось, став в учено-гуманитарной жизни безусловным событием! Прогрохотал и предвиденный мною во вступительном слове когнитивно-размыслительный залп, возвестивший о рождении и наличии в гуманитарной сфере иного для нее достойного — софиасофической философии хозяйства!

К ныне презентуемым и другим моим философско-хозяйственным текстам не стоит относиться как к обычным научно-исследовательским и даже философским трудам, склонным как к фактофеноменологической интерпретации по возможности строго определенного, с тщанием изучаемого и буквально “по косточкам” разбираемого объекта, так и к аналитико-обобщительному копательству в разумно-логическом-де мышлении человека вкупе со столь же разумно-логическим представлением гуманитарного ума о будто бы столь же разумно и логически устроенном, включая и самого человека, земно-космическом мире, еще и с обильным цитированием “друзей и недругов” по гуманитарному цеху, как раз того самого обязательного-де цитирования, которого в моих текстах практически нет.

Здесь совсем другое — творчески проникновенное взаимодействие сознания-бессознания со смысловой начинкой не так строго определенного объекта изучения и размышления, как с вовсе не строго аксиоматически законтуренной, живой, самодеятельной, а главное, по-своему думающей и решающей, полной Неизвестности и вполне зависимой от столь же неизвестного Иного хозяйственной и

хозяйствующей мирореальности, причем с целью не только не физико-математически выверенного и таким же образом обоснованного с ней оперирования, еще и “технонейроцифирно” утвержденного как метафизически трансцендентного погружения, да не в объект фактологического изучения, фиксации и описания или в ту же человеческую представленческо-размыслительную субъективность, что, конечно, возможно, но не отвечает потребностям диалогового общения с мирореальностью, а погружение в само диалогическое единение познающего сознания с непознаваемой до конца мирореальностью, включая и самого человека, столь же, увы, непознаваемого и иного, как и сама мирореальность!

В общем, у нас ежели и есть что, так это не что иное, как... *откровение!*

Нравится это кому-то или нет, но это так, и именно так следует относиться к философии хозяйства и ее ментально-текстуальным выкладкам — как к не дающим окончательного ответа, но зато дающим особое представление о мирореальности и самом человеке, позволяющее воспринимать реальность и человека в ней ближе к исконной правде и подальше от сознательно-бессознательной, весьма по обыкновению и вульгарной, всячески вроде доказанной проксигуманитарной мифологии».

Спасибо всем за участие в собрании, за неординарные мысли, за творческую солидарность, поблагодарил участников симпозиума профессор Осипов.

Литература

1. *Зотова Е.С.* Актуальная гуманитарная мысль: презентация трехтомника Ю.М. Осипова «Иное достояние...» // Вопросы политической экономики. 2025. № 4 (44). С. 202—209. DOI: 10/5281/zenodo.18278559.

2. *Осипов Ю.М.* Иное достояние: собрание превентивных текстов от политэкономии к философии хозяйства, от софиологии к софисофии: В 3 т. М.; Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2025.

References

1. *Zotova E.S.* Aktual'naya gumanitarnaya mysl': prezentaciya trekhtomnika YU.M. Osipova «Inoe dostoyaeie...» // *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 2025. № 4 (44). S. 202—209. DOI: 10/5281/zenodo.18278559.
2. *Osipov YU.M.* Inoe dostoyanie: sobranie preventivnyh tekstov ot politekonomii k filosofii hozyajstva, ot sofiologii k sofiasofii: V 3 t. M.; Tambov: Izdatel'skij dom «Derzhavin-skij», 2025.

АНОНСЫ — 2026

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы философско-хозяйственной,
обществоведческой и экономической мысли»

на тему:

***«Феномен управляемого экзистенциально-хозяйственного
(экономического) хаоса: блеф и реалии, прожекты и результаты»***

19 марта 2026 г. (четверг)

(МГУ, экономический факультет)

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2026

Научная конференция экономического факультета МГУ

Секция лаборатории философии хозяйства

***«Потальная технонейроцифровизация: новая для экономики
перспектива или смертный ей приговор?»***

Апрель 2026 г.

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

из цикла

«Средняя Россия: земля и люди»

***«Регион под прессом усиливающейся конкуренции и натиском
непредсказуемых социально-хозяйственных нововведений»***

Июнь 2026 г.

(МГУ, экономический факультет совместно с Тамбовским
государственным университетом имени Г.Р. Державина)

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2026

на тему:

*«Мировая экономика как управляемое из глобального
финансового центра казино»*

Сентябрь — октябрь 2026 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

на тему:

«Планетарный мир на трансгрессивном переломе»

Пленарное заседание

Секции:

1. Хозяйство и экономика на пути глобально-кризисных перемен.
2. Homo sapiens contra at pro homo sapiens.
3. История конца истории.

Пленарная дискуссия

От глобального диктата финансовократии к глобальной диктатуре техно-нейроцифрократизма?

Декабрь 2026 г.

(МГУ, экономический факультет)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

КОВАЛЕВ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия (*nkovaleva379@gmail.com*).

ШЕВЧЕНКО ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия (*managerial@mail.ru*).

МЕЛАНИН ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

кандидат экономических наук., доцент, заведующий кафедрой экономики, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия (*managerial@mail.ru*).

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ,

доктор филологических наук, профессор, кафедра кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия (*markovius@gmail.com*).

ШТАЙН ОКСАНА АЛЕКСАНДРОВНА,

кандидат философских наук, доцент, кафедра социальной философии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия (*shtaynshtayn@gmail.com*).

КАПКАНЩИКОВ СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики, филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в Севастополе, Севастополь, Россия (*kapkanshchikovsg@mail.ru*).

ЕГОРОВ ГЕННАДИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ,

кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник, кафедра юриспруденции и психологии, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, Волжский, Россия (*egorov@vgi.volsu.ru*).

КОЗЛОВСКИЙ АЛЕКСЕЙ ЮРОСЛАВОВИЧ,

старший преподаватель, кафедра международных отношений и внешней политики, исторический факультет, Донецкий государственный университет, Донецк, Россия (*al.yu.kozlovskiy@mail.ru*).

САПРОНОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

кандидат экономических наук, советник генерального директора, ООО «Газпром ПХГ», Санкт-Петербург, Россия (*sscc-h@mail.ru*).

СТАРОВОЙТОВА ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего по развитию, кафедра учета, анализа и аудита, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*selena0769@yandex.ru*).

СУЙЦ ВИКТОР ПАУЛЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, научный руководитель, кафедра учета, анализа и аудита, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*viktor.suyts@gmail.com*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*girenok@list.ru*).

ШТЕЙНБЕРГ АЛЕКСЕЙ ГЕНРИХОВИЧ,

кандидат социологических наук, доцент, кафедра философии, социологии и права, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия (*shtein1966@mail.ru*).

ЕВДОКИМОВА МАРИНА МАКСИМОВНА,

студентка магистратуры 2 курса, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*marina.schipacheva@list.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*mailconst@gmail.com*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*nnrostova@yandex.ru*).

ТОРОПОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

аспирант, экономический факультет, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (*1142240366@rudn.ru*).

СЕЛИВАНОВ ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ,

старший вице-президент, Reckitt Benckiser, Лондон, Великобритания
(*ilya.n.selivanov@gmail.com*).

КАМАРИ ДАНИЭЛЬ МИХАЙЛОВИЧ,

Преподаватель, кафедра подготовки преподавателей редких языков,
Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия (*danikamari@mail.ru*).

ГАБРИЕЛЯН ОЛЕГ АРШАВИРОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Крымский
федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Рос-
сия (*abroleg@mail.ru*).

ЗОТКИН АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ.

кандидат социологических наук, доцент, кафедра философии, Крымский
федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Рос-
сия (*and.zotkin@yandex.ru*).

ШИРОКАЛОВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА,

доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Приволжский филиал Института социологии, Федеральный научно-ис-
следовательский социологический центр РАН, Нижний Новгород, Рос-
сия (*shirokalova@list.ru*).

МАЙКОВА ОЛЕСЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

старший преподаватель, Международный юридический институт, Коро-
лёвский филиал, Москва, Россия (*Lesik_1983@mail.ru*).

ФРИДМАН МИХАИЛ ФЕЛИКСОВИЧ,

доктор философских наук, доцент, профессор, кафедра гуманитарных
дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государствен-
ной службы при Президенте РФ, Москва, Россия (*Mffree79@mail.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломо-
носова, Москва, Россия (*tssmsu@mail.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономи-
ческий факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
(*eszotova@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

KOVALEV SERGEY GEORGIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia (*nkovaleva379@gmail.com*).

SHEVCHENKO IGOR' GEORGIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities, Moscow, Russia (*managerial@mail.ru*).

MELANIN VLADIMIR ALEXANDROVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Head of Department of Economics, Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities, Moscow, Russia (*managerial@mail.ru*).

MARKOV ALEKSANDR VIKTOROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*markovius@gmail.com*).

SHTAYN OKSANA ALEKSANDROVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Social Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia (*shtaynshtayn@gmail.com*).

KAPKANSHCHIKOV SERGEY GENNAD'EVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economics, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Sevastopol, Russia (*kapkanshchikovsg@mail.ru*).

EGOROV GENNADIY GENNAD'EVICH,

Candidate of Law, Associate Professor, Researcher, Department of Jurisprudence and Psychology, Volga Branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russia (*egorov@vgi.volsu.ru*).

KOZLOVSKIY ALEKSEY YUROSLOVICH,

Senior Lecturer, Department of International Relations and Foreign Policy, Faculty of History, Donetsk State University, Donetsk, Russia (*al.yu.kozlovskiy@mail.ru*).

SAPRONOV SERGEY NIKOLAEVICH,

Candidate of Economics, Advisor to the General Director, Gazprom UGS LLC, Saint Petersburg, Russia (*sscc-h@mail.ru*).

STAROVOYTOVA ELENA VITALIEVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Deputy Head, Development of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*seleno0769@yandex.ru*).

SUYTS VIKTOR PAULEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Scientific Supervisor, Department of Accounting, Analysis and Audit, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*viktor.suyts@gmail.com*).

GIRENOK FEDOR IVANOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*girenok@list.ru*).

SHTEYNBERG ALEKSEY GENRIKHOVICH,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, Sociology and Law, Far Eastern State University of Railways, Khabarovsk, Russia (*shtein1966@mail.ru*).

EVDOKIMOVA MARINA MAKSIMOVNA,

Master's student, 2nd Year, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*marina.schipacheva@list.ru*).

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Economics, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Laboratory of Philosophy of Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*mailconst@gmail.com*).

ROSTOVA NATAL'YA NIKOLAEVNA,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*nnrostova@yandex.ru*).

TOROPOV KIRILL ALEKSANDROVICH,

Postgraduate Student, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia (*1142240366@rudn.ru*).

SELIVANOV IL'YA NIKOLAEVICH,

Senior Vice President, Reckitt Benckiser, London, UK (*ilya.n.selivanov@gmail.com*).

KAMARI DANIEL' MIKHAYLOVICH,

Lecturer, Department of Training Teachers of Rare Languages, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia (*danikamari@mail.ru*).

GABRIELIAN OLEG ARSHAVIROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia (*gabroleg@mail.ru*).

ZOTKIN ANDREY ALEKSEEVICH,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia (*and.zotkin@yandex.ru*).

SHIROKALOVA GALINA SERGEEVNA,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher, Volga Branch of the Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia (*shirokalova@list.ru*).

MAIKOVA OLESYA ALEKSANDROVNA,

Senior Lecturer, International Law Institute, Korolev Branch, Moscow, Russia (*Lesik_1983@mail.ru*).

FRIDMAN MIKHAIL FELIKSOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (*Mffree79@mail.ru*).

SUKHINA TAT'YANA SERGEEVNA,

Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tssmsu@mail.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAFIMOVNA,

Candidate of Economics, Senior Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 35000 знаков (с пробелами), включая метаданные и библиографию.

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) на русском и английском языках должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы), без сокращений; адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком *References* должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация

формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word.

Рисунки и схемы сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность редактирования, перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Подписи не должны быть частью рисунков или таблиц. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** не должен превышать 11 см по ширине и 14 см по высоте. **Цвет рисунков — черно-белый.** Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word. Количество таблиц и рисунков в статье должно быть не более 5 в совокупности.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. **Подписку** на журнал (6 номеров в год) можно оформить в Агентстве «Урал-Пресс». Индекс — 83115. **ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА (ural-press.ru)**. Со всеми вышедшими с 1999 г. номерами журнала можно ознакомиться в редакции.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. +7(495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.